ПА 110
П 87
т. 23 ч1 кн. 2

ТРУДОВЕ

НА

ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ "СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"

Том 23

TRAVAUX

DE

L'UNIVERSITE "ST. ST. CYRILLE ET METHODE" DE V. TIRNOVO

Tome 23

Университетско издателство "Св. св. Кирил и Методий"
В. Търново, 1992, V. Tirnovo

ТРУДОВЕ
НА ВЕЛИКО-
ТЪРНОВСКИЯ
УНИВЕРСИТЕТ
"СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"

ГОДИНА 1992 ТОМ 23, КНИГА 2

ТРУДОВЕ

НА

ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ •СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ•

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ
КНИГА 2 – ЕЗИКОЗНАНИЕ

ТОМ 23
1986

TRAVAUX

DE

L'UNIVERSITÉ •ST. ST. CYRILLE ET MÉTHODE• DE V. TIRNOVO

FACULTÉ PHILOLOGIQUE
LIVRE 2 – LINGUISTIQUE

TOME 23
1986

Университетско издателство "Св. св. Кирил и Методий"
В. Търново. 1992. V. Tirnovo

ПА 11б
П187

80

РЕДАКЦИОННА КОЛЕГИЯ:

доц. к.ф.н. *Йорданка Маринова* (главен редактор), доц. *Йордан Еленски*, доц. *Иван Харалампиев*, ст. ас. *Маргарита Палукова* (научен секретар)

6909/1993

ОКРЪЖ А Б ОТЕКА
гр. В. ТЪРНОВО Д

© Великотърновски университет
"Св. св. Кирил и Методий"
1992
c/o Jusautor, Sofia
Индекс 80 (05)

СЪДЪРЖАНИЕ

Ана КЪРШЕВА. По някои проблеми на семантиката и превода 7
Диана ДАМЯНОВА. Словоредни позиции на обстоятелствените пояснения за място и време и преводачески словоредни трансформации 31
Недялка ИВАНОВА. Структурно-семантичен анализ на селищните имена в Луковитско 65
Кина ИВАНОВА. Деривационные возможности отсубстантивных прилагательных при образовании имен существительных со значением отвлеченного признака на -ость в русском языке в сопоставлении с болгарским 93
Милена РАЙЧЕВА. Переносные значения одной тематической группы глаголов звучания в болгарском и русском языках 117
Светлозар ВЛАЙКОВ. Структура и синтагматика постоянных сравнений древнерусского языка на "Материалах для словаря древнерусского языка XI–XVI в.в." И. И.Срезневского 145

CONTENTS

Anna KURSHEVA. On some Problems of Semantics and Translation 7
Diana DAMIANOVA. Positions of the Adverbials of Place and Time in Simple Declarative Sentenses and Word Order Rearrangements in the Translation Process 31
Nedialka IVANOVA. Structural and Semantic Analysis of Place-Names in the District of Lukovit 65
Kina IVANOVA. Derivative Abilities of Adjectives to Form Abstract Nouns with the Suffixes -ость in Russian and -ост in Bulgarian 93
Milena RAITCHEVA. Figurative Meanings of Verbs of Sounds in Bulgarian and Russian 117
Svetlosar VLAIKOV. Structure and Sintagmatics of the Old Russian Cliche-Similes in I. I. Sreznevski's "Materials for a Dictionary of Old Russian: XI–XIV CC." 145

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
"СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
Том 23, кн. 2 ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ 1992

TRAVAUX DE L'UNIVERSITÉ "ST. ST. CYRILLE ET MÉTHODE"
DE V. TIRNOVO
Tome 23, livre 2 FACULTÉ PHILOLOGIQUE 1992

ПО НЯКОИ ПРОБЛЕМИ НА СЕМАНТИКАТА И ПРЕВОДА

АННА КЪРШЕВА

ON SOME PROBLEMS OF SEMANTICS AND TRANSLATION

ANNA KURSHEVA

Велико Търново, 1992

1. ВЪВЕДЕНИЕ

Предлаганият тук обзор е замислен като встъпление към по-конкретни разработки и има за цел да разгледа някои възлови семантични проблеми, имащи отношение към превода. В центъра на нашето внимание стоят въпросите за съпоставимостта и преводимостта между езиците; по-общите проблеми за семантичните взаимоотношения на базата на изходната езикова единица — значението; семантико-структурната организация на езика въз основа на семантичното сходство и семантичната диференциация; синонимията като едно от основните езикови отношения и връзката ѝ с превода; вариативността като естествено състояние на езика и проблемът за избора на преводен вариант; степените на синонимно сближение и степента на точност при превода. Обзорът представлява опит за обобщение и систематизация на типични за езика явления, поставя въпросите, без да има пряката задача да ги разреши, и е изграден на базата на лингвистични разработки, в които се търси взаимодействието между тези явления, както и взаимовръзката им с проблемите на превода.

2. ПРЕВОДИМОСТ

Преводаческата практика ни убеждава, че ако няколко преводачи работят върху един и същ текст, в резултат ще се появят няколко различни версии на този текст. И все пак в тези версии ще се съдържа така нареченото "инвариантно ядро" на оригиналния текст. Според Попович това ядро се състои от стабилни, основни и постоянни семантични елементи в текста, чието съществуване може да се докаже чрез експериментална семантична кондензация. Трансформациите или вариантите са онези промени, които не изменят ядрото на значението, но повлияват на експресивната му форма[1]. Според изводите на някои съвременни лингвисти природата на естествените езици е такава, че пълна преводимост между тях не е възможна. Предпоставката за такова заключение се съдържа в убеждението, че човешкият език по природа е относително неточен; езиковите средства имат свойството да се универсализират според темата и ситуацията; няма напълно точни съответствия между сродни думи в различните езици[2]. Поради тези свойства на ези-

ка не е възможна абсолютно точна преводимост или абсолютна еквивалентност при превода. И все пак поради наличието на известна идентичност в семния състав на езиците и възможността за преводна реализация на различни езикови нива преводимостта съществува, макар и в относителна степен[3]. Основният принцип на теорията на превода за "всеобщата преводимост от един език на друг" може да се разглежда като универсален принцип при съпоставителните преводни изследвания, който обаче установява сходството между определени езикови единици на по-дълбоко езиково ниво, докато на повърхностно ниво се наблюдават различни видове отклонения и деформации на дадено значение[4]. Преводът би могъл да се нарече точен по отношение на концептуалното съдържание, но по отношение на изразните експликации на това съдържание той е относително неточен, т. е. създава се възможност за вариации.

3. ЕЗИК И РЕЧ

За преводната теория е важна преди всичко употребата на езиковите единици в речта — поради "вариативността на езиците като тяхно естествено състояние"[5]. Традиционният контрастивен анализ изучава езиковите явления де-контекстуализирано — в статичен и фиксиран вид. Но в речта се наблюдава по-свободно индивидуално проявление на езиковите единици. Тяхната употреба може да бъде неочаквана и непредсказуема; възниква многообразие от форми. Ето защо особено за целите на преводаческата практика по-подходящ се оказва контрастивният анализ на преводни текстове, чрез който се обръща специално внимание на комуникативната ситуация и чиято главна цел е намирането на "най-естествения еквивалент" в езика-приемник за дадена единица от езика-източник[6]. Въпреки че при превода най-ярко се проявяват индивидуалните особености на езиковите единици, все пак този анализ не може да бъде напълно откъснат от анализа на езиковите единици в изолиран, статичен вид, тъй като тяхното съществуване в такъв вид се е оформяло в процеса на функционирането им в речта и в синтезирана форма ни дава представа за най-характерните им особености и взаимоотношения. В този смисъл определени езикови единици могат да бъдат разглеждани в определена система от изградени езикови отношения и като елементи на тази система, проявяващи се в речта. Например семантично съотносимите езикови единици с общ компонент "излъчвам светлина" образуват обща парадигма, което дава възможност те да бъдат системно анализирани и извън речта[7]. Такива единици съществуват и в английския, и в българския език, взаимно се превеждат (по данните от наличния корпус) и това позволява те да бъдат съпоставяни. В преводен аспект по принцип не се съотнасят целите системи, а само елементите на тези

системи. Но взаимоотношенията вътре в системата, изградени на базата на общи и специфични компоненти, влияят при анализа и избора на преводен вариант във всеки отделен случай. По този начин се осъществява "идентификацията на определен езиков знак — намира се мястото му в два вида контекст: 1. непосредствения контекст на текста, който преводачът превежда; 2. по-широкия контекст в една серия или група езикови знаци към която определен знак принадлежи във всеки съответен език[8]. Идентифицирането в непосредствения контекст е важно по отношение на превода като продукт, а в по-широкия контекст — по отношение на превода като процес. Според Найда преводачите по-лесно се справят със специфичните детайли, отколкото с генерализациите, тъй като при изкачването по скалата на една йерархична езикова структура (каквато е например семантичното поле) разликите между езиците стават пропорционално по-големи[9]. Но когато се търси така наречения "инвариант" или "общо концептуално ядро" (вж. по-горе), при превода често се прибягва до йерархични структури от по-висш строй. Причината за това е, че не винаги могат направо и директно да се съпоставят и взаимно да се преведат езиков знак с езиков знак така, както ги намираме в речниците.

4. СИСТЕМНИ ОТНОШЕНИЯ В ЕЗИКА НА БАЗАТА НА ЕЗИКОВОТО ЗНАЧЕНИЕ

В най-обобщен вид идеята за системността на езика, която намира приложение при преводните анализи, можем да представим чрез разграниченията, направени от Кузнецов: "Лексическото значение, лексико-семантичната група и лексико-семантичният признак са трите основни структурно-семантични параметри в лексико-семантичната структура на езика. При това централната единица, която определя всички външни и вътрешни връзки на думите, е лексическото значение... Лексическото значение като централна, конститутивна единица... обединява двата други лексико-семантични параметри: лексико-семантичната парадигма и семантичния признак в този смисъл, че последните се явяват производими от първото."[10]. Общо взето, за целите на превода достатъчно важни се оказват както характеристиките на езиковия знак като индивидуална езикова единица, така и неговите характеристики като елемент от по-голяма езикова система[11]. В йерархична последователност можем да подредим семантичния признак (компонент — вж. по-долу), значението и лексико-семантичната парадигма (поле). Определени автори[12] смятат, че в основата на едно семантично поле лежи понятието синонимия. Действително съществува взаимозависимост между семантично поле и синонимия на базата на семантичното сходство. Но

нещо повече, едно лексико-семантично поле представлява система, изградена на базата не само на семантичното сходство, но и на семантичното различие[13]. Наличието на инварианти и диференциални признаци е важно условие за системната организация на полето[14]. По-късно ще видим, че такива черти са присъщи и на синонимите като индивидуални езикови единици. Засега можем да отбележим, че в лексико-семантичната система на езика съществуването на семантични полета позволява всяка езикова единица да се открои със своето значение посредством контрастирането ѝ с други единици в дадено поле. Освен това значенията на индивидуалните единици взаимно се ограничават.

5. КОМПОНЕНТЕН АНАЛИЗ

Съвременният метод за установяване на семантически еквивалентни (или сходни) единици, изграждащи дадено семантично поле, е свързан с разлагането на значението им на семи или компоненти[15]. Този метод се налага поради това, че лингвистичното значение е многопланово. Болшинството от лексическите единици са полисемантични и съпоставянето им в цялост, особено при изучаването на синонимните отношения, е невъзможно. Методът на компонентния анализ се явява един вид продължение на полевата теория[16]. Едно от основните понятия на метода е понятието "семантичен компонент" (срв. семантичен множител = семантичен признак = семантичен маркер = сема)[17], равностойно на минимална семантична единица на лексическото значение. Тази единица се разглежда като пределна единица на значението дотолкова, доколкото не се дели на по-малки смислови елементи. Съществуват три възможни способа да се представят универсалните семантични признаци, определящи лексико-семантичния тип на езика: 1. за всички езици — с един и същ набор от компоненти; 2. универсален набор от компоненти, от които всеки език избира комплекс от единици с по-малък обем; 3. описанието на всеки език се построява върху универсален набор от компоненти, в допълнение към които за описанието на всеки конкретен език е необходимо определено количество негови собствени семантични компоненти[18]. Според нас, макар и да бъде изработен универсален набор от компоненти, индивидуални различия между езиците ще има. При анализа на семантичното поле с общ компонент "излъчвам светлина" приложихме набор от компоненти, изграден на базата на английския език[19]. В преводен аспект този набор се оказа валиден както при вътрешната интерпретация на английските лексеми с цел превод на български език, така и при превод на български език с цел избор на вариант от една обща парадигма. Въпреки това картината би била най-пълна, ако се имат предвид особеностите и на двата езика. Най-трудно е да се разграничат собствените признаци на думата (език) от признаците, ко-

ито се извеждат от контекста (реч), който постоянно съпътствува дадена дума при нейната конкретна употреба[20]. С тази трудност се сблъскахме при изработването на таблица от набор компоненти за лексемите с общ компонент "излъчвам светлина"[21]. Докато основното ядро на компонентите може да се изведе без наличието на контекст — най-вече групата от компоненти "интензивност" и "интервал", то компонентите, условно наречени "среда на разпространение" и "визуален ефект", сочат към зависимост от контекста. Засега таблицата не прави строги разграничения. Може да се каже, че наред с речниковите са взети предвид и контекстуалните значения. От друга страна, такова разграничение се прави много трудно за английските лексеми, които не винаги могат да бъдат анализирани без контекст, тъй като семантичните им компоненти са от "скрит тип"[22]. Докато семантичните компоненти от "открит тип" са изразени с подходящи лексико-граматични маркери, семантичните компоненти от "скрит тип" нямат собствено означаемо — те се установяват посредством компонентния анализ. Кийнън например заявява, че се занимава само с "експлицитно представени семантични свойства"[23]. Но в случая с английските лексеми, с малки изключения, не може да се работи без контекст, тъй като той играе особено важна роля при отграничаването на компонентите. Като изключение можем да посочим няколко фразеологични глагола, които имат своеобразен семантичен маркер: blaze up, flash up, glint off, burn down, flicker away. Поголяма степен на формализация се наблюдава при българските лексеми: светя, просветвам, светлея. Очевидно границата между език и реч може да се прокара само условно, тъй като чисто езиковите разграничения са непълни и не разкриват цялото многообразие от съществуващи форми и употреби. От друга страна, контекстуалната употреба води до опасността наборът от компоненти да стане много дълъг, което налага поставянето на условна граница. С една дума възниква въпросът да се намери тази граница при достатъчен брой компоненти — достатъчен, за да охарактеризира една или друга езикова единица. Това е особено важно, когато става въпрос за усвояването на даден чужд език. "Ако съхраним в паметта си думите с неадекватни или с недостатъчен набор семантични маркери, ще ги употребим неправилно, като създадем неадекватни изречения"[24]. Според Тейлър, за да бъдат използувани правилно думите, е необходимо да се знаят техните семантични маркери и синтактичните им характеристики, т. е. освен в парадигматичен план езиковите единици трябва да бъдат усвоени и в синтагматичен план. Не може да се отговори адекватно на въпроса "колко семантични маркери са необходими, за да се направи пълен анализ на смисъла на дадена дума и да се разграничи тя от други думи""[25]. Като достатъчен се смята наборът от семантични компоненти, представен в речниците. Но всеки обучаем или преводач неведнъж се е сблъсквал с недостатъчността на достатъчния брой компоненти при изненадите на живата реч. С една дума въпросът все още остава открит.

6. ОБЩИ И ДИФЕРЕНЦИАЛНИ СЕМАНТИЧНИ ПРИЗНАЦИ

Засегнахме бегло въпроса за взаимоотношенията в едно семантично поле, които в своя системен вид оказват влияние на избора на подходящ преводен вариант. Наблюдават се два основни типа взаимоотношения — на идентичност и контраст. Всяка лексема, влизаща в определена система, съдържа общия семантичен признак (признаци) на системата и диференциален семантичен признак (признаци), чрез който е възможно да се направи разграничение между значението на тази лексема и значението на друга. Общият семантичен признак (или компонент) обединява лексемите в определена семантична група, докато диференциалният е особено важен при съпоставката на отделните лексеми, особено що се отнася до тяхното функциониране в речта. Контекстуалната употреба разкрива и допълнителни, второстепенни свойства на лексемите, които могат да се нарекат потенциални семантични компоненти. Възможно е такива компоненти впоследствие да бъдат развити и закрепени като постоянни компоненти в структурата на дадена езикова единица. Например настойчивата употреба на glitter в съчетание с dark, sombre и т. н. в "Сърцето на мрака" от Конрад[26] създава впечатлението, че glitter съдържа компонент "мрачен" в своята структура, който контрастира с основния семантичен компонент. Данните от речниците — синонимни, тезауруси, тълковни и др. — ни разкриват много бегло взаимоотношенията между семантично сходни единици. Като се имат предвид затворените кръгове от обяснения на синоним със синоним, речникът не може да даде напълно адекватен отговор на въпроси, свързани със семантичната диференциация на думите. По принцип много от речниците не обсъждат разликите между семантично сходните единици[27]. Известни изключения прави серията Уебстър[28], където е направено основното заключение, че синонимията е отношение между значения и където синонимите и семантично сходните думи са подредени по степен на синонимна близост, а полисемантичните единици са разбити на няколко значения, всяко от които образува собствен синонимен ред. Въпреки това, както заключават някои автори[29], речниците не обсъждат разликите между синонимите и не разкриват вътрешните взаимоотношения между отделните думи, техните синоними и особено между самите синоними. Поначало речниците дават "линеарна" представа за "многомерни" семантични структури и затова вече започват да възникват нови предложения за т. нар. "нелинеарен, пространствен модел" за обяснение на значението[30], а Бережан предлага понятието "синонимен блок" вместо едномерния модел на синонимния ред[31]. В почти всички синонимни речници се включват голям брой сходни в лексическо отношение единици и така тези речници стават идеографически[32]. Възниква въпросът за границата и критерия при изработването на двата вида речници. Решаването на този въпрос се обуславя от решаването на основните въпроси, свързани с организацията и структурата на семантичното поле,

въпросите, свързани със синонимното отношение като основно езиково отношение и съотношението между семантично поле и синонимия.

7. СИНОНИМИЯ

Ще се спрем по-подробно на синонимното отношение като едно от основните смислови отношения в езика и основно езиково явление. От прегледа на лингвистичната литература[33] става ясно, че синонимията като езиково явление се разглежда в по-широк или по-тесен аспект. По-широкото тълкуване на синонимията ни извежда в границите на семантичното поле, а по-тясното тълкуване ни задържа в границите на синонимното гнездо. Що се отнася до превода, веднага би следвало да отбележим, че синонимията трябва да се разглежда по-широко, т. е. да се излезе извън тесните рамки на синонимното гнездо при търсенето на адекватен преводен еквивалент и запазването на основните елементи на смисъла[34]. Решаването на прагматическите задачи на превода често отвежда преводача в неочаквана за лингвиста посока, тъй като при превода важи принципът за необходимата степен на точност. Преводът възпроизвежда не всички семантични черти на дадена езикова единица, а само релевантните за даден контекст[35]. Така че когато лингвистът изследва явлението — в случая семантичното поле и синонимията, то той следва да бъде прецизен и ясен във формулировките. Но при решаването на чисто прагматични задачи границите, които лингвистът прокарва между тези две явления, често се заличават и прехвърлят в полза на адекватния превод. Според нас семантичното поле е изградено от комплекс синонимни гнезда и обхваща в по-широк аспект синонимията като едно от основните езикови отношения. Що се отнася до синонимията, изясняването на въпроса е от първостепенна важност, още повече че някои лингвисти третират и преводната еквивалентност като вид синонимия — междуезикова синонимия[36]. От една страна, буквално погледнато, действително преводът дава преводен синоним за дадена единица от езика-източник. При билингвисти това явление е по-очебийно, тъй като те дори не превеждат, а притежават запас от паралелно съществуващи двойки синоними, взети от двата езика, които владеят[37]. От друга страна, изборът на определен преводен вариант от една налична преводна парадигма, т. е. група синоними или лексико-семантична група от по-висш строй, много тясно свързва превода с понятието синонимия. Каква е същността на синонимното отношение? Преобладаващата част от изследователите на явлението вземат за основа на синонимията значението като типично лингвистична категория[38]. Докато мненията по този въпрос, общо взето, не се разминават, липсва единство по въпроса, дали "сходство" или "тъждество" на значението е основата на сино-

нимията. По-силни са основанията да се смята, че синонимията е отношение на тъждество[39]. Идеята за сходство идва от паралелно съществуващото и взаимнопораждащо явление — полисемията, тъй като почти всички езикови единици са полисемантични и пълно покритие по всички значения на две семантично сходни единици не е възможно. В такъв случай синонимното отношение като тъждество засяга само отделни значения или отделни семантични компоненти, но много рядко езиковата единица в цялост. Така че принципът за тъждество веднага се нарушава от езиковата система като цяло и, в частност, от съществуващите в нея семантични отношения. Ето защо този принцип е доста ограничен — не могат да се сравняват цели езикови единици, а само отделни техни значения. За да има пълно съвпадение между езиковите единици, те би трябвало да имат монемен характер. В противен случай така изложеният принцип за тъждество не може да се прилага за всички видове отношения на синонимия[40]. Ето защо практиката е наложила разграничаването поне на два вида синонимия — пълна и частична[41]. Пълната синонимия е рядко явление и по отношение на превода не представлява особен интерес. Много по-често разпространеното явление е частичната синонимия, т. е. съвпадение на някои компоненти от значенията на думите и несъвпадение на други. Именно този тип синонимия създава предпоставка за отъждествяване на синонимия и семантично поле и за изработването на синонимни речници с по-широк обсег. Съществуват автори, които отричат понятието пълна синонимия: "синонимите никога не са абсолютно еднозначни единици, това са винаги семантически и функционално близки речникови единици, чиято еквивалентност винаги е частична[42]. Като задължително условие за синонимиа се приема изискването за "минимум един общ семантичен компонент и поне още един различен компонент" или $C:C_1C_2$, където $C = C_1$[43]. Същото условие поставя и Болдинджър[44]: "една обща сема плюс потенциалното присъствие на не-общи семи, които служат за разграничение". Такъв принцип, по същество, не се различава от принципа за общ семантичен компонент и диференциални компоненти, прилаган към семантичното поле. Очевидно разликата е не толкова в същността, а в обсега на двете явления: по-тясното се включва в рамките на по-широкото и служи за негова градивна база.

8. СИНОНИМИЯ И ПРЕВОД

Видяхме, че синонимията се "подкопава" от полисемията в езика, вследствие на което под синонимия не може да се разбира семантично съвпадение на цели езикови единици, а само на отделни техни структурни компоненти. Следователно, по правило, синонимията не пред-

ставлява пълно тъждество или пълна еквивалентност между семантично сходни езикови знаци. При превод също така обикновено няма "пълна еквивалентност", а само "адекватна интерпретация" на съответните езикови единици[45]. В резултат на тази интерпретация след съответния анализ на значението на изходната езикова единица, което се разглежда не като собствено езиково значение, а като контекстуално обусловено значение, се прави избор на преводен вариант. Този вариант, както ще видим по-нататък, е носител не на всички характерни черти на изходната единица, а само на онези, които се реализират в контекста и които този вариант може адекватно да предаде. Следователно както при синонимията преводната еквивалентност не е пълна, а частична. С цел по-ясно разграничение на двата вида синонимия Бережан предлага два термина: "омосемант" — за изразяване на идеята за семантично тъждество, и "парасемант" — за изразяване на идеята за частична семантична еквивалентност. Като възможен общ термин, обхващащ другите два, авторът допуска използуването на стария термин "синоним"[46]. Но по този начин, както сам отбелязва, терминологичното различие би създало впечатлението за две различни езикови явления. Апресян си служи с термините "синоним" и "квазисиноним", които по същество запазват идеята за единство на явлението[47]. Склонни сме да възприемем възгледа на Вилюман (вж. по-горе) за частичната синонимия като единствено възможна форма на синонимия или с други думи понятието синонимия означава частична семантична еквивалентност, която може да се представи в степенуван вид в зависимост от съвпадението на повече или по-малко семантични компоненти от структурата на две езикови единици. Възможността за степенуване на единиците по общност на семантичните признаци създава условие за намирането на допирни точки с преводимостта, която също се представя в степенуван вид от теоретиците на превода[48]. В такъв случай пълната семантична еквивалентност (вътрешноезикова или междуезикова) може да се представи като коефициент, равен на 1 (вж. Бережан — за синонимите[49]). Този коефициент регистрира идеалните случаи на семантично съвпадение, които, за съжаление, са твърде малко. Всички останали случаи на такова съвпадение само се приближават до този коефициент в една или друга степен.

9. КРИТЕРИИ ЗА СИНОНИМИЯ

Като най-надежден (традиционен) критерий за синонимия се посочва взаимозаменяемостта[50]. Според степента на взаимозаменяемост между две единици се определя и степента на синонимна близост между тях[51]. Някои от семантично сходните единици са взаимозаменяеми във всички видове контекст, а други — само в ограничен контекст. Но дотолкова за изразяването на семантична еквивалентност единиците са

6909/1993
ОКРЪЖНА БИБЛИОТЕКА
гр. ВЕЛИКО ТЪРНОВО

взаимозаменяеми, то от гледна точка на стилистичната еквивалентост, т. е. на прагматично ниво, не всички единици са взаимозаменяеми[52]. Освен критерият взаимозаменяемост има и други критерии за синонимия, които в най-систематизиран вид са представени от Вилюман: A — понятийна общност; B — съотнесеност с един контекстуален денотат; C — семантико-смислова общност; D — принадлежност към една стилистична сфера; E — обща дистрибуция; F — обща съчетаемост; G — взаимозаменяемост; H — общност на звуковия състав; I — общност на морфологичния състав. След съответните анализи същият автор заключава, че само два от гореизброените критерии са необходими и достатъчни за изразяването на отношението "синонимия" — семантико-смисловата общност и взаимозаменяемостта. Или синонимията може да се представи като CG[53]. Останалите критерии не са задължителни като условие за синонимия, а са факултативни. Нямаме засега задача да проверяваме тези критерии с конкретен материал, но това може да стане в друго изследване с по-подробен анализ и примери. Ще отбележим само, че семантико-смисловата общност (която може да се потвърди чрез компонентен анализ) би следвало да се смята като първо условие за синонимия, доказуемо на базата на системността в езика, а взаимозаменяемостта — като реализация на тази общност в речта.

10. СЕМАНТИЧНА ДИФЕРЕНЦИАЦИЯ

Според нас основа на синонимията може да бъде семантико-смисловата общност, но основание за съществуването на синонимите е поскоро семантичното различие. Като условие за оцеляване на синонимите се посочва семантичната и стилистичната диференциация между тях[54]. Това условие е от първостепенна важност за преводаческата практика. Особено ясно разликите между синонимите изпъкват, когато те се поставят в отношение на опозиция, например — типичната употреба на синонимни двойки в английския език[55]. И други автори споделят мнението, че общата тенденция за синонимите е по посока на диференциацията. Тази диференциация се явява като форма на съперничество между тях, в резултат на което те започват да доминират в определена семантична сфера. Друг вид опозиция между синонимите е противопоставянето на неутрални и субективно-оценъчни компоненти в значенията им[56]. Тези типове противопоставяния са от съществена важност и действително предопределят употребата на един синоним вместо друг при условията на различен контекст, а оттам и правилния избор на преводен вариант. Но тези разлики не бива да изместват от центъра на нашето внимание проучването на типично семантичните различия между синонимите. С една дума налага се разграничението на когнитивно от конотативно значение и изучаването на когнитивните характеристики на езиковите единици като първооснова на всички останали характеристи-

ки. Като се има предвид, че синонимите са носители на едно общо инвариантно значение, тенденцията е всеки един от тях да стеснява това значение, да го конкретизира, разграничава и специфицира в определена насока[57]. Да си послужим с термините на компонентния анализ: "фактът, че две лексеми споделят общи компоненти без видим контраст, позволява те да се използуват в еднакъв контекст с едно и също значение (инвариантно); но присъствието на не-общи компоненти, дори и неконтрастиращи, не позволява те взаимно да се заменят във всеки възможен контекст[58]. На различни семантични нива езиковите единици могат да бъдат както взаимозаменяеми, така и противопоставени. Това води до ограничаване на сферата на тяхната употреба. В определени позиции, които могат да се проследят[59], се проявява моделът на синонимия, условно наречен от нас "интегриращ"; в други типични позиции е налице т. нар. "диференциращ" модел на синонимия. Най-добре сходствата и различията се проявяват в някои типични синтактични модели, където синонимите са в опозиция — съществително + съществително, глагол + глагол, съществително + глагол, глагол + непряко допълнение и т. н. Преводната практика с обучаеми в напреднал стадий (студенти) показва, че докато въпросът за семантичното сходство между единиците се разрешава от само себе си, то въпросът за тяхната диференциация е само отчасти разрешен. При превод на двойка семантично сходни единици, употребени в един и същ или близък контекст, преводът на втората единица неизменно води до затруднения, грешки или тя въобще не се превежда[60]. Ето защо отделяме такова голямо внимание на въпроса за семантичната диференциация, която е едно от задължителните условия за адекватен превод.

11. СЕМАНТИЧНА НЕУТРАЛИЗАЦИЯ

Вече изтъкнахме тезата на Найда-Тейбър (вж. бел. 58), че в определени позиции не-общите компоненти на синонимите не контрастират и позволяват те да бъдат използувани като термини с еднакво значение. Тази теза се допълва от една друга, застъпвана от доста автори: за семантичната неутрализация, която представлява приемливо обяснение за проявлението на семантично тъждество между синонимите. От гледна точка на тази теза синонимите се разглеждат като езикови единици, чиито несъвпадащи семантични признаци могат устойчиво да се неутрализират в определени позиции. Колкото повече са тези позиции, толкова е по-голяма степента на синонимно сближение между тях. Чрез неутрализацията на различителните компоненти може да се прояви синонимия в истинския смисъл на думата[61]. Литературната практика показва, че тази възможност на езика се използува за лексически вариации.

Във връзка с това се връщаме отново към т. нар. "максима за необходимата точност при превода"[62], която се основава върху схващането, че в определен контекст думата функционира не с всичките си значения, а само с релевантните за контекста. От това следва, че преводачът трябва да се опита да възпроизведе не всички семантични характеристики на думата, а само онези, които са релевантни за дадения контекст. Както при синонимията в даден език, така и при преводната еквивалентност има само частично съвпадение на значенията, като нерелевантните за контекста значения се неутрализират. С една дума същността на явлението "неутрализация", което става особено ясно чрез превода, се състои в това, че семантични черти, присъщи на думата в някои видове контекст, вече не са част от значението на тази дума в друг контекст. Това позволява думата в езика-приемник да реализира по-малко семантични черти от думата в езика-източник[63], като по този начин се постига семантично тъждество в необходимата за превода степен. В повечето случаи тази реализация може да се осъществи от няколко лексически единици, носители на инвариантния признак.

12. ИЗБОР НА ВАРИАНТ

Последните заключения откриват още един въпрос, много тясно свързан с преводаческата практика: въпроса за избора. Още при оригиналното писане този въпрос стои открит. Определен автор има право и възможност за избор на езиковите средства. Този избор се обуславя от вариативния характер на езика и от съществуването на синонимията като негово конкретно проявление. Всеки език съдържа задължителни и променливи черти на всички нива на анализ. Стилистиката изучава преди всичко променливите черти на кода[64]. Ако се направи такъв анализ на лексемите с общ компонент "излъчвам светлина", употребени в произведенията на някои английски автори, може да се заключи, че не всички от тях използуват целия наличен диапазон от варианти. Хъксли например предпочита генерализациите на shine[65]. От 23 лексеми 10 са shine. Конрад във вече споменатото произведение "Сърцето на мрака" отдава предпочитанията си на glitter. От 44 лексеми: glitter — 10, glow — 6, shine — 5, blaze — 5 и т. н. Подобна е картината в "Господарят Джим"[66]: glitter — 15, shine — 7. Някои от преводачите от български на английски се пристрастяват към shimmer[67]. Става тъй, че даден автор интуитивно или съзнателно избира определен вариант, който отчасти доминира в цялата творба. Това свидетелствува за възприемането на този вариант като носител на типичните, общи черти на дадена семантична група наред със специфичните за него черти. По този начин за дадения автор той донякъде се превръща в инвариант. В случая инвариантът е shine. С особено голямо разнообразие от варианти изобилствуват

творбите на Конрад и Лорънс. Преводачите на съответните творби трябва действително да са добри стилисти, за да не изпаднат в генерализации. Много добър синхрон е постигнат от преводача на "Повелителят на мухите", който също като автора има усет за стилистична вариация. Ясно е, че съществуват видове контекст, които позволяват да се направи избор между два-три възможни варианта без видима разлика в значенията. Съответно и при превода този избор е възможен и задължителен. "Преводачът, както и говорещият, може да избира свободно (от концептуална гледна точка) измежду обозначаеми, които реализират едно и също понятие... Но се случва така, че слушателят (читателят) може да активизира дори такива импликации, които говорещият би предпочел да неутрализира."[68] Такова активизиране свидетелствува за разрушаване на модела на неутрализация поради присъствието на останалите семантични компоненти на единицата макар и в латентен вид. Те са затъмнени от контекста, но не са изличени напълно. Следователно въпросът за избора е особено отговорен при превода и трябва да се опира на правилна предварителна интерпретация на изходните езикови единици. Предварителната интерпретация е въз основа на някои от следните ходове: определяне на прагматичната функция на текста, отграничаване на релевантните семантични, синтактични и прагматични черти на текста, оформяне на "спектър от преводни парадигми" за избор на подходящ преводен еквивалент, идентифициране на адекватните преводни единици[69]. Съществуването на алтернативи (спектъра от преводни парадигми) открива както перспективи, така и отговорности пред преводача. Според Сейвъри[70] наличието на възможни алтернативи, между които преводачът трябва да направи избора си, е същността на преводаческото изкуство. Именно изборът между няколко алтернативи издига статуса на превода като изкуство. Принципът за селективността оперира толкова активно в семантичната структура на езика, че никога не можем да предвидим напълно начините, по които даден език третира определено явление. Въпреки наличието на общи черти и възможността те да бъдат идентифицирани в два различни езика конкретните проявления на общото са по своему уникални. Въпросът за избора е много добре разработен от чешкия теоретик на превода Леви[71], който изтъква, че преводът е "процес на вземане на решение": серия от последователни ходове в ситуации, които налагат на преводача необходимостта да избира между известен брой алтернативи (които понякога могат точно да се определят). Този процес предполага два етапа: 1. определяне на класа от възможни алтернативи; 2. насочване на избора между тези алтернативи. Изборът е по-ограничен, ако броят на възможните алтернативи е по-малък или ако е ограничен от контекста. След като веднъж преводачът е решил в полза на една от алтернативите, той предрешава избора си в цяла поредица последователни ходове. Изборът между няколко възможни интерпретации на една семантична единица може да се представи като серия от решения, като се започне от най-общото (много често

обучаемите спират на този етап) и се стигне до най-специфичното значение, представящо тази единица. Следва да се отбележи, че езиците се различават по гъстота на сегментацията на дадено семантично пространство. Колкото е по-широка сегментацията в езика-източник в сравнение с тази на езика-приемник, толкова е по-голямо разсейването на преводните варианти. И обратно — колкото е по-фина лексическата сегментация в езика-източник от тази в езика-приемник, толкова по-ограничено е разсейването на преводните варианти.

13. СТЕПЕНИ НА ТОЧНОСТ ПРИ ПРЕВОДА

Поради разликите в семантичния обем и в сегментацията на семантичното пространство пълна идентичност между оригинал и превод не е възможно да бъде постигната. Необходимостта от избор на единствен, краен вариант води до по-големи или по-малки семантични отклонения (shifts), които в някои случаи са обективно обусловени, а в други идват като резултат от личния избор на преводача[72]. Прекалено крайните отклонения имат негативен ефект и не са препоръчителни. За разлика от "необходимата степен на точност" при превода, във връзка с тези отклонения основателно възниква въпросът за "допустимата степен на неточност" при превода. Подходяща цялостна система от критерии за определяне на точността на превода до сега не е изработена. Все още се разчита на интуицията и в най-добрия случай на редакторската намеса на компетентен носител на езика, на който се превежда. Уинтроп[73] е предложил петстепенна скала за относителната степен на неточност при превода или скала, според която да се съпоставят семантичните отклонения, настъпващи при извършването на определен превод: 1. пълна идентичност на значението; 2. близко сходство на значението; 3. сходство на значението, но със съществени отклонения; 4. по-скоро различие, отколкото сходство на значението; 5. никакво сходство на значението. За да може обаче да се оперира с подобна скала, необходимо е да бъдат обективизирани критериите, според които определен преводен еквивалент трябва да бъде класифициран (чрез повече информанти или чрез подробен семантичен анализ и съпоставка на компонентите на изходните и преводните единици). Общо взето, подходът към семантичните явления в езиков и междуезиков аспект все още до голяма степен е интуитивен и не се опира на строго научни критерии. Математическо измерване на значението едва ли може да се осъществи, но вече се правят опити лексиката на езика да бъде формализирана с изследователска цел — например чрез метода на компонентния анализ. Този метод има немалко противници и не е доказал напълно своята обективност особено що се отнася до прилагането му към по-големи езикови множества и до неговото универсализиране по отношение на целите езикови систе-

ми[74]. Въпреки това в съчетание с други методи (контрастивен, контекстуален, статистически, дистрибутивен, трансформационен) би могъл да доведе до задоволителни резултати.

14. ОБОБЩЕНИЕ

Проследихме някои по-важни семантични проблеми в езика и тяхното влияние върху превода, концентрирайки вниманието си най-вече върху синонимията като реализатор на вариативността в езика и като проблем от особено значение при избора на преводен вариант. Последната част на обзора прави кратко обобщение на повдигнатите въпроси.

1. Преводът е обективна реалност и е възможен поради наличието на общи семантични черти между езиците. Пълна преводимост от един език на друг не съществува, тъй като общото в семантиката на два езика се открива в концептуалното съдържание на съставляващите го единици. Що се отнася до начините на изразяване на това съдържание, те са различни във всеки език.

2. Семантичната структура на езиковите единици може да се изучава де-контекстуализирано — извън речта. Такъв вид анализ е типичен за традиционната контрастивна лингвистика. Но поради вариативния характер на езика за преводната теория е важна употребата на езиковите единици в речта. За най-пълен може да се смята комплексният подход към семантичните явления — изучаването на единиците в непосредствения им контекст (речта), което е важно по отношение на превода като продукт, и извън речта — в езиковата система, което пък е важно по отношение на превода като процес.

3. Идеята за системността на езика не е нова. Семантико-смисловите отношения в езика, на базата на които се изграждат определени езикови системи, са семантичният признак (компонент), значението и лексико-семантичната парадигма (поле). Определено семантично поле се изгражда на базата не семантичното сходство, но взаимоотношенията на единиците в полето се определят и от тяхното семантично различие. Съвременният метод, макар и недостатъчно съвършен, за установяване на тези взаимоотношения е компонентният анализ. Чрез този метод значението се разлага на минимални семантични единици (компоненти). Всяка езикова единици съдържа набор от сходни и контрастиращи компоненти, които в сумарен вид са валидни за структурната организация на полето, в чиито състав се съдържа тази единица. Основна трудност представлява изработването на такъв набор от общи, универсални и различителни компоненти, който да бъде в сила за по-широк кръг от езикови взаимоотношения. Също така е трудно да се постави и границата на делене — къде да спре разлагането на значението. Пора-

ди липсата на формални маркери на значението трябва да се работи и с контекст, което прави списъка на компонентите доста дълъг. При обучение на чужд език и в частност на превод е важно езиковите единици да бъдат усвоени с достатъчен брой компоненти, за да могат обучаемите правилно да диференцират значенията. При превод на двойка семантично сходни единици се наблюдават сериозни затруднения и дори липса на превод. Не може обаче да се отговори адекватно на въпроса колко семантични маркери са необходими, за да се направи пълен анализ на дадена езикова единица.

4. Такъв отговор се намира трудно и в съществуващите речници, изградени на базата на семантичното сходство — синоними, тезауруси. Докато подборът на семантично сходни единици не представлява проблем, въпросите, свързани със семантичната диференциация на единиците, не са разрешени адекватно от речниците. Проблем създава и разграничението между синонимните и идеографическите речници, което зависи от разрешаването на въпроси, свързани с две основни езикови явления — езиковата синонимия и структурната организация на езика в лексико-семантични парадигми.

5. Синонимията се разглежда като едно от основните смислови отношения в езика. Тя представлява лингвистичен проблем, който също не е намерил своя пълноценен отговор. Смята се, че синонимното отношение лежи в основата на по-малки лексически парадигми (синонимен ред/блок/гнездо) и на по-големи структурни езикови организации (поле). Като задължително условие за синонимия се приема изискването за минимум един общ семантичен компонент и поне още един различителен компонент. В езика основен критерий за синонимия представлява семантико-смисловата общност, а в речта — взаимозаменяемостта. Поради полисемантичния характер на езиковите единици пълна синонимия съществува само в хипотетичен вид и тя може да се представи като коефициент 1. Съществува възможност за степенуване на единиците по общност на семантичните признаци. За някои теоретици на превода понятието синонимия тясно се свързва с понятието превод, който се визира като особен случай на синонимия. Преводната еквивалентност също може да бъде представена в степенуван вид. Както при синонимията пълно тъждество на смисъла при превода не е възможно да бъде постигнато. И в двата случая има само частично съвпадение по смисъл.

6. Като условие за оцеляване на синонимите се посочва семантичната и стилистична диференциация между тях. Взаимозаместването като израз на езиковата възможност за лексическа вариация се улеснява от тенденцията към неутрализация на дадени семантични компоненти в определени речеви ситуации. Неутрализацията на семантични компоненти в структурата на дадена езикова единица донякъде улеснява из-

вършването на адекватен превод, тъй като подборът на преводната единица се съобразява с релевантното за определен контекст значение на изходната езикова единица. По този начин се постига семантично тъждество в необходимата за превода степен. В повечето случаи реализацията на дадено езиково значение (в езиков и междуезиков аспект) може да се осъществи от няколко лексически единици, носители на инвариантен признак. Това създава условия за субективен избор от страна на автора или на преводача. Проблемът за избора е особено отговорен от страна на преводача, тъй като преводачът трябва да се съобразява с ограниченията, наложени му от оригиналния текст като завършен продукт. Предварителният семантичен анализ е необходимо условие за извършването на адекватен превод, тъй като преводачът може погрешно да активизира и нерелевантни за даден контекст компоненти.

7. Предварителната семантична интерпретация се опира на някои от следните ходове: определяне на семантичните, синтактични и прагматични черти на текста, оформяне на спектър от преводни парадигми за избор на подходящ еквивалент, идентифициране на адекватните преводни единици. Изборът между няколко възможни интерпретации на една семантична единица може да се представи като серия от решения, като се започне от най-общото и се стигне до най-специфичното значение. Много често обучаемите спират на етапа на пренос на едно типично общо значение, пренебрегвайки специфичните характеристики на дадена езикова единица. Това е своеобразен пренос без превод, т. е. превод без предварителен семантичен анализ и правилен избор от наличната преводна парадигма.

8. Поради разликите в семантичния обем на единиците и в семантичната сегментация в езиците пълна идентичност между оригинал и превод не може да бъде постигната. Изборът на краен, единствен вариант води до по-големи или по-малки семантични отклонения. Това повдига въпроса за необходимата степен на точност и за допустимата степен на неточност при превода. Прекалено крайните отклонения водят до негативен резултат. Точни критерии за измерване на значението все още няма. Подходящото съчетание на съществуващите методи за изучаване на семантиката на езика и анализа на езиковите явления от повече страни може да доведе семантичните изследвания до по-пълноценни резултати.

БЕЛЕЖКИ

[1] Bassnett-McGuire, S. Translation Studies, London & New York, 1980, p. 26.

[2] Ullman, S. Semantics. – Current Trends in Linguistics, 1972, No 9, p. 351; Nida, E. A. Language, Structure and Translation, Stanford, California, 1975, p. 5; Keenan, E. L. Some Logical Problems in Translation. Ed. F. Guenthner-Reutter, New York, 1978, p. 157.

[3] Nida, E. A. Цит. съч., с. 5: "translation equivalence is a question of degree"; Baldinger, K. Semantic Theory. Oxford, 1980, 242–243.

[4] Български език за чужденци. Актуални проблеми на обучението. С, 1981/1983, с. 269.

[5] Пак там, с. 267.

[6] Zydatis, W. Text Type Oriented Contrastive Linguistics and Its Implications for Translation Pedagogy at University Level. – IRAL, XX, 1982, No 3, August, 176.

[7] Кършева, А. Семантично поле на глаголите за светлина в английския език. Опит за компонентен анализ и сравнение с техните български еквиваленти. В: II научно-методическа конференция "Съпоставително езикознание и чуждоезиково обучение", С, 1980, с. 127.

[8] Forster, L. Translation – An Introduction. – In: Aspects of Translation. London, 1958, p. 3.

[9] Nida, E. A. Цит. съч., с. 66.

[10] Кузнецов, А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. М, 1980, с. 9, 67.

[11] Moulton, W. A Linguistic Guide to Language Learning. USA, 1966, p. 114; Martinez, F. A. Lexicography. – Current Trends in Linguistics, 1972, No 9, p. 370; Бережан, С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц, Кишинев, 1973, с. 116; Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика.Синонимические средства языка. М, 1974, с. 248; Lyons, J. Semantics. Cambridge, 1977, p. 250: автори, които разглеждат въпроса за системността на езика във вид на семантични полета.

[12] Moulton, W. Цит. съч., с. 114; Nida, E. A. Ch. Taber. The Theory and Practice of Translation, Leiden, 1969, p. 63; Бережан, С. Г. Цит. съч., с. 116.

[13] Coseriu, Geckeler, Linguistics and Semantics – Current Trends in Linguistice, 1974, No 12, p. 151

[14] Черная, А. И. К вопросу о выделении и составе фразео-семантического поля. – В: Исследования по лексической сочетаемости, М, 1974, с. 121.

[15] Бережан, С. Г. Цит. съч., с. 131.

[16] Кузнецов, А. М. О применении компонентного анализа в лексике. В: Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М, 1971, с. 261; Lyons, J. Цит. съч., с. 326.

[17] Кузнецов, А. М. Структурно-семантические параметры в лексике, с. 14.

[18] Пак там, с. 69

[19] Кършева, А. Цит. съч., 124–132; Кършева, А. Интеграционни и диференциращи свойства на синонимите с общ компонент "излъчвам светлина" в английския и българския език и тяхното влияние върху преводната еквивалентност. – В: VII научно-методическа конференция по съпоставително езикознание, В. Търново, 1985 (под печат).

[20] Кузнецов, А. М. Структурно-семантические.., с. 34.

[21] Кършева, А. Семантично поле.., 124–132; Кършева, А. Интеграционни и диференциращи...

[22] Кузнецов, А. М. Структурно-семантические.., с. 19.

[23] Keenan, E. L. Цит. съч., с. 67.

[24] Taylor, I. Introduction to Psycholinguistics, New York, 1976, 81–82.

[25] Ibid, p. 81.

[26] Conrad, J. The Heart of Darkness. London, 1976.

[27] Soule, R. A Dictionary of English Synonyms and Synonymous Expressions. Ed A. D. Sheffield, Boston, 1959; Smith, C. J. Synonyms and Antonyms Dictionary. Brooklyn, New York, 1966; Sisson, A. F. Sisson's Synonyms. An Unabridged Synonym and Related Terms Locater. New York, 1972; Family Word Finder. A New Thesaurus of Synonyms and Antonyms in Dictionary Form, Montreal, Canada, 1975.

[28] Webster's Collegiate Thesaurus. A Merriam Webster, G & C Merriam Company, Springfield, Massachusets, USA, 1976.

[29] Palmer, F. Semantics. A New Outline. Cambridge, 1976, 60–62; Kamenec-kaite-Strauhas, N. Degree of Semantic Similarity among Vocabulary Units. – Cahiers de Lexicologie, vol. 34, 1979, p. 90.

[30] Werner, O. et al. Some New Developments in Ethnosemantics and the Theory and Practice of Lexical/Semantic Fields. – Current trends in Linguistics, 1974, No 12, p. 149.

[31] Бережан, С. Г. Цит. съч., с. 54.

[32] Sisson, A. F. Цит., съч., с. VII: "for more effective and precise communication attempt has been made... to assemble as many synonyms and related words as could be obtained form any and every available source".

[33] Вж. обзорите на Бережан (1973); Апресян (1974); Каменецкаите (1979); Вилюман, В. Г. Аглийская синонимика. М, 1980; Baldinger, K. Цит. съч.

[34] Федоров, А. В. Введение в теорию перевода. М, 1953, с. 135.

[35] Kusmaul, P. The Degree of Semantic Precision in Translation. – Babel, vol. 31, 1985, No 1, p. 14.

[36] Baldinger, K. Цит. съч., 251–252.

[37] Jones, H. L. The Anatomy of Translation. [book review on Steiner's "Babel"] – Encounter, 44, 1975, No 9, p. 65.

[38] Бережан, С. Г. Цит. съч., с. 36.

[39] Leech, G. Towards a Semantic Description of English, Longman, 1969, p. 71; Бережан, С. Г. Цит. съч., с. 43; Lyons, J. Цит. съч., с. 119.

[40] Leech, G. Цит. съч., с. 71.

[41] Апресян, Ю. Д. Цит. съч., с. 235: частична или квазисинонимия.

[42] Вилюман, В. Г. Цит. съч., с. 37.

[43] Пак там, с. 32.

[44] Baldinger, K. Цит. с. 219.

[45] Jakobson, R. On Linguistic Aspects of Translation. Selected Writings. Vol. 2, Mouton, The Hague, Paris, 1971, p. 261.

[46] Бережан, С. Г. Цит. съч., с. 36.

[47] Апресян, Ю. Д. Цит. съч., с. 235.

[48] Nida, E. A. Цит. съч., с. 5; Baldinger, K. Цит. съч., с. 243.

[49] Бережан, С. Г. Цит. съч., с. 66.

[50] Вж. Апресян, Ю. Д. Цит. съч., 218–220; Nida, E. A. Цит. съч., 58–59; Palmer, F. Цит. съч., с. 73; Lyons, J. Цит. съч., с. 202; Вилюман, В. Г. Цит. съч., с. 58.

[51] Nida, E. A. Цит. съч., с. 59.

[52] Ibid, p. 58; Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики, М, 1973, с. 254.

[53] Вилюман, В. Г. Цит. съч., с. 58.

[54] Ullman, S. Words and Their Use. London, 1951, p. 46; Vallins, G. H. The Best English, London, 1970, p. 15; Palmer, F. Цит. съч., с. 60.

[55] Кършева, А. Синонимни двойки в английския език. Юбилейна сесия на ВНВУ "В. Левски". 1981, с. 224.

[56] Ullman, S. Words and Their Use, p. 46; Lyons, J. Цит. съч., с. 175.

[57] James, C. Contrastive Analysis, Longman, 1980, p. 96; Taylor, T. Linguistic

Theory and Structural Stylistics. – In: Ed J. Constantinov. Readings in Linguistics Stylistics. Sofia, 1984, p. 28.

[58] N i d a, E. A. Ch. Taber. Цит. съч., с. 73.

[59] К ъ р ш е в а, А. Интеграционни и диференциращи...

[60] Пак там.

[61] По въпроса за неутрализацията вж.: Ш м е л е в, Д. Н. Цит. съч., 118–119; W e i n r e i c h, U. Lexicology.– Current Trends in Lingustics, 1963, No 1, p. 67; N i d a, E. A. Цит. съч., с. 58; B a l d i n g e r, K. Цит. съч., с. 253.

[62] K u s m a u l, P. Цит., съч., с.14.

[63] Пак там, с.16.

[64] O s g o o d, Ch. E. Some Effects of Motivation on Style of Encoding. In: Style in Language. Ed. T. S e b e o k, T. New York, London, 1960, p. 293.

[65] H u x l e y, A. Chrome Yellow, Moscov, 1979.

[66] C o n r a d, J. Lord Jim. London, 1972.

[67] V e ž h i n o v, P. Far from the Shore, Sofia, 1967.

[68] B a l d i n g e r, R., Цит. съч., с. 245.

[69] Z y d a t i s, W. Цит., съч., с. 189.

[70] S a v o r y, T. H. The Art of Translation, London, 1968, pp. 28, 180.

[71] L e v y, I. Translation as a Decision Process. – In: To Honour R.Jakobson, Vol. 2, 1967, 1171–1174.

[72] P o p o v i č, A. The Concept Shift of Expression. – In: Ed. J. Holmes, The Nature of Translation. Mêthuen, The Hague, Paris, 1970, 78–87.

[73] W i n t h r o p, H. A Proposed Model for Studying Message Distortion in Translation – Linguistics, 20, 1966, No 4, 98–113.

[74] L y o n s, J. Цит. съч., 317–335.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ И ПЕРЕВОДА

Резюме

Проблемы семантики и перевода очень тесно связаны и посвященный им обзор требует взаимодействия и взаимосвязи между некоторыми типичными семантическими явлениями языка и их отношением к переводу.

Центральное место уделено семантическому сходству, характеру синонимического отношения как реализатора этого сходства, семантической дифференциации, диалектически неотделимой от семантического сходства.

Рассматриваются вопросы переводимости, семантической эквивалентности в межъязыковом аспекте и выбора переводного варианта, вопрос степени синонимного сближения и степени точности перевода.

Обзор ставит проблемы открыто, дает возможность для будущих исследований на основе собранного двуязычного корпуса. Он заканчивается кратким обобщением в следующих направлениях: в связи с переводом необходим комплексный подход при изучении семантических явлений; идея системности языка на базе системного сходства защищается методом компонентного анализа; при обучении иностранному языку и переводу исключительно важно развитие чутья семантической дифференциации — проблема недостаточно адекватно решенная в словарях; полное тождество смысла в языковом и межъязыковом аспекте существует только в гипотетическом виде; на уровне речи существуют возможности нейтрализации не общих семантических компонентов, что позволяет достижение семантического тождества в необходимой для перевода степени; особенно важна для переводчика проблема выбора переводного варианта, так как он приводит к меньшим или большим семантическим отклонениям в зависимости от специфики языковых и межъязыковых отношений.

ON SOME PROBLEMS OF SEMANTICS AND TRANSLATION

Summary

Semantics and translation are closely interrelated and the survey, studying them, concentrates on the interdependence of some semantic problems and their relationship with translation.

Central to the study is the question of semantic equivalence, the synonymic relationship as a form of expression of semantic equivalence, the semantic differentiation as a dialectal part of semantic equivalence.

Attention is also paid to the questions of translability, interlanguage semantic equivalence and the choice of translation variants, the degree of synonymity and the degree of translation equivalence.

The study represents the problems as open to discussion, giving ground for furtner studies, based on a bilingual corpus of examples. It closes with a short summary of the studied questions: with respect to translation semantic phenomena should be approached in a complex way; the idea of the systematic relationships in language is approached by means of the componential analysis method; extremely important to the foreign language learners is the feel of semantic differentiation — a problem not adequately solved in the dictionaries; complete semantic equivalence is only hypothetically possible both within a language and between languages; on speech level non-common semantic components could be neutralized, which makes semantic equivalence in translation possible to a certain degree; the choice of the linguistic means by the translator is a question of great responsibility because it could give ground for semantic shifts due to the nature of intra-and interlanguage relations.

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
"СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
Том 23, кн. 2 ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ 1992

TRAVAUX DE L'UNIVERSITÉ "ST. ST. CYRILLE ET MÉTHODE"
DE V. TIRNOVO
Tome 23, livre 2 FACULTÉ PHILOLOGIQUE 1992

СЛОВОРЕДНИ ПОЗИЦИИ НА ОБСТОЯТЕЛСТВЕНИТЕ ПОЯСНЕНИЯ ЗА МЯСТО И ВРЕМЕ И ПРЕВОДАЧЕСКИ СЛОВОРЕДНИ ТРАНСФОРМАЦИИ

ДИАНА ДАМЯНОВА

POSITIONS OF THE ADVERBIALS OF PLACE AND TIME IN SIMPLE DECLARATIVE SENTENCES AND WORD ORDER REARRANGEMENTS IN THE TRANSLATION PROCESS

DIANA DAMIANOVA

Велико Търново, 1992

Словоредът като проблем на съпоставителното езикознание и преводознанието е твърде слабо изучен у нас. Той е едно от основните средства, изразяващи актуалното членение на изречението, и неговата специфика във всеки език има особено значение както за изясняване на някои чисто теоретични положения, така и за практическото осъществяване на адекватен превод, имащ за цел да запази неизменен преди всичко съдържателния план на превеждания текст.

Настоящата работа, която е част от по-голямо изследване върху словореда[1], представлява опит да се разгледат позиционните характеристики на обстоятелствените пояснения като частен аспект на проблема за словореда в два близкородствени езика. Задачите, които сме си поставили, са следните: 1. На базата на съпоставителния анализ да се разкрият основните позиционни особености на обстоятелствените пояснения за време и място в руското и в българското просто съобщително изречение; 2. Чрез данните, получени от този анализ на конкретен оригинален и преведен материал, да се проследят възможните словоредни трансформации при превод от руски на български и обратно.

За целите на изследването сме анализирали материал от новата съветска и българска художествена проза, т.е. ограничили сме наблюденията си върху езика на художествената литература и сме разглеждали само случаи с неутрален (обективен) словоред. Анализираният материал е 500 примера от руски и 500 примера от български оригинали и техните преводни варианти съответно на български и на руски език.

§ 1. ОБСТОЯТЕЛСТВЕНИ ПОЯСНЕНИЯ И ДЕТЕРМИНАНТИ

Обстоятелствените пояснения за място и време служат в изречението за уточняване на темпоралните и пространствените условия за реализиране на глаголното действие (състояние). Общопризнато е, че в сравнение с останалите обстоятелствени пояснения те имат най-ярко изразена обстоятелствена функция.

Синтактичните и семантичните връзки на тези обстоятелствени пояснения със сказуемото са твърде сложни в рамките на изречението. Имаме предвид това, че необходимостта от тяхната поява е различна и се определя от различни фактори. Според нас може да се говори за два

[1] Д а м я н о в а, Д. Словоред, актуално членение и преводачески словоредни трансформации. Ръкопис. В. Търново, 1986.

основни фактора: а) семантиката на глагола-сказуемо и б) смисловата структура на изречението като цяло. Това положение е валидно и за руския, и за българския език. При действието на първия фактор наблюдаваме силна семантична споеност между сказуемото и обстоятелственото пояснение. В тези случаи някои лексикални групи глаголи се характеризират със семантична непълноценност, ако в изречението отсъствуват темпорални или пространствени конкретизатори извън определена конситуация (Срв.: Той отиде... Они простояли...). При действието на втория фактор появата на обстоятелственото пояснение се определя от смисъла на цялото изречение. Такова обстоятелствено пояснение не е непосредствено свързано със семантиката на глагола, а служи като обстоятелствена характеристика на изречението като цяло. Например: *В болницата* е въведен образцов ред; *Вечером* они пошли в гости. Такива обстоятелствени пояснения не са подчинени на някаква определена част на изречението. В последно време в съветската лингвистична литература по синтаксис те получиха названието *детерминанти* (Шведова 1964; Грамматика 1980, т. 2, 149). В най-новата българска академична граматика (Граматика 1983) се използува традиционната класификация на частите на изречението и разглежданите изречески компоненти се обозначават с термина *обстоятелствени пояснения*, независимо от различната им смислова стойност при построяване на изречението.

Въвеждането и използуването на термина *детерминант* в настоящото изследване външно нарушава традиционната класификация на частите на изречението, но посоченото по-горе различие между двата типа обстоятелствено пояснение е езиков факт и той не може да бъде пренебрегван. Словоредните позиции на изреченските компоненти с детерминираща функция потвърждават по-голямата им независимост в сравнение с другите второстепенни части (обстоятелственият детерминант като правило е в абсолютното начало на изречението) и по-силната синтагматична и семантична споеност между обстоятелственото пояснение и сказуемото (обстоятелството почти винаги е в постпозиция спрямо сказуемото и образува с него една синтагма).

Върху независимата позиция на някои обстоятелства в структурата на изречението обръща внимание още В. В. Виноградов. Той пише, че обстоятелствените пояснения за време, пространство, причина, цел, отстъпка и условие "могат да се отнасят непосредствено към останалата част на изречението като цяло, следователно не се свързват непосредствено нито с групата на подлога, нито с групата на сказуемото" (Виноградов 1955, 419). В изследването си върху словореда на българското просто изречение Е. Георгиева отбелязва за този вид обстоятелствено пояснение за време, че то "се отнася не само до глагола, а в по-голяма степен към цялото изречение. Затова неговото нормативно разположение е препозицията, най-често абсолютната препозиция на изречението". (Георгиева 1974, 50)

Относителната независимост на детерминанта се дължи на несис-

темната му връзка със сказуемото, т. е. той не образува със сказуемото словосъчетание. Връзката му с останалия състав на изречението, по думите на О. А. Крилова, "лежи в плоскостта не на структурния, а на комуникативния синтаксис" (Крилова 1976, 45). Тъй като словоредът и актуалното членение са взаимосвързани, а актуалното членение е обект на изследване в комуникативния синтаксис, това налага в нашия случай да разграничаваме обстоятелствените детерминанти, определящи предикативната основа на изречението като цяло, от обстоятелствените пояснения, отнасящи се непосредствено към сказуемото и намиращи се с него в системна връзка.

Някои български изследователи разглеждат препозитивните обстоятелствени пояснения за време и място като второстепенни части на изречението, валентно необвързани със сказуемото (вж. Петков 1974, 217). Именно тази валентна необвързаност ни позволява да разглеждаме съответните изреченски компоненти като по-независими в сравнение с останалите второстепенни части и като заемащи в йерархията на изречението средно по самостоятелност положение между главните и второстепенните му части. Особено добре се чувствува разликата в степента на синтагматичната и семантичната свързаност между сказуемото и обстоятелственото пояснение, от една страна, и между сказуемото и детерминанта, от друга страна, в изречения, където има няколко компонента с обстоятелствено значение. Например: *Към края на гостуването* двамата *излязоха на балкона* и *останаха доста дълго там* (ГА). Изречението не губи общия си смисъл без съчетанието *към края на гостуването* (детерминант), но би било безсмислено без компонентите *на балкона, доста дълго, там* (обстоятелствени пояснения). Понякога позицията на компонента с обстоятелствено значение определя неговото комуникативно предназначение. Срв.: *Тази сутрин* директорът ме уволни (уточнява се времето на ситуацията като цяло) — Директорът ме *уволни тази сутрин* (компонентът *тази сутрин* е актуализиран, комуникативно най-съществен; той конкретизира само глаголното действие по време).

В по-нататъшното изложение ще разгледаме позициите на обстоятелствените пояснения за място и време и на детерминантите за място и време поотделно, за да се открояят по-добре различията между тях в двата езика. Ще използуваме следните условни съкращения: подлог (П), сказуемо (С), обстоятелствено пояснение за време ($О_в$), обстоятелствено пояснение за място ($О_м$), детерминант за време ($Д_в$), детерминант за място ($Д_м$), допълнение (Д), обстоятелство (О).

§ 2. ОСНОВНИ ПОЗИЦИИ НА ОБСТОЯТЕЛСТВЕНОТО ПОЯСНЕНИЕ ЗА МЯСТО

Позициите на обстоятелството за място и в двата езика се определят от синтагматичния и семантичния фактор, които като правило действуват едновременно. Синтагматичният фактор изисква контактна позиция на $О_м$, тъй като сказуемото образува с него една синтагма. Семан-

тичната връзка между сказуемото и обстоятелственото пояснение за място в конкретните случаи е различна по сила. Семантиката на някои глаголи задължително изисква обстоятелствено пояснение, при това с различни значения. Например: Той *застана до прозореца* — Той *застана мирно* (но не: Той застана). В други случаи е възможна и самостоятелна употреба на глагола сказуемо. Например: Море *шумит за окном* — Море *шумит*.

Наблюденията над оригиналния материал и статистическите данни, извлечени от него, показаха, че и в руското, и в българското изречение $О_м$ най-често е в контактна постпозиция. Но то може (макар и рядко) да заема и препозиция. Ще се спрем последователно на четирите възможни словоредни позиции.

1. *Контактна постпозиция.* Тази най-разпространена позиция на $О_м$ отговаря на синтагматичното и синтактично изискване за разполагане на обстоятелственото пояснение непосредствено след сказуемото. В руския материал тези случаи са 54%, а в българския — 76,5%. Словоредният модел П-С-$О_м$ е най-характерен за изречения, в които няма друга постпозитивна второстепенна част. Например: Они *пошли в театр*; Небольшие клочья белых облаков *пролетают над самыми мачтами* (КП); Децата *играят на стадиона*; Елисавета го *бе чакала край пътя* (ЕС). При наличие на две обстоятелства едното е в контактна постпозиция, а второто се разполага непосредствено след първото. Семантически те са свързани помежду си и взаимно се допълват и разширяват изреченската информация. Например: Через два года Андрей *вернулся в Гремячий Лог с польского фронта* (МШ); Борис *лежеше под брята върху пожълтялата трева* (ДД). Второто обстоятелствено пояснение внася повече конкретност и поради това комуникативната му стойност е малко по-висока, но и двете обстоятелства влизат в състава на ремата. Изреченията са общоинформативни, т. е. в тях се констатира определен факт от действителността, без да се акцентира негов частен аспект (вж. Адамец 1966, 26).

2. *Дистантна постпозиция.* Тя се наблюдава при наличие на две или повече постпозитивни второстепенни части на изречението. Например: Офицерът *сложи* п и с м о т о *на масата*; Она *отнесла* п о с ы л к у *на почту*; Мы *поехали* н а т р а м в а е *в Балаклаву* (КП); Те *пиеха* б и р а *на терасата*, мълчаливи и омърлушени (ЕС). По комуникативната си структура тези изречения не се различават от първия тип.

3. *Контактна препозиция.* Тази рядко срещаща се позиция на $О_м$ се определя от два различни фактора:

а) от комуникативния фактор. В частноинформативни изречения, в които като актуална се представя само част от общата веществена информация и рематичната функция се изпълнява от подлога или (по-рядко) от някоя второстепенна част, обстоятелственото пояснение за място се разполага в препозиция. По такъв начин комуникативният акцент пада само върху онзи изреченски компонент, който е след сказуемото.

Например: Гибель судов *вдали от берегов случается* | р е д к о (КП); Освен това *от пленническите лагери бягаха* | "р о б и" (ЕС).

б) от семантико-синтактичния фактор. Обстоятелственото пояснение, което семантично и синтактично се свързва по-скоро с подлога, отколкото със сказуемото, се разполага между подлога и сказуемото. Синтактичната му функция може да се определи като атрибутивно-обстоятелствена. Например: О г н и *в городе погасли* (КП); У х а *на горячей печке забулькала* быстро (ВР); Към пет часа т е л е ф о н ъ т *в хола иззвъня* (ЛГ); А к а ц и и т е *по улиците ронеха* тъжно дребните си пожълтели листа (ДД). Всъщност обстоятелственото пояснение в тези изречения уточнява мястото на субекта-носител на предикативния признак и същевременно мястото на глаголното действие. Синтактичната и комуникативната им структура е еднаква в двата езика.

4. *Дистантна препозиция.* Тази позиция на обстоятелственото пояснение за място е изключително рядка и в двата езика. Тя се среща в общоверификативни изречения, т. е. изречения, които установяват реалността или нереалността на определен факт. Например: *В городе* они | *не встречались*; *В магазина* тя | *не отиде*. Този словореден тип е контекстуално обусловен. Обстоятелството и подлогът изпълняват тематична функция, без да са свързани нито синтактично, нито семантично. Те са контекстуално дадени, известни. В този тип изречения обстоятелственото пояснение не носи нова информация.

Разгледаните словоредни позиции на $О_м$ илюстрират общите положения и сходства между руското и българското изречение. Ще се спрем и върху различията. Наблюденията ни над оригиналния материал показват, че те се свеждат до следното:

1. При наличие на инверсия в предикативната група $О_м$ вместо контактна заема дистантна постпозиция след подлога. В руския език този словореден тип има по-голяма честота поради някои особености на епическия прозаичен стил. Например: На исходе ясной и звездной, уже смеркающейся ночи *перебрался* Г у с ь к о в *через Ангару* (ВР). В българския материал срещнахме само един пример от този словореден тип: *Заведе* го т о й най-напред *в готварницата* на консулството (ДТ).

2. В руското изречение $О_м$ е в контактна или дистантна препозиция в някои частноинформативни изречения, в които ремата е изразена с друго обстоятелство или допълнение. Разполагането на обстоятелственото пояснение за място в препозиция дава възможност да се подчертае комуникативната значимост на постпозитивната второстепенна част. Например: Настену *в Атамановку* судьба *занесла* с В е р х н е й А н г а р ы (ВР); И вдруг *внизу увидела* Т е л е г и н а (АТ). В българския материал не намерихме изречения от този тип. Теоретически те са допустими, но вероятно имат много ниска честота или създават впечатление за стилистическа негладкост (Срв.: И изведнъж *долу* тя *видя* Т е л е г и н).

3. Обстоятелственото пояснение, изразено с неопределително или отрицателно наречие, в руското изречение като правило е в контактна

препозиция, а в българското най-често е в контактна постпозиция. Например: Влад *куда-то ушел* (ЮТ); Он *никуда не выходил*; Един заек *изскочи отнякъде* и хукна лудешки по тютюневите стърнища (ДД); Тя *не излизаше никъде*. Ако заменим наречието със съществително, $О_м$ ще бъде в постпозиция, без това да измени комуникативната структура на изречението: Влад *ушел на работу*. Препозицията на такова $О_м$ би превърнало общоинформативното изречение в общоверификативно: Влад *на работу* ¦ *ушел* /именно *ушел*, а не остàлся дома/. Тези наблюдения показват, че препозицията на $О_м$, изразено с наречие, се определя в подобни случаи от лексикално-граматичната характеристика на тази част на речта. В българското изречение лексикално-граматичното изразяване на $О_м$ не оказва такова влияние върху словореда, макар че в устната разговорна реч може да се каже: Той *някъде отиде*. Но такъв словоред вече не се възприема като неутрален.

§ 3. ПОЗИЦИИ НА ОБСТОЯТЕЛСТВЕНИЯ ДЕТЕРМИНАНТ ЗА МЯСТО

Вече бе отбелязано, че граматичната позиция на детерминанта е абсолютната препозиция. Но той може да заема и друго място в съответствие с правилата, които се определят от актуалното членение (вж. Граматика 1980, т. 2, 149). Фактът, че детерминантът се разполага в началото на изречението и влиза в състава на темата или пък изпълнява функцията на самостоятелна тема не означава, че той непременно съобщава нещо известно. Такъв компонент на изречението всъщност само създава "илюзия за даденост". Това е изобразителен похват в художествената литература, чиято цел е естественото пренасяне на читателя "в определена пространствено-временна точка на повествуването" (Ковтунова 1979, 267). В повечето случаи детерминантът носи нова информация и това е негова закономерна черта.

Детерминантът за място заема абсолютното начало на изречението в следните словоредни типове изречения:

1. Дм-С-П. В тези изречения най-ясно се изразява функцията на детерминанта като разпространител на цялото изречение, поясняващ предикативната група, а не само глаголното действие. Например: *В оградах видны* замурованные двери (КП); *Где-то за речкой* голосисто *подвывала* собака (МШ); *От храстите свиреха* щурци (ДД); *От други няколко прозорчета в малкото, тъмно дворче струеше* червеникава светлина (ДТ).

Изреченията от този тип могат да имат два детерминанта за място. Обикновено първият има по-общо значение, а вторият го конкретизира, уточнява. Например: *Там на столе стояло* блюдо с бутребродами и помятый самовар (АТ); *Там, до зокумите, седеше* на дървен стол млад мъж и отегчено пушеше цигара (ДТ).

2. Същия словореден модел имат и частноинформативни изречения, в които функцията на рема изпълнява подлогът. В българското изречение той обикновено е в членувана форма, тъй като не се представя като нова информация, а като актуализиран, комуникативно важен в определен контекст компонент на изречението. Например: *Во главе стола сидел* | он — Максим (ВР); *На прага бе застанал* | ординарецът (ЕС). Ако подлогът не изпълнява рематична функция, изречението ще бъде общоинформативно с подлог, изпълняващ тематична функция, и обстоятелствено пояснение за място в състава на ремата. Срв.: Ординарецът | *бе застанал на прага.* Изменението на словореда променя комуникативната структура на изречението и следователно актуалното членение.

3. $Д_т$-П-С-Д/О/. Този тип изречения винаги съдържа второстепенна част след сказуемото (обстоятелство или допълнение), която влиза в състава на ремата. Темата е двукомпонентна — детерминант и подлог. Изреченията са общоинформативни. Например: *На фронте* он *оставил* эту надежду (ВР); *В столовой* Даша *села* перед вазой с увядшими цветами и принялась их ощипывать на скатерть (АТ); *В Куба* времето *лети* неусетно (ЛГ); *В кабинета* си той *извади* папките, разчетите (ГА). И в двата езика този структурен модел има голяма честота. Изречения от този тип освен детерминанта могат да съдържат и обстоятелствено пояснение, което се разполага в контактна постпозиция. Например: *По лесистому склону* Гуськов долго *шел до следующего распада* и по нему скатился к Ангаре (ВР); *По тясна и стръмна пътека* те *минаха през боровата гора* (ДД). Ако изменим мястото на детерминанта, той губи качеството си на експозиция и цялото изречение придобива по-компактен характер, тъй като второстепенните части семантично се обединяват потясно помежду си и със сказуемото. Срв.: Гуськов долго *шел по лесистому склону до следующего распада*; Те *минаха през боровата гора по тясна и стръмна пътека.*

4. В едносъставни неопределено-лични или безлични изречения детерминантът заема или абсолютното начало на изречението, или е на втора позиция след друг детерминант. Например: *В Войсковом* их *ждали* (МШ); *В газетах* того времени много *писали* о судьбе этого корабля (КП); *В единствената стаичка* на къщичката *бе полутъмно и горещо* (ДД); *Във всички музеи мирише* на плесен (ГА).

5. Детерминантът за място се разполага в края на изречението само ако е рема. Позицията му се определя от комуникативния фактор. Изреченията са контекстуално обусловени, срещат се рядко, ремата почти винаги се подчертава от усилителна частица, а контекстуалната обусловеност се изразява чрез показателно местоимение. Например: Такое настроение *появилось* | и *в школах*; Такива цветя *има* | и *в нашата градина.*

След като разгледахме общото в позициите на детерминанта за място в българското и руското изречение, ще посочим и някои различия.

Детерминантът в руското изречение по-често, отколкото в българското, може да не заема начална позиция в следните случаи:

1. Когато подлогът се подчертава като първа тема, детерминантът се разполага на второ място. Например: В с е *там было исполинских размеров* (ЮТ); А н д р е й *в Каменской отстал* от своих товарищей (МШ) — Срв.: *В Каменской* А н д р е й *отстал* от своих товарищей.

2. Когато между компонентите на неразчлененатa предикативна група се разполага детерминантът, сказуемото получава по-силен акцент, комуникативната му натовареност се подчертава чрез логическото ударение. Например: Десятого марта с вечера *пал над Гремячим Логом* туман (МШ) — Срв.: Десятого марта *над Гремячим Логом пал* туман. В българското изречение много рядко се среща дистантно разположение на главните части на изречението, между които да е разположен детерминант. В изследвания материал срещнахме само един такъв случай: *Заблестяха там* бутилки, чаши (ДТ).

3. Когато тема е групата на сказуемото заедно със зависимата падежна форма, а рема — групата на подлога, детерминантът се разполага на второ място след зависимата словоформа. Например: М а л ь ч и к а *в саду встретила* полная дама в очках. В българското изречение такъв словоред е почти недопустим поради това, че допълнението (зависимата словоформа) не може да заема такава позиция (Срв.: Момчето в градината го срещна...).

4. Когато в руското изречение е налице показателната частица *это*, чрез която се осъществява причинно-следствената връзка с предишния контекст, детерминантът се разполага след сказуемото, на трета позиция. Например: Э т о *мылся за стеной* его квартирный хозяин (КП); Э т о *пролетали за окном* в свете поздней луны ломкие листья платанов (КП); Э т о *метались над водой* разбуженные рыбы (КП). Ако се пропусне *это*, детерминантът заема начална позиция. Срв.: *Над водой метались* разбуженные рыбы. В българския език изречения с такъв словоред (но без показателна частица) се срещат рядко и са експресивни. Срв.: *Мятаха се над водата* събудените риби.

5. В някои експресивни изречения детерминантът се разполага в края на изречението след предикативната група или в средата, разделяйки компонентите на неразчлененатa предикативна група. Например: *Расцвели* каштаны *на улицах* (неутрален вариант: *На улицах расцвели* каштаны); *Цветут в саду* яблони. В българския език този словореден модел се среща рядко. Но тъй като експресивните варианти не са обект на настоящото изследване, няма да се спираме по-подробно върху тях.

Всичко, изложено дотук за позициите на обстоятелственото пояснение и на детерминанта за място, показва, че при определяне на техните позиционни особености по-съществено за теорията и практиката на превода е съотношението между контактно и дистантно разполагане, а не между постпозиция и препозиция. Анализът показа, че препозиция и в двата езика като правило заема детерминантът, докато в постпозиция

се разполага обстоятелственото пояснение. Поради това препозицията или постпозицията се обуславят от комуникативната функция на изреченския компонент. Контактното и дистантното разполагане на обстоятелственото пояснение се определя от друг фактор — от синтактичния състав на изречението, т. е. от наличието на други второстепенни части, всяка от които се разполага в изречението според словоредните норми и функцията си в актуалното членение.

Ще приведем статистически данни за позициите на обстоятелственото пояснение и детерминанта за място.

ОБСТОЯТЕЛСТВЕНО ПОЯСНЕНИЕ *Таблица 1*

	контактна постпозиция	дистантна постпозиция	контактна препозиция	дистантна препозиция
руски материал	54%	25%	16%	5%
български материал	76,5%	16,5%	6%	1%

ДЕТЕРМИНАНТ *Таблица 2*

	контактна постпозиция	дистантна постпозиция	контактна препозиция	дистантна препозиция
руски материал	3%	1%	43%	53%
български материал	1%	–	76,5%	22,5%

Данните показват следното:

1. Обстоятелственото пояснение за място заема най-често контактна или дистантна постпозиция: 79% за руския материал и 93% за българския материал. В препозиция то е много рядко, особено в българското изречение (само 7%). По-високият процент на контактната препозиция на руското обстоятелствено пояснение може да се обясни с по-значителното влияние на комуникативния фактор: при силно разширено изречение второстепенните части с тематична функция се разполагат в препозиция, а в постпозиция остават само оние компоненти, които влизат в състава на ремата. По такъв начин по-добре се акцентира рематичната част на изречението.

2. Детерминантът е почти винаги в препозиция: 96% за руския материал и 99% за българския материал. Изолираните случаи с друга по-

зиция в изследвания от нас материал са изречения с инверсия в предикативната група. В българския материал контактната препозиция е по-често от дистантната, докато в руския материал преобладава дистантната препозиция. Според нашите наблюдения това се дължи главно на два фактора: а) в българското изречение много по-често се пропуска подлогът, така че детерминантът и сказуемото се оказват контактно разположени; б) в българското изречение детерминант се среща най-често в изречения с неразчленена предикативна група, в която подлогът е след сказуемото. Тези различия имат формално-структурен характер и не засягат комуникативната структура на изречението, но те са важни за преводаческата практика.

§ 4. ОСНОВНИ ПОЗИЦИИ НА ОБСТОЯТЕЛСТВЕНОТО ПОЯСНЕНИЕ ЗА ВРЕМЕ

Както и обстоятелственото пояснение за място, обстоятелството за време може да заема четирите словоредни позиции. Те също имат различна честота в зависимост от семантико-комуникативната си роля или от структурните особености на руското и българското изречение.

1. *Контактна постпозиция.* Според комуникативната си структура изреченията с контактна постпозиция на $О_в$ могат да бъдат два типа:

а) *Частноинформативни*: $О_в$ е разположено в края на изречението и изпълнява функцията на самостоятелна рема. Това са обикновено трикомпонентни изречения: П-С-$О_в$. Например: Гарт *ездил* | *в конце ноября* (КП); Крадецът *се беше вмъкнал* | *през нощта* (ЕС). В този тип изречения $О_в$ се различава от $О_м$, което в същата позиция най-често образува комплексна рема със сказуемото. Срв.: Они | *пошли на прогулку* — Они *пошли* | *через два дня*; Те | *отидоха на театър* — Те *отидоха* | *след седмица*. Във вторите изречения сказуемото се представя като известно от предишния контекст, в който вероятно е уточнено мястото на действието. В противен случай обстоятелственото пояснение за време не може да се свърже с някаква конситуация.(Срв.: Они | *решили пойти в театр. Пошли* | *через два дня.*)

При контактната постпозиция в много случаи се чувствува семантичната необходимост от $О_в$ поради информативна недостатъчност на глагола. В това отношение обстоятелството се сближава с допълнението. Например: Диманка наблюдаваше фигурата му, походката, израза на лицето, сякаш го *виждаше след дълга раздяла* (ГА) — (Срв.:...сякаш го *виждаше*... информативно недостатъчно.)

Ако изречението съдържа и друга второстепенна част, тя се разполага в препозиция спрямо сказуемото, така че комуникативният акцент пада върху постпозитивното обстоятелство. Например: На следы *напал* | *вскоре* (МШ); В Карду *приехали* | *засветло* (ВР). Даже извън широкия контекст е ясно, че в тия изречения като нова се представя са-

мо информацията, съдържаща се в постпозитивното обстоятелствено пояснение. Останалите изреченски компоненти са представени като известни от контекста. Подобни изречения срещаме и в българския език: В с е л о т о *пристигнаха* ¦ *вечерта*; К н и г а т а *ще ти донеса* ¦ *утре*. Формален показател за известността на информацията, съдържаща се в препозитивните второстепенни части, е членуваната им форма.

В руското изречение при наличие на няколко обстоятелствени пояснения всички те (освен рематичното) се разполагат в препозиция. Смислово свързаните $O_в$ могат да се разполагат дистантно с цел да се актуализира постпозитивното обстоятелство. Например: Н а м ы с *от утром вышел* ¦ *поздно* (ВР) — Срв.: Он *вышел* н а м ы с *поздно утром*, където *поздно утром* функционира като единен в синтактично и комуникативно отношение изреченски компонент. В българския материал не срещнахме изречения с такъв словоред. Вероятно това е така, защото за българското изречение не е характерно разполагането на няколко второстепенни части в препозиция спрямо сказуемото.

Рематичната функция на $O_в$ може да се подчертае с усилителни частици: Даже о войне здесь *узнали* т о л ь к о *на другой день* (ВР); Животът се промени о щ е *през войната* (ГА).

б) *Общоинформативни*: Такава комуникативна структура имат изречения, съдържащи най-малко още една второстепенна част, разположена в постпозиция. При такъв словоред обстоятелственото пояснение за време образува комплексна рема със сказуемото и другите второстепенни части. Например: Гарт преодолел обычное смущение и *постучал вечером* в к о м н а т у м е т е о р о л о г а (КП); Он был старый художник, *учился до революции* у к а к о г о - т о з н а м е н и т о г о г р е к а (ЮТ); Иван Ильич *походил некоторое время* в з а д у м ч и в о с т и (АТ). Укротеният слънчев блясък *привличаше в тия хладни утринни часове* с м и л в а щ а т а с и т о п л и н а (ДТ); Госпожата *се застреля към четири часа* с р е в о л в е р а н а г о с п о д и н п о л к о в н и к а (ЕС). Българското и руското изречение имат еднотипна синтактична и комуникативна структура.

2. *Дистантна постпозиция*. Обстоятелственото пояснение за време може да бъде в дистантна постпозиция в два случая:

а) В общоинформативни изречения с два или повече компонента в постпозиция спрямо предикативната група. $O_в$ се разполага след друга второстепенна част. Например: Все это *было* в С е в а с т о п о л е *двенадцать лет назад* (КП); Вечером он не рассчитал время и *спустился* к д е р е в и е *в поздних сумерках* (ВР); Борис *бе излязъл* о т с о л у н с к и я з а т в о р *не много отдавна* (ДТ); Тя *беше започнала* т а з и и г р а *отдавна*, след дълги колебания (ДД). При този словореден тип $O_в$ не може да изпълнява функцията на самостоятелна рема без допълнителни средства (логическо ударение, интонация или усилителни частици). Срв.: Детето *се страхуваше да излезе* н а у л и ц а т а ¦ дори *посред бял ден*; Хлеб *чистили* н а т р и е р е ¦ и *ночью* (МШ).

б) В частноинформативни изречения. При инверсия в предикативната група $О_в$ може да придобие силен комуникативен акцент и да изпълнява рематична функция. Например: *Появился* он *через два дня* (КП). Този словореден тип има по-голяма честота в руския език поради своеобразието на епическия прозаичен стил в него.

3. *Контактна препозиция.* В тази позиция $О_в$ никога не заема абсолютното начало на изречението, а се разполага след подлога или след съединителния съюз *и*. Контактната препозиция на $О_в$, макар и не най-типична, се среща доста често в руското изречение (35% от изследвания материал), а в българския материал процентът е по-нисък (29%). Наблюдаваме тази позиция на $О_в$ в следните видове изречения:

а) Общоинформативни, силно разширени изречения, в които след сказуемото са разположени други второстепенни части. Обстоятелственото пояснение би могло да заеме и постпозиция, но в такъв случай изречението ще бъде стилистически негладко поради натрупване на няколко компонента след сказуемото. Например: Давыдов *с минуту разглаживал* ладонями грязную клеенку на столе (МШ) Срв.: Давыдов *разглаживал с минуту* ладонями грязную клеенку на столе. Николай Иванович, оставшись один, *до рассвета сидел* у стола и вздыхал (АТ). В посочените примери позицията на $О_в$ се определя от стилистични изисквания.

Същата закономерност наблюдаваме и в българското изречение. Например: Борис Глаушев едва *сега забеляза* нагана в ръката си и побърза да го скрие в пазвата си (ДТ). Както в руското, така и в българското изречение $О_в$, изразено с отрицателно наречие, се разполага в препозиция и в неразширени изречения. Например: Виолета *никога няма да рискува* (ЛГ); Вие *никога няма да направите* кариера в "Никотиана" (ДД). Постпозицията на такова обстоятелствено пояснение винаги ги превръща в рема. Срв.: Виолета *няма да рискува* | *никога*.

б) В по-редки случаи контактната препозиция е резултат от действието на комуникативния фактор. Всички второстепенни части се разполагат в препозиция спрямо подлога или сказуемото, чиято комуникативна стойност се акцентира, като се разполага в края на изречението. Например: Половцев со всеми здоровался за руку, потом отошел с одним к окну, шепотом *в течение пяти минут* | *говорил* (МШ); Но еще *до японской войны пришел* в Атамановку из Рассеи | переселенец Андрей Сивый (ВР). В българското изречение по този начин може да се актуализира подлогът: *Година по-късно пристигна* | и Константин (ГА); *Утре пристигат* | чорбаджиите (ДД).

4. *Дистантна препозиция.* В руското изречение дистантната препозиция на Ов се среща много рядко (едва 6%), а в българския материал не срещнахме такива случаи. Това са общоверификативни изречения, в които крайна позиция заема спрегаемата форма на съставното глаголно сказуемо, изпълняваща рематична функция. Всички останали части на изречението са в препозиция и влизат в състава на темата. Например:

Оставаться здесь *надолго* он ¦ *не собирался* (ВР); Показываться *среди бела дня* в деревнях он себе ¦ *запретил* (ВР). Особено ясно се чувствува разликата в комуникативната натовареност на изреченските компоненти, ако сравним двата възможни варианта: Оставаться здесь *надолго* он ¦ *не собирался* (общоверификативно) и Он ¦ *не собирался оставаться* здесь *надолго* (общоинформативно).

§ 5. ПОЗИЦИИ НА ОБСТОЯТЕЛСТВЕНИЯ ДЕТЕРМИНАНТ ЗА ВРЕМЕ

Закономерната и граматична позиция на детерминанта за време, както и на детерминанта за място, е абсолютното начало на изречението. Най-голяма честота и в двата езика има дистантната препозиция: 72% в руския и 71% в българския материал.

I. *Изречения с дистантна препозиция на* $Д_в$. По словоредната си структура те са най-разнообразни.

1. Схема $Д_в$-П-С. И в двата езика тези изречения имат общоинформативен характер. Примери: *Во время перерыва* девушка *пошла* в буфетную и стояла у дверей (АТ); *Днем* Настена *возила* с гумна солому на колхозный двор (ВР); *На обед* полковникът *съобщи* друга новина (ЕС); *На другия ден* тя *се събуди* късно (ДД).

2. Схема $Д_в$-П-О-С. Освен обстоятелственото пояснение (най-често за начин) между сказуемото и подлога може да се разположи и допълнение. Например: *Тогда* Даша изо всей силы *побежала* вдоль берега к лодке (АТ); *В восемнадцатом году* Разметнов на короткий срок *вернулся* в Гремячий Лог (ВР); *Тогда* она этого *не понимала*, теперь лишь догадывается, и то смутно (ЮТ); *Сутринта* учителят нерешително *слезе* по пътечката (ЕС); *След банкета* Волф шепнешком го *покани* да работи в неговия интитут (ЛГ). Всички изречения са общоинформативни.

3. Схема $Д_в$-О-С-П. Между детерминанта и сказуемото е разположено обстоятелствено пояснение, предикативната група е неразчленена, с постпозитивен подлог. Изреченията имат общоинформативен характер. Например: *В последнее десятилетие* с невероятной быстротой *создавались* грандиозные предприятия (АТ); *През нощта* за пръв път *заваля* дъжд (ЕС).

II. *Изречения с контактна препозиция на* $Д_в$. Те могат да имат следните словоредни модели:

1. Схема $Д_в$-С-П. Това са общоинформативни изречения с неразчленена предикативна група. Например: *На пятые сутки среди ночи заревел* охрипший гудок (КП); *Към края на седмицата задуха* топъл и сух вятър (ЕС).

2. Схема $Д_в$-С-П. За разлика от предишния словореден тип това са частноинформативни изречения, в които подлогът (по-рядко друга част

на изречението) изпълнява рематична функция. Например: *В середине марта вернулся* в Атамановку | первый фронтовик — Максим Вологжин (ВР); *През тия дни излезе* | и сам консулът на няколко пъти (ДТ); *В първите дни повика* | и Стоил Дженев (ГА).

3. Схема П-$Д_{в}$-С-Д/О/. Това са общоинформативни изречения, в които подлогът заема първа позиция, а детерминантът — втора. В структурно отношение тези изречения не се отличават от разгледания вече тип с детерминант за място на втора позиция. По-голяма честота те имат в руския език. Например: Николай Иванович *в эти дни должен был выступать* в суде (АТ); Казаки *днем собирались* на проулках и в куренях (МШ); Борис Глаушев *през цялото време слушаше* мълчаливо (ДТ); Кирил *най-сетне се измъкна* с няколко бутилки сок от дюля (ЛГ).

По-особен структурен тип представляват изреченията, които имат в абсолютното си начало два детерминанта с еднакво или различно обстоятелствено значение (най-често за време и място). Ако те са еднородни, вторият детерминант обикновено уточнява първия. При различно значение първа позиция заема детерминантът за време, а втора — за място. Това още веднъж потвърждава по-голямата синтактична и семантична независимост на детерминанта за време. Например: *Теперь по целым часам* она *играла* в теннис (АТ); *Перед рождеством в Атамановку нагрянул* председатель сельсовета из Карды Коновалов и конопатый участковый милиционер (ВР); *Към края на лятото през осемнадесета година* градът *пламна* от коремен тиф (ЕС); *На осми октомври от Гърция пристигат* нови четиридесет души наши хора (ДТ).

Освен посочените общи черти в позициите на детерминанта за време в двата езика ще отбележим различията, които са резултат на определени синтактични норми или особености на руския и българския език и са важни за преводаческата практика.

1. В българското изречение поради пропускането на подлога детерминантът и сказуемото много често са контактно разположени. В руското изречение между тези два компонента се намира подлогът. Например: *Сега лежеше* в полутъмната колиба и се опитваше да чете (ЕС). *През тия пет дни посещаваше* всяка вечер семейството на учителя (ЕС); *От месеци наред спеше* лошо (ЛГ).

2. В българското изречение допълнението, изразено с кратка местоименна форма, е в препозиция спрямо сказуемото, така че заема интерпозиция. В руското изречение такова допълнение е в постпозиция. Например: Всяка вечер г о *чакаше* да пристигне с файтона (ЕС); *Сега* м у *изглеждаше по-приветлива* (ДТ).

3. В абсолютното начало на руското изречение може да има обстоятелствен детерминант и допълнение, което в руската граматична литература от най-ново време се определя като субектен детерминант (вж. Грамматика 1980, т. 2, 150). Например: *Тогда Бессоновым* овладело бешенство (АТ); *Через месяц ему* стало совсем невмоготу (ВР). Съответните български изречения съдържат обстоятелствен детерминант, а су-

бектният почти винаги се заменя с подлог. Срв.: *Тогава Безсонов* се вбеси.

4. В руското изречение детерминантът може да заема втора позиция след сказуемото, така че се разполага между компонентите на предикативната група. Например: *Приходили после обеденного отдыха* дачники, садились за столики (АТ); *Появился наконец* Николай Иванович в новом синем костюме, но без воротничка (АТ). В изследвания български материал няма нито един случай с такава позиция на детерминанта. Очевидно тя не е типична за българското изречение.

Ще приведем статистическите данни за позициите на обстоятелственото пояснение и детерминанта за време в двата езика.

ОБСТОЯТЕЛСТВЕНО ПОЯСНЕНИЕ *Таблица 3*

	контактна постпозиция	дистантна постпозиция	контактна препозиция	дистантна препозиция
руски материал	35%	24%	35%	6%
български материал	47%	24%	29%	–

ДЕТЕРМИНАНТ *Таблица 4*

	контактна постпозиция	дистантна постпозиция	контактна препозиция	дистантна препозиция
руски материал	1%	–	27%	72%
български материал	–	–	29%	71%

Анализът и статистическите данни показват следното:

1. Между позициите на $О_в$ в руското и в българското изречение няма съществени различия. По-типична за $О_в$ е постпозицията: 59% в руския материал и 71% в българския материал. Тази позиция се определя от синтактичния и семантичния фактор. Прави впечатление, че контактната постпозицияи контактната препозиция в руския материал имат еднаква честота (35%). Според нас причината за това е следната: при силно разширените руски изречения обстоятелственото пояснение за време по-свободно и по-често може да заема препозиция, като по този начин по-ясно се акцентира комуникативна стойност на постпозитивните изреченски компоненти. Словоредът на българското изречение по-строго

следва синтактичните норми, според които второстепенните части се разполагат след сказуемото.

2. Детерминантът за време е почти винаги в препозиция. Изключения срещнахме само в руския материал. Прави впечатление, че контактната и дистантната препозиция в руския и българския материал имат почти еднаква честота. Това, че и в двата езика дистантната препозиция на детерминанта доминира, потвърждава неговата независимост. Може да се каже, че най-независимият в синтактично и семантично отношение изреченски компонент и в двата езика е детерминантът за време.

§ 6. СЛОВОРЕДНИ ТРАНСФОРМАЦИИ В ИЗРЕЧЕНИЯ С ОБСТОЯТЕЛСТВЕНО ПОЯСНЕНИЕ И ДЕТЕРМИНАНТ ЗА МЯСТО

Посочените в изложението различия в позициите на руското и българското обстоятелствено пояснение и детерминанта за място са причина за преводаческите словоредни трансформации, които в повечето случаи имат закономерен характер. Ще разгледаме тези трансформации последователно при превод от руски на български и обратно.

А. ПРИ ПРЕВОД ОТ РУСКИ НА БЪЛГАРСКИ

I. Замяна на контактната постпозиция

Поради своя граматично обусловен характер контактната постпозиция на $О_м$ в повечето случаи се запазва. В изследвания от нас материал тя е заменена с друга позиция в 28% от случаите.

1. Контактната постпозиция на обстоятелственото пояснение може да се замени с дистантна постпозиция. Трансформация се осъществява при наличие на допълнение в абсолютното начало на изречението. При превода нетипичната за българското изречение препозиция на допълнението се заменя с постпозиция, така че между сказуемото и обстоятелственото пояснение се разполага допълнението, т. е. то заема най-типичното за него място в българското изречение — контактна постпозиция. Например: К о е-ч т о она *могла достать в одной поликлинике* на Кировской (ЮТ) — Тя *имаше възможност да намери* е д н о-д р у г о *в поликлиниката* на "Кировская"; Р е ч к у *переехали за хутором* в брод (МШ) — *Прегазиха* р е к а т а в брод *зад селото*.

2. Контактната постпозиция на детерминанта се заменя с контактна препозиция, ако в руското изречение той е разположен между компонентите на предикативната група. Обикновено в такива изречения има два детерминанта. В превода детерминантът за място заема позиция пред предикативната група и след детерминанта за време. Например: В середине марта *вернулся в Атамановку* п е р в ы й ф р о н т о в и к —

Максим Вологжин (ВР) — В средата на март *в Атамановка се завърна* п ъ р в и я т ф р о н т о в а к — Максим Вологжин; Каждую минуту *могли появиться из темных дворов* к а к и е - н и б у д ь п а р н и с батогами, с вилами (ЮТ) — Всяка минута *из тъмните дворове можеха да наизскочат* м о м ц и с тояги и вили. Трансформацията се осъществява, за да се избегне постпозицията на детерминанта и нетипичното за българското изречение дистантно разполагане на компонентите на предикативната група.

Същата трансформация наблюдаваме и в случаите, когато в постпозиция освен детерминанта има и второстепенна част. В превода детерминантът заема препозиция, а между сказуемото и подлога остава второстепенната част. Например: Говорят, в древние греческие времена *жила в Херсонесе* в и з г н а н и и м о л о д а я ж е н щ и н а неслыханной красоты (КП) — Разправят, през древно гръцко време *в Херсон живяла* в и з г н а н н е м л а д а ж е н а с нечувана красота.

3. Ако детерминантът в руското изречение е в постпозиция в изречения с показателна частица *это*, при превода той заема препозиция. Руските изречения с показателната частица *это* нямат структурни съответствия в българския език. Например: Э т о *пролетали за окном* в свете поздней луны ломкие листья платанов (КП) — *Зад прозореца* в светлината на късната луна *прелетяха* чупливи листа на платани; Э т о *мылся за стеной* его квартирный хозяин (КП) — *Зад стената се миеше* неговият хазяин. Ако детерминантът е разположен между компонентите на неразчлененатa предикативна група, в превода той заема препозиция, а сказуемото и подлогът се разполагат контактно. Например: Десятого марта с вечера *пал над Гремячим Логом* туман (МШ) — На десети март вечерта *над Гремячий Лог падна* мъгла.

II. Замяна на дистантната постпозиция

1. Дистантната постпозиция може да се замени с контактна постпозиция. Трансформацията се осъществява по синтактико-стилистични причини. В оригинала след сказуемото са разположени две второстепенни части (най-често две различни по значение обстоятелства). При превода едната от тях заема препозиция. Например: Георгий Максимович *был* у ж е п о л м е с я ц а *в больнице* (ЮТ) Георгий Максимович п о л о в и н м е с е ц в е ч е *беше в болница*; Первый раз *увидела* её с л у ч а й н о *в театре* (ЮТ) — За първи път с л у ч а й н о я *видя в театъра*. В преводните варианти е налице стремеж да се избегне натрупването на няколко второстепенни части след сказуемото.

При инверсивно разположени подлог и сказуемо в руското изречение трансформацията се извършва поради много ниската честота на този словореден модел в българския език. Замяната има задължителен характер. Например: На исходе ясной и звездной, уже смеркающейся но-

чи *перебрался* Гуськов *через Ангару* (ВР) — Към края на ясната и звездна, вече помръкваща нощ Гусков *се прехвърли през Ангара*; От хутора *был* он *километрах в десяти за перевалом, возле Лютого пруда* (МШ) — Той *се намираше на десетина километра от селото, зад хълма, до Люти вир*. В последния пример трите обстоятелствени пояснения се разполагат в превода контактно, тъй като образуват едно смислово цяло и всяко следващо уточнява предишното.

2. В единични случаи дистантната постпозиция се заменя с контактна или дистантна препозиция. Целта е да се избегне дистантното разположение на подлога и сказуемото, твърде често срещащо се в руското изречение. Например: Но в полночь приехал от Половцева *из хутора Войскового* конно-нарочный (МШ) — Но към полунощ, изпратен от Половцев, *от село Войсково пристигна* куриер на кон. В отделни случаи замяната може да доведе до неправилно предаване на информацията поради изменение на актуалното членене на изречението. Например: Черный казенный автомобиль ¦ *ждал* его *на площадке перед входом* в крематорий (ЮТ) — *На площадчето пред крематориума* го *чакаше* ¦ черна държавна кола. В оригинала функцията на рема изпълнява групата на сказуемото с акцент върху обстоятелственото пояснение. В превода тази функция се изпълнява от подлога. Пренасянето на актуалната информация от една върху друга комуникативна група изменя в известна степен смисъла на изречението.

III. Замяна на контактната препозиция

1. Контактната препозиция на руското обстоятелствено пояснение за място почти винаги се заменя с контактна постпозиция независимо от това, с каква част на речта е изразено то. Например: Влад *издалека звал* их (ЮТ) — Влад ги *викаше някъде отдалеч*; Он махнул рукой и *куда-то вышел* (ЮТ) — Той махна с ръка и *излезе някъде*; И вдруг *внизу увидела* Телегина (АТ) — И изведнъж *видя долу* Телегин; Тот *с крыльца крикнул* (МШ) — Нагулнов *извика от стълбата*.

2. Контактната препозиция на детерминанта за място се заменя с дистантна препозиция в случаите, когато детерминантът в руското изречение е на втора позиция след подлога. В превода детерминантът заема абсолютното начало на изречението. Например: Андрей *в Каменской отстал* от товарищей (МШ) — *В Каменск* Андрей *изостана* от другарите си; Андрей еще *из сенцов увидел* в угловой комнате сельсовета свет, вошел, широко откинув дверь (МШ) — Още *от коридора* Андрей *видя*, че в ъгловата стая на селсъвета свети, отвори широко вратата и влезе.

IV. Замяна на дистантната препозиция

1. Тъй като дистантната препозиция и в двата езика е най-честата и комуникативно обусловена позиция на детерминанта, тя рядко се заменя с друга. Трансформацията може да бъде резултат от изменение в по-

зицията на другия детерминант. Например: *В Гремячем Логу* к 15 м а р т а *был* целиком *собран* семфонд (МШ) — К ъ м п е т н а д е с е т и м а р т *в Гремячий Лог бе* напълно *събрано* зърното за посев. Ако при превода се пропусне подлогът (типично за българското изречение явление), детерминантът и сказуемото се разполагат контактно, като при това детерминантът запазва позицията си в абсолютното начало на изречението. Например: *От Павловского мыса* мы *переправились* в город на ялике (КП) — *От Павловския нос заминахме* за града с лодка. Комуникативната структура на изречението се запазва.

2. Ако в руското частноинформативно изречение обстоятелственото пояснение за място е в препозиция с цел да се актуализира постпозитивната второстепенна част, при превода то заема постпозиция. Тази трансформация е в съответствие със синтактичните норми на българския език, макар че в известна степен отслабва комуникативният акцент на постпозитивната част. Например: Настену *в Атамановку* судьба *занесла* с В е р х н е й А н г а р ы (ВР) — Съдбата *довея* Настьона *в Атамановка* о т к ъ м г о р н о т о п о р е ч и е н а А н г а р а; *Домой* Давыдов *возвращался* один (МШ) — Давидов се *връщаше в къщи* сам; *На мыс* он утром *вышел* п о з д н о (ВР) — Заранта *излезе на носа* късно. Понякога тази трансформация може да измени актуалното членение на изречението. Например: *В дверях столовой* Ивана Ильича *встретила* Д а ш а (АТ) — Д а ш а *срещна* Иван Илич *на вратата на столовата*. Частноинформативното изречение с подлог във функцията на рема е заменено с общоинформативно, в което рема е групата на сказуемото (срв.: *Пред вратата на столовата* Иван Илич бе *посрещнат* о т Д а ш а).

Замяната на словоредните позиции при превода може да бъде резултат на друга преводаческа трансформация — пропуск или добавяне по семантични причини. Такива трансформации наблюдаваме, когато семантичният обем на отделна лексикална единица не съвпада в двата езика. При превода се пропуска единицата, чиято семантика се включва в семантиката на друга дума, или се добавя единица, допълваща смисъла на дума, която в оригинала има по-широк семантичен обем. Тази трансформация има закономерен характер и зависи не от словоредните норми на езика на превода, а от неговата лексикална система. Например: Ольга Васильевна *не хотела вести* р а з г о в о р *в коридоре*, под дверью комнаты свекрови (ЮТ) — Тя *не искаше да разговаря в коридора* до вратата на свекърва си; *В черно-лиловом небе* пылали созвездия (АТ) — *На черно-лилавото небе* я р к о *блестяха* съзвездия; *Из Карды прискакал* нарочный (ВР) — *От Карда* в г а л о п *пристигна* пратеник; *Из конюшенных дверей* т е п л ы м и к л у б а м и *валил* навозный пар (МШ) — *От вратите на конюшнята се кълбеше* топла пара от конски тор.

Б. ПРИ ПРЕВОД ОТ БЪЛГАРСКИ НА РУСКИ

I. Замяна на контактната постпозиция

1. Замяната на контактната постпозиция с дистантна постпозиция има закономерен и задължителен характер в случаите, когато прякото допълнение е изразено с лично местоимение. Например: Христо галантно *я изведе до средата на стаята* (ГА) — Христо галантно *вывел* её *на середину комнаты*; Елисавета г о *бе чакала край пътя* (ЕС) — Элисавета *поджидала* е г о у *дороги*. Трансформацията е обусловена от граматични причини и не засяга комуникативната структура на изречението.

Изменение на словореда наблюдаваме и в случаите, когато несъгласуваното определение, изразено с притежателно местоимение, при превода се заменя с косвено допълнение. Трансформацията зависи от определени граматични особености на руския език. Например: Сърцето ѝ лудо *блъскаше в гърдите* (ЕС) — Сердце буйно *колотилось* у н е ё в *груди*.

2. Контактната постпозиция се заменя с контактна препозиция в случаите, когато обстоятелственото пояснение за място е изразено с наречие. Например: Един заек *изскочи отнякъде* и хукна лудешки по тютюневите стърнища (ДД) — *Откуда-то выскочил* заяц и помчался по табачной стерне; Той *не излизаше никъде* — Он *никуда не выходил*.

В отделни случаи тази трансформация води до изменение на актуалното членение на изречението. Например: Сигурно к р а д е ц ъ т *беше се вмъкнал в лозето* на полковника (ЕС) — Должно быть, *в виноградник* полковника *забрался* в о р; К у п ч и н а т а с вестници *беше на бюрото* му (ГА) — *На его столе лежала* к и п а газет. В оригинала подлогът се представя като нещо дадено, известно от контекста (за това говори и членуваната форма на съществителното). В преводните варианти подлогът изпълнява функцията на рема (първи пример) или влиза в състава на неразчленената предикативна група, без да носи елемент на даденост, конкретност (втори пример). Ако българското изречение има такъв словоред, то би следвало да употребим нечленувана форма (Срв.: *В лозето се бе вмъкнал* к р а д е ц; *На бюрото* му *имаше* к у п ч и н а вестници). В случая нечленуваната форма се оказва релевантна за опозицията тема/рема.

3. При замяна на контактната постпозиция с дистантна препозиция обстоятелственото пояснение, заело абсолютното начало на изречението, придобива значение на детерминант. Случаите на такава замяна са малобройни. Например: Рединготa *беше известен в града* с неизменното си и заядливо високомерие към гражданите (ДД) — *В городе* Сюртук *славился* своим неизменным сварливым высокомерием по отношению к согражданам; Чашите нежно *звънтаха в тъмното* (ГА) — *В полумраке*

нежно *зазвенели* бокалы. В превода детерминантът изпълнява тематична функция, а всички останали изреченски компоненти са в състава на ремата. Подлогът (*чашите*) губи характера си на определеност.

II. Замяна на дистантната постпозиция

Дистантната постпозиция на обстоятелственото пояснение за място, макар и с ниска честота в българския материал, се заменя често при превода. В анализирания материал наблюдаваме само един вид замяна — с контактна постпозиция. Това са изречения, в които между сказуемото и обстоятелството е разположено допълнение или друго обстоятелство. При превода постпозитивните части разменят местата си. Например: Борис *свърши* работата *в околийското финансово управление* (ДД) — Борис *закончил в околийском финансовом управлении* дело; Той мигом *извади* револвера *от пазвата* си и стреля два пъти в аскера (ДТ) — Он мгновенно *выхватил из-за пазухи* наган и дважды выстрелил в солдата. Примерите показват по-силната семантична и синтагматична връзка между сказуемото и прякото допълнение в българското изречение. При наличие на постпозитивно обстоятелствено пояснение за начин в превода то заема препозиция, а обстоятелственото пояснение за място остава в контактна постпозиция. Например: Шишко *седна* с въздишка *на стола* и се опря върху масата (ДД) — Шишко с тяжелым вздохом *присел на табурет*; Борис Глаушев *влезе* най-напред *там* (ДТ) — Борис Глаушев прежде всего *зашел туда.*

III. Замяна на контактната препозиция

1. В контактна препозиция най-често е разположен детерминантът. В превода като правило той запазва позицията си. Но при наличие на обстоятелствено пояснение за начин, заемащо постпозиция в българското изречение, контактната препозиция се заменя с дистантна, тъй като обстоятелството за начин се разполага пред сказуемото. Например: *По улиците скърцаха* бавно волски коли, натоварени с грозде (ДД) — *По улицам* медленно, со скрипом *тащились* запряженные волами повозки, нагруженные виноградом. Трансформацията е обусловена от синтактичните норми на езика на превода.

По семантични причини или контекстуални съображения преводачът може да добави отсъствуващо в оригинала обстоятелство или допълнение, което се разполага между детерминанта и сказуемото. Например: *На това Каменско поле е построен* Нефтохимическият комбинат (ЛГ) — *На этом Каменском поле* теперь *высится* Нефтехимический комбинат; *По шосето пристъпваха* коне, натоварени тежко с последните кошове грозде (ДД) — *По шоссе* навстречу Ирине

двигались повозки, тяжело нагруженные корзинами с виноградом.

2. В отделни случаи замяната на контактната препозиция с контактна постпозиция изменя актуалното членение на изречението. В оригинала подлогът е рема или влиза в състава на ремата, а в превода той се пренася в началото на изречението, изпълнявайки тематична функция. Това изменя изцяло комуникативната структура на оригиналното изречение. Например: *На перваза кацна* г ъ л ъ б, повъртя се и тромаво отлетя (ЛГ) — Г о л у б ь *сел на подоконный выступ*, повертелся и, неуклюже оттолкнувшись, улетел (срв.: Г ъ л ъ б ъ т *кацна на перваза...*). Такава трансформацкя е неоправдана, още повече че няма пречки да бъде запазено актуалното членение на оригинала.

IV. Замяна на дистантната препозиция

Дистантната препозиция на детерминанта за място като правило се запазва при превода. Понякога е възможен пропуск на лексикален компонент, чиято информация в контекста е преценена от преводача като излишна. В такъв случай вместо в дистантна препозиция детерминантът е в контактна препозиция. Комуникативната структура на изречението се запазва. Например: *В лабораторията* п р и С л а в а *влязоха* Косена Чолакова и старият професор Седеф Абаджиев (ЛГ) — *В лабораторию вошли* Косена Чолакова и старый академик Седеф Абаджиев; *В стаята* п р и т я х *влезе* Веселин Чолаков (ЛГ) — *В комнату вошел* Веселин Чолаков.

Както и при превод от руски на български, словоредните трансформации могат да бъдат резултат на друга преводаческа трансформация, осъществена най-често по семантични причини. Случаите са разнообразни и зависят от семантиката или словосъчетаемостта на отделна лексикална единица. Ще приведем само няколко примера, тъй като тези случаи стоят извън рамките на интересуващия ни проблем: Борислав Григоров *се разходи по терасата* (ЛГ) — Борислав *прошелся* в з а д в п е р е д *по террасе*; *Сълзоха на атинското летище* (ЛГ) — Они *совершили* п о с а д к у в *аэропорту* Афин; *В ниската стая миришеше* на газ и зехтин (ДТ) — *В комнате* с н и з к и м п о т о л к о м *стоял* запах керосина и оливкового масла.

§ 7. СЛОВОРЕДНИ ТРАНСФОРМАЦИИ В ИЗРЕЧЕНИЯ С ОБСТОЯТЕЛСТВЕНО ПОЯСНЕНИЕ И ДЕТЕРМИНАНТ ЗА ВРЕМЕ

А. ПРИ ПРЕВОД ОТ РУСКИ НА БЪЛГАРСКИ

I. Замяна на контактната постпозиция

1. Ако в руското изречение детерминантът за време заема втора позиция след сказуемото, при превода той закономерно се разполага в абсолютното начало на изречението. Тази трансформация има ниска чес-

тота, тъй като такова разполагане на детерминанта е рядкост и в руското изречение. Например: *Появился наконец* Николай Иванович в новом синем костюме (АТ) — *Най-после дойде* Николай Иванович с нов син костюм; *Приходили после обеденного отдыха* дачники (АТ) — *След обедната почивка идваха* летовници.

2. В изолирани случаи контактната постпозиция на обстоятелственото пояснение може да се замени с дистантна постпозиция, без да се измени актуалното членение на изречението. Например: В Гремячий Лог *приехали перед вечером* (МШ) — *Пристигнаха* в Гремячий Лог *привечер*. Трансформацията има факултативен характер.

II. Замяна на дистантната постпозиция

Дистантната постпозиция се заменя с контактна постпозиция рядко. Трансформацията има закономерен характер само в случаите, когато информативно незначимият подлог е разположен след сказуемото. В превода той заема препозиция спрямо сказуемото в съответствие със синтактичните норми на българския език. Например: *Появился* он *через два дня*, смущенный и печальный (КП) — Той *се яви след два дни*, смутен и печален.

При наличие на повече от едно обстоятелствено пояснение в състава на рематичната група изменената позиция на обстоятелството за време не променя актуалното членение. Трансформацията се извършва обикновено по стилистични причини и няма задължителен характер. Например: Он *уехал* в какое-то Пересветово по Горьковской дороге *на двенадцать дней* (ЮТ) — Той *замина за дванадесет дни* по пътя за Горки в някакво си Пересветово.

III. Замяна на контактната препозиция

1. Контактната препозиция на детерминанта се заменя с дистантна препозиция, когато в руското изречение първа позиция заема подлогът. Както вече видяхме, този словоред не е типичен за българското изречение, поради което трансформацията има закономерен характер. В изследвания материал тя е осъществена във всички случаи. Например: Казаки *днем собирались* на проулках и в куренях (МШ) — *Денем* казаците *се събираха* по улиците и в къщите; Даша *после этой встречи струсила* (АТ) — *След тази среща* Даша *се уплаши*; Николай Иванович *в эти дни должен был выступать* в суде (АТ) — *През тези дни* Николай Иванович *трябваше да защищава* едно дело.

2. Когато в руското изречение има два детерминанта (за време и място) с препозиция на детерминанта за място, при превода той се разполага на втора позиция, а абсолютното начало на изречението заема детерминантът за време. По такъв начин се изразява неговата по-голя-

ма независимост спрямо останалите изреченски компоненти. Например: В Гремячем Логу к *15 марта был* целиком *собран* семфонд (МШ) — *Към петнадесети март* в Гремячий Лог *бе* напълно *събрано* зърното за посев.

3. Когато в руското изречение обстоятелственото пояснение за време е в препозиция, при превода то най-често заема контактна или дистантна постпозиция. Трансформацията има закономерен характер и е в съответствие с граматичния словоред на българското изречение. Например: Он *с полчаса говорил* под конец осипшим голосом (МШ) — Той *говори около половин час*, накрая вече с пресипнал глас; А я к тебе на всех рысях *средь ночи летела*, думала, обрадуешься (ВР) — Аз *препусках* насам като луда *посред нощ*, мислех, че ще се зарадваш; Спичка опять *на несколько секунд освещает* лицо Хопрова, его полуоткрытый глаз (МШ) — Запалената клечка *осветява* пак *за няколко секунди* лицето и полуотвореното око на Хопров.

IV. Замяна на дистантната препозиция

1. Дистантната препозиция на детерминанта за време запазва позицията си в абсолютното начало на изречението. При превод от руски на български са закономерни случаите на пропуск на подлога лично местоимение, вследствие на което детерминантът се оказва контактно разположен спрямо сказуемото. Например: *С вечера* он *запалил* сушины, нагрел себе лежень и спал тепло и спокойно (ВР) — Още *от вечерта накладе* огън от съчки, нагря си място за спане и спа топло и спокойно; *Последний раз* я *был* в Севастополе зимой 1921 года (КП) — *Последния път бях* в Севастопол през зимата на 1921 година.

Закономерен характер тази трансформация има в случаите, когато в препозиция спрямо сказуемото е разположено и допълнение. В превода то обикновено заема постпозиция, която е най-типичното за българското пряко и косвено допълнение място. Например: *Через день* у б и т ы х *хоронили* (КП) — *След един ден погребаха* у б и т и т е; *Никогда в жизни* н и с ч е м п о д о б н ы м она *не сталкивалась* (ЮТ) — *Никога в живота си не бе се сблъсквала* с н е щ о п о д о б н о.

2. Дистантната препозиция на обстоятелственото пояснение за време се заменя с постпозиция при превод на изречения, които нямат структурни съответствия в българския език. Например: *Оставаться* здесь *надолго* он *не собирался* (ВР) — Той *нямаше намерение да стои* тук *дълго*; *Показываться среди бела дня* в деревнях он себе *запретил* (ВР) — *Забрани си да се показва* в селата *денем*. При трансформацията комуникативният акцент, който пада върху спрегаемата глаголна форма в руското изречение, значително отслабва. От общоверификативно изречението става общоинформативно. Изменението на комуникативната структура на изречението в този случай е неизбежно.

Б. ПРИ ПРЕВОД ОТ БЪЛГАРСКИ НА РУСКИ

I. Замяна на контактната постпозиция

1. В контактна постпозиция като правило стои обстоятелственото пояснение. При превода на изречения с няколко второстепенни части то може да заеме препозиция, без да се промени актуалното членение на изречението. Например: Госпожата *се застреля към четири часа* с револвера на господин полковника (ЕС) — Полковница *в четыре часа утра застрелилась* из револьвера господина полковника; В гимназията *учи няколко години* (ДТ) — В гимназию *несколько лет ходила*; Споменът за тази обич *продължаваше да грее* и *досега* в душата ѝ като меко сияние (ДД) — Воспоминание об этой любви и *сейчас теплилось* в ее душе мягким сиянием. Анализираният материал показва, че препозитивното обстоятелствено пояснение има по-голяма честота в руския език. Следователно тази трансформация е важна заради съблюдаването на фактора *честота*, който понякога се пренебрегва в преводаческата практика (вж. Иванчев 1985, 70).

2. Контактната постпозиция на обстоятелственото пояснение може да се замени с дистантна постпозиция, ако в изречението има две обстоятелства (за време и място). Например: Старият професор Седеф Абаджиев *идваше най-рано сутрин* в лабораторията (ЛГ) — Старый академик Седеф Абаджиев *приходил* в лабораторию *раньше всех*; Веселин Чолаков *отиде много рано* в лабораторията по физико-химия (ЛГ) — Веселин Чолаков *явился* в физико-химическую лабораторию *очень рано*. Поради крайната си позиция в преводния вариант обстоятелственото пояснение за време има малко по-висока комуникативна натовареност, отколкото в оригинала.

II. Замяна на дистантната постпозиция

1. Замяната на дистантната постпозиция на обстоятелственото пояснение за време с контактна постпозиция най-често се осъществява при изменение на позицията на друга второстепенна част по синтактични причини. Например: Тя *беше започнала* тази игра *отдавна*, след дълги колебания (ДД) — Эту игру она *начала давно*, после долгих колебаний; Пък и не би желал да зяпа по чужди балкони, *да заговаря* момичето *нощем* (ДТ) — Да и нечего заглядываться на чужие балконы и *заговаривать по ночам* с девушками. Тези словоредни промени не нарушават комуникативната структура на изречението и нямат задължителен характер.

2. Замяната на дистантната постпозиция с дистантна препозиция изменя комуникативната структура на изречението, тъй като обстоятелственото пояснение се изнася в началото на изречението и в много случаи става детерминант. Например: Учителят го *изгуби* от погледа си *в следния миг* (ЕС) — *В следующее мгновение* учитель *потерял* его из ви-

ду; Полковникът *почина* внезапно *преди две години* от сърдечен удар (ЕС) — *Два года назад* полковник скоропостижно *скончался* от разрыва сердца; Той *не желаеше да повери* Ирина *след залез слънце* дори на родния си племенник (ДД) — *После захода солнца* он *не оставлял* Ирину вдвоем даже со своим родным племянником. В преводните варианти компонентът с обстоятелствено значение има по-голяма синтактична и семантична независимост.

III. Замяна на контактната препозиция

При превод от български на руски контактната препозиция на детерминанта най-често се заменя с дистантна препозиция. Трансформацията се осъществява при следните условия:

1. При възстановяване на пропуснатия в българското изречение подлог лично местоимение. Например: *Сега лежеше* в полутъмната колиба и се опитваше да чете (ЕС) — *Сейчас* о н а *лежала* в полутемной комнате, пытаясь читать; *После вечеряха* на трема, играеха на карти и разговаряха за хода на войната (ЕС) — *Потом* о н и с ж е н о й *ужинали* на галерее, играли в карты и говорили о войне.

2. Освен подлога пред сказуемото може да се разположи и някоя второстепенна част на изречението, която в оригинала е в постпозиция. Например: *През тия две-три години ще стъпя* з д р а в о на краката си (ДД) — *За эти два-три года* я п р о ч н о *стану* на ноги; *От две години беше* в Димитровград в е д н о с ъ с с е м е й с т в о т о си (ЛГ) — А *последние два года* он в м е с т е с с е м ь е й *жил* в Димитровграде.

3. В изолирани случаи наблюдаваме нетипичното за българското изречение разполагане на детерминанта на второ място след подлога. При превода то заема закономерната си първа позиция. Например: К о с е н а *след събранието плака* и *тъгува* (ЛГ) — *После собрания* К о с е н а долго *плакала*; Но т и я м ъ ж е *напоследък бяха поумнели* значително (ДД) — Однако *за последнее время* п о д о б н ы е м у ж ч и н ы очень поумнели. Интересен е фактът, че въпреки по-голямата честота на този словореден тип в руския език, при превода той се заменя с друг, който по-точно отразява изискванията на граматичния словоред. Тази трансформация се осъществява и при двата вида превод, което говори за стремежа на преводачите към по-стриктно спазване на синтактичните норми на езика на превода.

4. Понякога наред със словореднатa трансформация се добавя лексикален елемент, отсъствуващ в оригинала. Тези добавки са резултат от стремежа за смислово уточняване и допълване на информацията в оригинала, която за чуждия читател може да се окаже недостатъчна. Затова преводачът конкретизира отделни информативни елементи, като изхожда от широкия контекст. Например: *Сега беше дошъл* удобен момент да направи това (ДТ) — *Сейчас* д л я р а з р ы в а *наступил* удобный момент; *Година по-късно пристигна* и Константин (ГА) — *Год спустя* и з С о ф и и *приехал* и Константин; *Преди около шест месеца при-*

стигна нов консул (ДТ) — *Месяцев шесть назад* с ю д а *прибыл* новый консул.

Замяната на контактната с дистантна препозиция на детерминанта при превод от български на руски е една от най-последователно и закономерно осъществяваните словоредни трансформации, при това в повечето случаи по синтактични причини.

IV. Замяна на дистантната препозиция

Както и при превод от руски на български, дистантната препозиция се заменя с друга позиция най-рядко. В изследвания материал срещнахме само няколко случая, в които дистантната препозиция се заменя с контактна препозиция. Трансформацията е свързана с по-често срещащото се в руското изречение разполагане на детерминанта за време на втора позиция след подлога. Например: *Някога* т о й *имаше* брадичка, подострена като молив (ЕС) — Он *прежде носил* бородку, острую, как отточенный карандаш; *Понякога* М а р и я *подслушваше* до вратата (ГА) — М а р и я *иной раз подслушивала* у двери.

Интересно е да се проследи какво е разположението на няколко изреченски компонента с обстоятелствено значение (детерминанти и обстоятелства) в оригинала и превода. Тези компоненти могат да имат еднакво или различно значение.

1. При наличие на два детерминанта за време те обикновено се разполагат според степента на конкретността си: детерминантът с по-общо значение заема първа позиция, а детерминантът с уточняващо значение е на второ място. При превода двата детерминанта най-често запазват позициите си, за да се отрази вярно логическото движение на изреченската информация от общото към частното. Например: *В края на лятото през осемнадесета година* градът *пламна* от коремен тиф (ЕС) — *К концу лета восемнадцатого года* в городе *вспыхнул* брюшной тиф; *Тази сутрин към единадесет часа* той пак *пиеше* своя чай в лабораторията (ЛГ) — *В это утро, около одиннадцати часов*, он, как обычно, *пил* свой чай в лаборатории; *Однажды, на рождестве*, Сергей Сергеевич Сапожников *собрал* жильцов и сказал (АТ) — *Веднъж, на Коледа*, Сергей Сергеевич Сапожников *събра* квартирантите и им каза следното.

В редките случаи, когато в оригинала детерминантът с по-конкретно значение е разположен на първо място, при превода той заема втора позиция. Например: *В четыре часа дня пятнадцатого ноября* Шмидт *приказал* команде катера "Удалец" взять "Буг" на буксир (КП) — *На петнадесети ноември в четири часа през деня* Шмидт *заповяда* на командата на катера "Удалец" да вземе "Буг" на буксир.

2. При наличие на детерминант и обстоятелствено пояснение детерминантът се разполага в абсолютното начало, а обстоятелството след сказуемото. При превода тези позиции най-често се запазват. Например: *На другия ден* Ирина *се събуди късно* (ДД) — *На другой день* Ирина *проснулась поздно*; В одну из таких ночей Денисов *пришел поздно* (КП) — *В една от тия нощи* Денисов *дойде късно*.

Ако обстоятелството е разположено в препозиция спрямо сказуемото, при превод от руски на български то заема постпозиция. Например: *В восемнадцатом году* Разметнов *на короткий срок вернулся* в Гремячий Лог (МШ) — *В осемнайсета година* Размьотнов *се върна за малко* в Гремячий Лог; *С тех пор по ночам* он *стал приходить* к зимовью (ВР) — *Оттогава започна всяка нощ да идва* при колибата.

3. При наличие на два различни детерминанта (за време и място) с препозиция на детерминанта за място при превода първа позиция заема детерминантът за време. Това се наблюдава при превод от двата езика. Например: *По крайнему к степи проулку январским вечером 1930 года въехал* в хутор Гремячий Лог верховой (МШ) — *Една януарска вечер на 1930 година по крайната уличка откъм степта* в село Гремячий Лог *влезе* конник; *На позициите в Дебрица през време на въстанието бе стрелял* с пушка по аскера (ДТ) — *Во время восстания на позициях в Дебриште* он *стрелял* в солдат.

4. Ако в руското изречение единият детерминант е в препозиция, а другият в постпозиция, при превода и двата детерминанта заемат препозиция. Например: *В середине марта вернулся в Атамановку* первый фронтовик — Максим Вологжин (ВР) — *В средата на март в Атамановка се завърна* първият фронтовак — Максим Вологжин; Но *в полночь приехал* от Половцева *из хутора Войскового* коннонарочный (МШ) — Но *към полунощ*, изпратен от Половцев, *от село Войсково пристигна* куриер на кон.

Въз основа на наблюденията върху преводния материал можем да направим следните изводи:

1. При превода от двата езика комуникативната структура на изречението като правило се запазва, тъй като трансформациите засягат преди всичко синтактичната му структура и са обусловени от определени словоредни норми на българския и руския език. Единични случаи на нарушаване на комуникативната структура на оригинала наблюдаваме тогава, когато обстоятелственото пояснение получава детерминиращо значение в резултат на изменената си позиция. В такива случаи се изменя съставът на комуникативните групи, без да е възможно комуникативният акцент да се изрази с други средства (логическо ударение, усилителни частици и др.)

2. В редица случаи словоредните трансформации са резултат от лексикално-граматични трансформации, обусловени от различния в двата езика семантичен обем на отделни лексикални единици или от стремежа на преводача за по-голяма яснота и точност на контекста.

3. Трансформациите, които се осъществяват при превод от руски на български, потвърждават словоредните закономерности на българското изречение, които наблюдаваме и в оригиналния материал:

а) Ясно е изразена тенденцията за разполагане на обстоятелствените пояснения за място и време в контактна постпозиция. Ако в руското изречение обстоятелственото пояснение е в препозиция, при превода то обикновено заема постпозиция.

б) Обстоятелствените пояснения се разполагат в дистантна постпозиция при наличие на допълнения, които заемат контактна постпозиция. Трансформациите имат закономерен характер, ако в руското изречение допълнението е в препозиция спрямо предикативната група.

в) При превода детерминантите винаги се разполагат в препозиция. При това в абсолютното начало на изречението стои детерминантът за време. Трансформациите са закономерни, ако в руското изречение детерминантът е в постпозиция или ако детерминантът за място стои пред детерминанта за време.

г) При наличие на два детерминанта с еднакво значение в превода те се подреждат според степента на конкретността си — от по-общото към по-частното. Трансформацията се осъществява и при двата вида превод.

4. Трансформациите, които се осъществяват при превод от български на руски, показват следното:

а) Българското постпозитивно обстоятелствено пояснение за място и време при превода на руски език по-свободно може да се разполага и в препозиция, без това да изменя комуникативната структура на изречението. Определена роля играе и лексикално-граматичното изразяване на обстоятелственото пояснение: отрицателните и неопределителните наречия в руското изречение почти винаги са в препозиция.

б) Позицията на обстоятелствените пояснения в разширените изречения често се определят от позицията на прякото допълнение. Докато в българското изречение обстоятелственото пояснение е в дистантна постпозиция, поради това че контактната постпозиция е заета от допълнението, при превод на руски език то може да се окаже в контактна постпозиция, тъй като руското допълнение по-свободно може да се разположи в препозиция или в дистантна постпозиция.

в) Детерминантът, който в българското изречение закономерно е в препозиция и в абсолютното начало на изречението, може да заеме постпозиция спрямо подлога или сказуемото в руското изречение. При това комуникативната структура на изречението не се изменя, но то може да получи разговорен оттенък.

Наблюденията и изводите, представени в настоящото изследване, нямат характер на готови рецепти за преводаческата практика. Но те показват, че различията в словореда на два близкородствени езика са също така съществени при превод от един език на друг, както и различията в областта на морфологията, лексиката и фразеологията. Анализът на преводния материал показва, че успешното осъществяване на адекватен превод, вярното предаване на комуникативната структура на изречението до голяма степен зависи от точно намереното съответствие на словоредната структура на изречението. Словоредните трансформации в редица случаи имат закономерен характер дори за езици с по-свободен словоред, какъвто е руският. А за езици с по-силно граматикализиран словоред, какъвто е българският, словоредните трансформации имат задължителен характер много по-често. Всичко това безусловно има съществено значение за теорията и практиката на превода.

БИБЛИОГРАФИЯ

Адамец 1966: А д а м е ц, П. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966.
Виноградов 1955: В и н о г р а д о в, В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения – В: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
Георгиева 1974: Г е о р г и е в а, Е. Словоред на простото изречение в българския книжовен език, С., 1974.
Грамматика 1980: Р у с с к а я грамматика. Т. 1 – 2. М., 1980.
Граматика 1983: Г р а м а т и к а на съвременния български книжовен език. Т. 1 – 3., С., 1983.
Иванчев 1985: И в а н ч е в, С. Количествен анализ на превода (при превод от чешки на български) – В: Езикови проблеми на превода (славянски езици). С., 1985.
Ковтунова 1979: К о в т у н о в а, И. И. Структура художественного текста и новая информация – В: Синтаксис текста. М., 1979.
Крилова 1976: К р ы л о в а, О. А Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса. Вопросы языкознания, 1976, № 2.
Петков 1974: П е т к о в, П. Валентността на глагола-сказуемо и минималната структура на изречението. Български език, 1974, № 3.
Шведова 1964: Ш в е д о в а, Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. Вопросы языкознания, 1964, № 6.

ИЗТОЧНИЦИ

ГА – Г е р ч о А т а н а с о в. Провинциална история. С., 1978; А т а н а с о в, Г. Провинциальная история. Перевод А. Собковича, М., 1981.
ДД – Д и м и т ъ р Д и м о в. Тютюн. Съчинения в 5 тома. С., 1981; Д и м о в, Д. Табак. Собрание сочинений в 4-х томах. Перевод Д. Горбова, В. Злыднева, Н. Попова, Т. Рузской, И. Шептунова. М., 1978.
ДТ – Д и м и т ъ р Т а л е в. Гласовете ви чувам. С., 1966; Т а л е в, Д. Слышу ваши голоса. Перевод Л. Баша и Т. Рузской, М., 1974.
ЕС – Е м и л и я н С т а н е в. Крадецът на праскови. С. 1968; С т а н е в, Е. Похититель персиков. Перевод М. Михелевич, М., 1981.
ЛГ – Л а д а Г а л и н а. Кристали. С., 1973; Г а л и н а, Л. Кристалы. Перевод М. Маринова. С., 1975.
АТ – А л е к с е й Т о л с т о й. Хождение по мукам. Т. 1. М., 1972; Т о л с т о й, А. Ходене по мъките. Т. 1. Превод С. Капелков, С., 1979.
ВГ – В а л е н т и н Р а с п у т и н. Живи и помни. М., 1978; Р а с п у т и н, В. Живей и помни. Превод Б. Миширков. Варна, 1976.
КП – К о н с т а н т и н П а у с т о в с к и й. Черное море. – В: П а у с т о в с к и й, К. Избранная проза. М., 1965; Паустовски, К. Черно море. Превод А. Дамчев. Варна, 1980.
МШ – М и х а и л Ш о л о х о в. Поднятая целина. Л., 1967; Ш о л о х о в, М. Разораната целина Превод М. Марчевски и Г. Жечев. С., 1963.
ЮТ – Ю р и й Т р и ф о н о в. Другая жизнь. М., 1979; Т р и ф о н о в, Ю. Друг живот – В: Т р и ф о н о в, Ю. Градски повести. Превод В. Сарандева С., 1980.

СЛОВОРАСПОЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ МЕСТА И ВРЕМЕНИ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОРЯДКА СЛОВ

Р е з ю м е

Работа представляет собой часть монографического исследования, посвященного проблемам порядка слов, актуального членения и переводческих трансформаций порядка слов, и построена на материале, почерпнутом из советской и болгарской художественной прозы.

Анализ словорасположения обстоятельств места и времени и коммуникативной функции порядка слов в рамках простого повествовательного предложения двух языков дает возможность сделать определенные выводы в двух аспектах: а) выводы о сходствах и различиях между двумя близкородственными языками в области порядка слов и актуального членения, т.е. о формально-грамматической организации предложения, с одной стороны, и о его коммуникативной структуре, с другой стороны; б) выводы о переводческих транформациях порядка слов, обусловленных различиями в словорасположении рассматриваемого члена предложения и в его коммуникативном предназначении.

Работа осуществлена в сопоставительном плане в соответствии с указанными двумя аспектами. В первой половине рассматриваются все возможные позиции обстоятельств места и времени и указывается на однотипные для обоих языков модели и на расхождения в структуре болгарского и русского предложения. Во второй половине работы анализируются переводческие трансформации (замены) при переводе с русского на болгарский и с болгарского на русский язык. Выводы анализа подкреплены статистическими данными. Работа имеет прямой выход в теорию и практику перевода.

POSITIONS OF THE ADVERBIALS OF PLACE AND TIME IN SIMPLE DECLARATIVE SENTENCES AND WORD ORDER REARRANGEMENTS IN THE TRANSLATION PROCESS

Summary

The present study is a part of a monograph investigating the problems of word order, functional sentence perspektive and the word order rearrangements in the translation process. It is based on material excerpted from fiction in Bulgarian and Russian.

Analysing the positions of adverbials of place and time and their communicative function in the simple declarative sentence in Russian and Bulgarian, the author comes to some conclusions concerning a) the similarities and differences in the functional sentence perspective and word order in Russian and Bulgarian which are kindred languages, i.e. the grammatical organization of the sentence and its communicative structure; b) the word order rearrangements in the translation process conditioned by the differences in the position of the adverbials of place and time and their communicative function.

Those two aspects are discussed on a contrastive basis. The first part deals with all the possible positions of the adverbials of place and time both in Russian and Bulgarian.

The second part studies the grammatical transformations in the translation process.

The conclusions can be of importance to the theory and practice of translation.

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
"СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
Том 23, кн. 2 ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ 1992

TRAVAUX DE L'UNIVERSITÉ "ST. ST. CYRILLE ET MÉTHODE"
DE V. TIRNOVO
Tome 23, livre 2 FACULTÉ PHILOLOGIQUE 1992

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕН АНАЛИЗ НА СЕЛИЩНИТЕ ИМЕНА В ЛУКОВИТСКО

НЕДЯЛКА ИВАНОВА

STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF PLACE-NAMES IN THE DISTRICT OF LUKOVIT

NEDIALKA IVANOVA

Велико Търново, 1992

Години наред топонимичната ни литература се обогатява с нови изследвания. За съжаление анализът на географските имена в публикуваните монографии[1] продължава да носи недостатъците на първите топонимични изследвания, т. е. липсва единен класификационен принцип и не се обръща достатъчно внимание на топонимообразуването. Изключения правят някои работи, в които се разглеждат отделни топонимични типове[2].

Трудността при анализиране на структурата и семантиката на географските имена идва от спецификата на собствените имена, които за разлика от нарицателните се характеризират с генетическа, структурна, семантическа и функционална вторичност[3].

Редица автори подчертават, че собствените имена нямат собствено лексическо и словообразувателно значение, а притежават така наречената класификационно значение, "т. е. способностью сочетаться с номенклатурным именем /географическим термином, термином родства и другими сопутствующими этому разряду имен собственных нарицательными словами".[4] Собствените имена се характеризират с "отсутствие связи с понятием, отсутствие соотнесенности с классом объектов, тесная связь с единичным конкретным объектом"[5].

Географските имена като вид собствени имена също са тясно свързани с определен единичен обект, но връзката с понятието не е напълно изчезнала, както това е станало например с антропонимите. Лексикалното значение на апелатива, легнал в основа на топонима, е тясно свързано с особеностите на именувания географски обект. За това сме съгласни с мнението на Лопатин: "Хотя предметно-понятийная связь топонима с тем словом, от которого он образован, в ряде случаев достаточно условна, мы считаем принципиально возможным рассмотрение топонимов как словообразовательно мотивированных слов."[6].

Структурният анализ трябва да се извършва много внимателно, защото при образуване на географските имена се използват същите средства, както и при нарицателните имена; за образец на топонимичния модел служат преди всичко продуктивните словообразователни типове, характерни за апелативите; топонимичният формант няма специализирано словообразувателно значение и стилистична окраска.

Поради посочената специфичност често изследвачите ономасти прибягват до неправилно "възстановяване" на несъществуващи в диалектните думи. Такова възстановяване е оправдано, когато има достатъчно научни аргументи.

Целта на нашето изследване е да се направи структурно-семанти-

чен анализ на селищните имена (СелИ) от Луковитско, като се базираме на общата теория по словообразуване, но преди всичко сме се ръководили от теоретичните постановки на Н. В. Подолская, която прави словообразувателен анализ на източнославянските топооснови[7]. Тя правилно посочва, че при изясняване на спецификата на топонимообразуването трябва още в началото да се имат предвид източниците, които обуславят възникването на топонимите. "В топонимии имеют место два основных процесса: это топонимизация апеллятива, когда источником имени географического служит имя нарицательное, и трансонимизация, когда источником нового ИС и, в частности, географического служит любое другое ИС."[8]

Като приемаме, че словообразуването е дял от езикознанието, т. е. то има допирни точки и с лексикологията, и с граматиката, но не се включва напълно в тях, не можем да се съгласим с мнението на Н. В. Подолская, че така нареченото семантическо словообразуване — преходът от нарицателно в собствено име без деривация — не бива да се отнася към категорията словообразуване в ономастиката[9].

В настоящата студия предмет на изследване са имената на съществуващи днес селища, на изчезнали селища, но засвидетелствани в публикуваните турски регистри[10], и имената на махалите в пределите на съответното селище.

От събраните около 3750 местни имена от Луковитско 167 или 4,45% са СелИ.

I ЕДНОСЪСТАВНИ

1. ОБРАЗУВАНИ ОТ ГОТОВА ДУМА В ЕЗИКА БЕЗ ДЕРИВАЦИЯ

1. 1. От съществителни нарицателни имена

1. 1. 1. Според физико-географски особености

Врътени̇к = Врътени̇шкъ мъълà — *ЮИ О, 3, Ъгл.*, скалисто. На това място водата се върти. Намерени са 1 кг медни монети от XIII—XIV в.[11] Не е с топонимична наставка поради ударението, а е от **врътени̇к* "място, където водата се върти", образувано е от мин.страдателно причастие на стб. глагол *врьтѣтн — врьтеѥъ + -ик* (срв. *Въртена дубица*, Год., 138).

1. 1. 2. По растителен вид

Рики̇тъ = Ръки̇тъ, село. Произв.: *рики̇ченин, рики̇ченкъ, рики̇ченче*; прил.: *рики̇цки*. Така се изговаря от жителите на съседните селища. По раст. *раки̇та* "върба" в говора с преход *а > и*.

Ръки̇тъ = Рики̇тъ. Произв.: *ръки̇ченин, ръки̇ченкъ, ръки̇ченче*; прил.: *ръки̇цки*.

В турски документи засвидетелствувано през 1430 г. — мездра Ра-

кидува хали (празно Ракитово)[12] (срв. Ракитата, Мих., 164; Ракитата, Пирд., 242; Ракита, Год., 207; с. Ракита, Брезн. и на др. места в страната).

Телѝш = Ъзизиѐ — село. Произв.: *телѝшчанин, телѝшчънкъ, телѝшченче*; прил.: *телѝшки*.

Името не е засвидетелствувано в публикуваните турски регистри.

Според населението то е: 1) превод на татарското име *Азизиѐ*, т. е. първоначално е възникнало като татарско селище. Помнят се землянките на татарите, преселени от Русия; 2) от нарицателното име — *телѐ*.

С. Младенов също го извежда от думата *теле*[13].

Приемаме мнението на И. Дуриданов, който го извежда от рум. дума **teliş*, днес *teiş* "липова гора"[14] (срв. с. *Телиш*, Пирд., 266, било черкезко село).

1. 1. 3. Културно-исторически особености

Мрамор = Мраморница = Пѐтрово село = Пѐтревене — село. Името е засвидетелствувано в турски регистър "с. Мрамор с друго име Петрово село"[15].

В топонимията около Пѐтревене няма следи от това име, но в близкото село ЛСтан сме написали МИ *Мрàмур*. Засега няма доказателства, че се отнася за една и съща местност.

1. 2. От съществителни събирателни

1. 2. 1. По растителен вид

Брескѐ, село — официално Брестѐ. Произв.: *брескенѝн, брескенкà, брескенчѐ, брескѐне*; прил.: *брескенскѝ*.

В публикуваните турски регистри се споменава през XVII в. — Бирестие[16]; в требник от 1641 г.: "Да се знае коги додохъ на село Брѣсте и го оставихъ."[17]

Името от **Брестиє* чрез преход на *ть* > *к* (палатализация) от стб. *брѣстнѣ*, формата засвидетелствувана у Йоан Екзарх[18], събир. от *брест* "бряст, вид дърво, ulmus" + *-нѣ* "брестак" (срв. *Брескье, Брѐскьто*, Год., 129; *Брѐскето*, Лом., 189; Бересье (гр. Брест, пол. Brzec)[19].

Бресте = Бреске. Произв.: *брестенѝн, брестенкà, брестенчѐ, брестѐне*; прил.: *брестенскѝ*.

Чрез затвърдяване на старинното **Брестѣ* (срв. *Брестѐ*, ДСтрМ, 82; *Брѐстето*, Пирд., 121).

1. 2. 2. Според трудовата дейност на хората

Сфинàре — махала, *3 0,1, Сад*, но в миналото било село до 1896 г. Произв.: *сфинàрченин, сфинàрченкъ, сфинàрченче, сфинàрчене*.

От нариц. *сфинàре*, събир. от *свинàр* — "хора, които отглеждат свине".

1. 3. От съществителни нарицателни — тип жителски имена

1. 3. 1. -ци

1. 3. 1. 1. МИ + -ци

Ру̀пци = Породим — село. Произв.: *ру̀пченин, ру̀пченкъ, ру̀пченче*; прил.: *ру̀пски.*

Засвиделствувано е в турски регистри от 1430 г. — с. Рубджа; 1632г. — с. Рупча; XVIII в. — с. Рупча.[20]

Името е обяснено от Й. Заимов като жителско от МИ **Рупа*, от *рупа*, стб. роупа "дупка, яма" + *-ци*[21], т. е. от *рупци* "хора, които живеят в рупа".

1. 3. 1. 2. МИ + -ен + -ци

Белѐнци — село. Произв.: *белѐнченин, белѐнченкъ, белѐнченче*; прил.: *белѐнски.*

Засвидетелствувано е в турски регистри от 1430 г. — с. Белендже[22]; през XVI в. — Беленче, Белинче[23]; XVIII в. — Беленче[24].

Преданието свързва СелИ с женско ЛИ.

Приемаме обяснението на Й. Заимов от нариц. беленци, от МИ **Бгѣла + -енци*[25], като не изключваме да е направо от *РИ*, а то от *ЛИ* **Беля̀н* (в говора *Белѐн*). Този тип РИ са характерни за района. (За значението срв. *Бѐлинци*, Год. 125; *Белѐновци*, Мих., 81; с. *Белѐнци*, Габр., 78).

Дѐвенци — село. Произв.: *девенча̀нин, девенча̀нкъ, девенча̀нче*; прил.: *дѐвенски.*

В публикуваните турски регистри е засвидетелствувано през XVI в. — с. Девинче[26].

С. Младенов смята името за трак., от ие. **dhéu̯* "тека".

В. Миков го извежда от **Дгѣвене*, **Дгѣвяне*: МИ **Деви* (*дол, рът*), **Девя* (*бара, река*) и др., от *дева* "мома".

Името от *дѐвенци*, а то, както го тълкува Й. Заимов, от МИ **Дева + -янци /-енци/*, от дева "мома"[27].

1. 3. 2. -яне /-ене/

1. 3. 2. 1. МИ + -яне /-ене/

1. 3. 2. 1. 1. По физико-географски особености

Дòлене = Пъвликѐнете — *ЮЗ 1,5, ГБрест.*, от мах. е останала само една къща. от нариц. *дòлене*, от МИ **Дола + -ене* (срв. *Дòлене*, ДСтрМ., 115; *Дòлене*, Разл., 106).

1. 3. 2. 1. 2. Посесивни

Тудурѝчене = Тодорица — село. Произв.: *тудурѝченин, тудурѝченкъ, тудурѝченче*; прил.: *тудурѝшки.*

Засвидетелствувано е през 1430 г. — с. Тодораджа[28]; 1559 г. — с. Тодоричене[29]; XVI в. с. Тодорчан, с. Тодориче[30]; XVII в. — с. Тодорчан[31]; XVIII в. — с. Тодоричан[32].

Й. Заимов[33] отбелязва: "В картата на Хр. Данов от 1870 г. е означено Тодорица, както в най-стария извор, т. е. с начална форма, и се смята, че името идва от МИ **Тодорица* (от основа *ЛИ* + топон. наставка) + *-яне.*

Следователно СелИ от *тодорѝчене* — "хората, живеещи в мястото на Тодор".

1. 3. 2. 1. 3. По растителен вид

Урѐшене = Урѝшене. Официалното име на селото, но населението го изговаря *Урѝшене.* Произв.: *урѐшенин, урѐшенкъ, урѐшенче, урѐшене*; прил.: *урешенски.*

Засвидетелствувано в турски регистър от 1430 г. — с. Орешан[34]; XVI в. — с. Орешан[35].

Й. Заимов го извежда от МИ **Ореши*, **Ореша*, прил. от *орех* с *-jь, -ja*,[36] т. е. от нариц. *орѐшене.*

Урѝшене = Урѐшене. Произв.: *урѝшенин, урѝшенкъ, урѝшенче, урѝшене.* Говорът якав.

1. 4. От съществителни собствени

1. 4. 1. От РИ или ФИ

1. 4. 1. 1. -ци

1. 4. 1. 1. 1. ЛИ + -ов + -ци

Бѐруфци — колиби към с. *ГБрест.* Изселени и заличени с указ 463, обн. на 2.VII.1965 г.[37] РИ е изчезнало.

Гѐнуфци — *Ю 1, ГБрест.*, махала, която вече е в рамките на селото. РИ съществува.

Гѐтуфци — *З 0,5, ГБрест.*, махала.

Зълуфци = Зълуски дòл — махала, *Дъб.* Съществува РИ.

Кърàивăнуфци — *И 2, ЛСтан.*, изселена махала. Съществува РИ.

Нѝнуфци — *И 3, ГБрест.*, махала, където живеят около 87 жители. РИ съществува.

Пòпуфци — *ЮИ 5, ЛСтан.*, махала, в която живеят двама души. По съществуващо РИ, от Пр., от *поп* "подложка на подница, правена от глина", защото хората били ниски.

Рàкуфци — *СИ 3, ГБрест.*, мах. не съществува. РИ съществува (срв. *Рàковата чукàра*, Пирд., 242; *Рàковица*, Ломско, 198).

Тàшуфци — *Чбр*, махала. РИ съществува.

Щрѣкуфци = Щрѣкускъ мъълà — *Тодор.* По съществуващо ФИ от Пр., защото били високи като *щрък.*

1. 4. 1. 1. 2. ЛИ + -ев + -ци

Илѝефци — мах. към с. Румянцево.

Кòефци — *Ю 1, ГБрест.*, мах. По името на най-големия род в селото.

1. 4. 1. 1. 3. ЛИ + -jь + -ци

Дермàнци = Дръмàнци — село. Произв.: *дръмàнчънин, дръмàнчънкъ, дръмàнчънче*; прил.: *дръмàнски.*

СелИ е засвидетелствувано в турски регистри от 1430 г. — Дерманча[39]; 1639 г. — с. Дерманча, Дирчанче[39].

Населението предлага три версии за името: 1) от *дермент* "воденица"; 2) по името на село *Дърманци*, Врачанско; 3) по ЛИ на болярина **Дръмàн Белаўр.*

В. Миков смята, че името е от печенежко-кумански произход, от родова фамилия[40].

Й. Заимов го обяснява от ЛИ **Дерман*, срв. тур. *derman* "сила, цяр" + притеж. наставка *-jь* + *-ци*, т. е. тип "Душанци"[41].

М. Москов, приемайки фактите на В. Миков, че братята Дерман и Куделин, управлявали Браничевската област през XIII в., са от кумански произход, подкрепя мнението, че ЛИ *Дерман* е от кумански произход и означава "силен, мощен", тур. *derman* "сила, мощ"[42].

Към тези факти трябва да прибавим и това, че в землището има остатъци от средновековна крепост. Името на местността *Белàвор, Белàур = Черкòвищету* (*ЮИ 2, Дерм*), където са намерени останки от огнища и каменни основи на сгради, се свързва с ЛИ на болярин от рода на Шишмановци.(От историята се знае, че Белаур е брат на Михаил Шишман, деспот на Видинското царство[43]). В района съществува МИ *Кўманците.* За разлика от други селища от изследвания район в с. Дерманци българо-мохамеданите са дошли от Тетевенския край[44].

Посочените данни изключват името да е от турски произход, а най-вероятно е от кумански или прабългарски.

Дръмàнци = Дермàнци. Така се изговаря от населението.

Ръдумѝрци — село. Произв.: *ръдумѝрченин, ръдумѝрченкъ, ръдумѝрченче*; прил.: *ръдумѝрски.*

Засвидетелствувано е през XVI, XVII в. — с. Радумирдже, Радумирна, Радумирча[45]; 1662 г. — с. Радомирци[46].

Съществуват две легенди за тълкуване на името: 1) заселено от овчари от гр. *Радомир*; 2) по името на *Гавраил Радомир*, който е станувал тук с войските си.

Приемаме мнението на Й. Заимов, който обяснява името от посочения по-горе тип[47].

1. 4. 1. 2. -яне /-ене/

1. 4. 1. 2. 1. ЛИ + -ов + -ене

Костовене — Й. Заимов го смята за изч. село от Ботевградско, споменато в Етрополския поменик през 1868 г.[48].

Ние сме записали МИ Кòстевене — Ю 3, ЛСтан., много голяма равнина край десния бряг на р. Вит. Според преданието имало селище. Тези географски данни съвпадат с отбелязаното у Й. Заимов МИ Косичевене[49]. Вероятно трите имена се отнасят за една и съща местност.

1. 4. 2. От ЛИ

Турòс = Лàзър Стàневу — село. Произв.: туròшенин, туròшенкъ, туròшенче; туròшки.

СелИ е засвидетелствувано в турски регистри от XV в. — с. Торос[50]; с. Дорос, XVII в. — с. Торос[51].

Засега е сигурно, че СелИ е от ЛИ **Торòс*, засвидетелствувано в турски регистри: "Войнук Велко, син на Торос от с. Радошева" (дн. с. Радишево, Плевенско)[52].

Моско Москов, като се основава на данните от турските документи, където с. Торос е посочено с българско население, отхвърля мнението, че името е от турски произход, а поддържа схващането на В. Миков, и то не без основание, че трябва да се свърже с куманското ЛИ **Торос* със значение "груб, дебел, едър, недодялан", което има съответствие в анадолски и турски диалекти — *toros*. *Торòс* като дума и ЛИ е било характерно още през средните векове в различни езици: кумански, турски, арменски, стгр. (τορός "пронизващ, висок; бърз, силен"[53]) и др. Авторът не е съгласен с мнението на Й. Заимов, който го извежда от думата *тор* + чл. ф. за м. р. *-ъс*[54].

1. 4. 3. Новосъздадени

Изгреф — *СИ 0,5, Лк*, индустриален квартал. По името на кооперация "*Изгрев*".

1. 5. От причастие

Породим = Рȕпци — по-старо име на селището, засвидетелствувано в турски регистри от XV и XVI в. "Породим с друго име Рупци"[55].

Днес е запазено в МИ *Пòрдим, СИ 5, Чбр* (между с. Рупци и гр. Червен бряг), ниви, намерени останки от глинени съдове. (За значението му вж. И. Дуриданов[56] — Породим, Пордим, прич. от стб. гл. породити "пораждам се" и означава "село, което се поражда, появява се"[57].

2. ОБРАЗУВАНИ ОТ ГОТОВА ДУМА В ЕЗИКА ЧРЕЗ ОТНЕМАНЕ НА ОКОНЧАНИЕТО

Бабовян — изч. село в Луковитско: "село Дерманци, село Бабовян" (турски регистри от XV в.).

Й. Заимов го извежда от **Бабовяне*, произв. от СелИ **Бабово*, а то — от ЛИ **Бабо* [58].

Няма следи в топонимията.

Ъглѐн — село. Произв.: *ъглѐнчънин, ъглѐнчънкъ, ъглѐнчънче*; прил.: *ъглѐнски*.

Сред населението са се запазили следните легенди за името му: 1) най-напред се е наричало *Аглѐн*, но понеже вземали войниците по азбучния ред на селището, го преименували в *Ъглѐн*; 2) *иглен град* — във връзка с крепостта; записали сме следната народна песен: Брайно ле, Петре, брайно ле, /чуеш ли, брайно, знаеш ли, /какво се пее, приказва /по хора и по седенки /за наще деди, прадеди? /Те са от тука бегали, /без да са били виновни, /за убит турчин над село /от Врачанския свинарин. /Та за това са бегали /нейде далеко в Загоре /в *Иглена града* голяма. /Та като идеш в *Иглена...*/"; 3) по разположението му на р. Вит, където реката прави много голям завой.

В публикуваните турски регистри се среща през XV в. — с. Иглин [59], с. Ъглинъ; 1617 г. — с. Аглан [60].

И. Велков смята, че първоначално се е казвало *Аглен* [61]. Й. Заимов го извежда от начално **/В/жгляне*, от МИ **/В/жгль*, **/В/жглье*, стб.жГЛЬ "въглен" — тип от същ. и прил. без топон. наст. + *-яне* [62].

Според нас Й. Заимов правилно е анализирал формата на СелИ, особено като се има предвид, че *-яне /-ене/* обикновено привлича ударението, но безспорно в основата му лежи думата *ъгъл*, стб. жГЛЪ, жГЪЛЪ, т. е. от *ъглѐне* "жители, обитатели на ъгъла", както Брежѐне.

Основаваме се на месторазположението на археологическите останки, които локализират първоначалното място на селището — по течението на р. Вит, където тя образува голям завой. (Сега пътят на реката е отклонен).

3. ОБРАЗУВАНИ ОТ ГОТОВА ДУМА ЧРЕЗ ЧЛЕНУВАНЕ

В българския език категорията определеност се дефинира по следния начин: "Определителният член е морфема, която стои в края на имена и пълни притежателни местоимения, като изразява определеност, известност, познатост на същината, назована с членуваното име или със словосъчетанието, в което влиза членуваното име или местоимение." [63]. Определителният член изпълнява индивидуализираща функция, която в най-голяма степен е характерна за собствените имена.

Членуването на топонимите в Луковитско не се различава от членуването в книжовния език.

3. 1. -ъ /-а/

3. 1. 1. Според физико-географски особености

Кичерà — *Ю 4,5, ЛСтан.*, мах. на десния бряг на р. Вит, гори, пасище. Й. Заимов извежда името от *кичер*, произв. от *китка* + *-ер* = мест-

ност с китка дървета. Запазено е в Тетевен[64]. Що се отнася до ударението, трудно е да се твърди с категоричност, но най-вероятно е отметнато, което е характерно за района. (В Луковитско основата на името се пази, но с друго значение — *кùчерна земя* "рохкава, плодородна почва, която се работи и в кал.) (Срв. *Кичерд*, Пирд., 185; *Чичеро*, Мих.; *Кичѐрът*, Мад., 218) и на други места в страната.)

Крàчулъ — *Рупци*, мах. до реката. Член. от геогр. термин *крàчол* = крàчул "рид, разклонен като крачул" (срв. *Мандфски крàчул*, Белослат., 159; *Крàчолът*, Габр., 119; *Крàчулът*, Севл., 212; *Крàчул*, Мих., 126; *Крàчуль*, с. Гол. Шивачево, Слив., дипл. раб.).

3. 2. -та

3. 2. 1. Според физико-географски особености

Зъдѝнкътъ = **Усѝкускъ мъзлà** — *И 0,6, Рум.*, най-отдалечена е от центъра на селото. Името член. от ж *зъдѝнкъ* "отдалечена, задънена местност". (В говора на Луковитско днес *зъдѝнкъ* "предна и задна дъска на каруца"). (Срв. *Задънката*, Троян., 138, от *задънка* "ниска траповидна местност, която в единия край е непроходима"; *Задѝнката*, Белослат., 600).

Мугѝлътъ — *ЮЗ, ГБрест.*, до селото. Член. от *могила* "височина".

3. 2. 2. Културно-исторически

Чършѝетъ — 1) *Ореш*; 2) *Рум.*, махала в центъра на селото. От *чаршѝя* (член.), от персийски.

Чършѝътъ — 1) *Лк*, в центъра на града.

3. 3. -то

3. 3. 1. Културно-исторически

Игрѝщету — *З 0,5, Бресте*, махала.Някога тук ставало хорото.

3. 4. -те

3. 4. 1. Културно-исторически

Пъвликѐнете = **Дòлене** — *ЮЗ 1,5, ГБрест*, махала. Член. от *павликѐне* (срв. гр. *Павликѐни*, Великотърновско).

4. ОБРАЗУВАНИ ОТ ЕЛИПСИС

Тук спадат топоними със структура на прилагателно име, които първоначално са били топонимично словосъчетание. Втората съставка — съществителното — отпада, а първата — прилагателното — поема функциите на цялото съчетание, т. е. субстантивира се. С.Роспонд ги отнася към вторичните топографски названия с топонимична деривация, ко-

ито са били много разпространени през ранното средновековие, като най-древни са тези на *-jь* [65] — подробно анализирани от Й. Заимов[66].

Г.Борек подробно анализира източнославянските топоними с формант *-ен*, като посочва, че те се срещат из цялата славянска територия[67].

Ние ги разглеждаме към тая група, за да ги разграничим от следващата — образувани чрез елипсис + топонимичен суфикс.

4. 1. -ов

4. 1. 1. От ЛИ или Пр.

Бежа̀нуву — село. Произв.: *бежа̀нчънин, бежа̀нченкъ, бежа̀нченче*; прил.: *бежа̀нски*.

Името за пръв път е засвидетелствувано в турски документ от 1430 г. — с. Бежаново[68]; 1700 г. — с. Беджунува[69].

В. Миков свързва значението на името с народностното име *печенег*[70].

Безспорно е, че в основата на името лежи слав. ЛИ **Бежан*, от **бежан* "който бяга от зло", диал. "бежанец"[71]. (Срв. *Бежа̀ново*, Мих., 81; мах. *Бежа̀нци*, Год., 125.)

Кърлукӯву — село. Произв.: *кърлӯкуфченин, кърлӯкуфченкъ, кърлӯкуфченче*; прил.: *кърлӯкуфски*.

Засвидетелствувано е в турски документи от 1430 г. — с. Кърлуково[72]; XVI в. — с. Кърлъква[73].

Археологическите и топонимичните данни говорят, че селището е съществувало през средновековието, а и по-рано. Следователно трудно може да се свърже СелИ с тур. дума *kirlik* "степ, запустяло място" (срв. *Карлӯково*, Смол.,126; ДСтрМ, 137 — *Карлъково*). По-вероятно е в основата му да лежи Пр. **Карлӯка*, от диал. дума *кърлѝк, крълѝк* — в с. Бежаново — "човек, който с единия крак куца" или с истор. **карлӯк* "старотюркско племе".

Муткӯруву — мах., която с указ 410 от 26.XI.1896 г. заедно със с. Свинаре образува с. Садовец.

Чирѝкуву, Чурѝкуву — мах., *И 0,1, Сад.* Произв.: *чирѝкуфченин, чирѝкуфченкъ, чирѝкуфченче, чирѝкуфчене*; прил.: *чирѝкуфски*.

Засвидетелствувано е в турски документи от 1430 г. — с. Джурюкова[74]; средата на XV в. — с. Чуриково[75]; през XVI в. — с. Черукова, с. Черуква[76].

В основата най-вероятно Пр. **Чирѝка, Чурѝка*, в говора *чурӯк* "болен човек" (срв. *Чириковец*, Габр., 180; *Чирѝка*, Смол., 173 от *Чеирлѝка*, от *чейр*).

4. 2. -ев

4. 2. 1. От лично име

Блъснѝчеву = Румя̀нцеву — Старото име на селото, преименувано с м. з. 8866 от 6.I.1948 г. Името не е засвидетелствувано в публикуваните турски регистри.

Произв.: *блъснѝченин, блъснѝченкъ, блъснѝченче*; прил.: *блъснѝшки.*

Населението свързва името с: 1) името на цвете, което днес не е известно; 2) по-силното вино — блъсни чело; 3) по ЛИ на основателя на селото.

В основата на СелИ е ЛИ **Блъснѝч* (като *Борѝч, Златѝч* и др.).

Днес в съседните села Черни Вит и Пещерна се среща ЛИ *Блъ̀ско.*

Румѐнцеву = Блъснѝчеву — Не се образуват производни от него. Преименувано е по името на *Сергей Румянцев*, който е роден тук.

4. 2. 2. От нарицателно име

4. 2. 2. 1. По физико-географски особености

Пля̀шево — изч. село, което се е намирало между р. Златна Панега и Орешене. Днес се пази в МИ *Плешѝвец*. Според В. Миков е опустошено от турско-татарските войски в края на XVII в.[77]

В основата му думата **пляш /плеш/* "място без растителност, неплодородно", стб. плѣшь (срв. *Плѐше*, Разл., 140; *Плешо̀во*, Мих., 154; *Голям и Мальк Плешѝвец*, Троян.; *Плешѝвец*, Белослат., 632; с. *Плешѝвец*, Белоградчишко).

4. 3. -ен

4. 3. 1. От нарицателно име

4. 3. 1. 1. Според физико-географските особености

Во̀дно — изч. село в края на XVII в.[78] Днес се съхранява в МИ **Во̀днъ** — 1) *З 5, Лк*, равнина, ниви по р. Водица, която е вече пресъхнала; 2) *ЮЗ 2, Радом.*, ниви.

Ямен — мах., *С 3, Дерм.*, дере с много ями.

4. 3. 1. 2. По растителен вид

Дъ̀бен — село. Произв.: *дъбненѝн, дъбненкà, дъбненчѐ, дъ̀бненчене*; прил.: *дъ̀бенски.*

Засвидетелствувано е в турски регистър от 1430 г. — мездра Дъбене[79].

Й. Заимов го извежда от **Дъбяне*, от МИ **Дъб*[80].

Ние го отнасяме към посочения по-горе тип, имайки предвид преди всичко ударението — *-яне/-ене/* привличат ударението (срв. *Ъглѐн, Бобовя̀н*), а и думата *мездра* означава "мера, част от землището".

5. ОБРАЗУВАНИ ЧРЕЗ ЕЛИПСИС + ТОПОНИМИЧНА ДЕРИВАЦИЯ

Този тип имена подробно са разгледани от И. Дуриданов[81], Й. Заимов[82], а на територията на Павликенско — от Н. Иванова[83].

5. 1. -ец

5. 1. 1. Според човешката дейност

Са̀дувец — село Произв.: *са̀дуфчанин, са̀дуфчанкъ, са̀дуфчанче, са̀дуфчене*; прил.: *са̀дуфски.*

Името не е засвидетелствувано в публикуваните турски документи. Селото е образувано от сливането на селата Муткуруву и Сфинаре[84].

В основата му думата **сад* "новопосадено лозе" (срв. *Са̀довете*, Мих., 168; *Са̀ди, Са̀дово*, ДСтрМ.,186; с. *Са̀довик*, Брезнишко).

5. 1. 2. От лично име

Дѝевец = Дѝоскъ мъзла̀ — *Дъб*, много стара махала от преселници от с. Голям Извор. ЛИ *Дийо* не съществува ((срв. в руски *Дий*, стара форма на *Дей*, гр. δῖος "божествен"[85]).

5. 2. -ик

5. 2. 1. Според физико-географските особености

Го̀рник — село. Произв.: *гурнича̀нин, гурнича̀нкъ, гурнича̀нче*; прил.: *го̀рнишки.*

Не е засвидетелствувано в публикуваните турски регистри. Вероятно е заселено по време на османското робство от жители на съседните селища.

От **Горно село* — + *-ик*. По-малко вероятно от *горнѝк* "горски жител", поради ударението (срв. Го̀рник, Севл.).

5. 2. 2. По растителен вид

Елѐшник — *С 0,5, Чбр*, махала до борова гора. От *елешен*, а то — от *елша* "елха, Alnus glutinosa" (срв. *Елѐшница*, Разл., 110).

Като имаме предвид, че -ик в топонимията не привлича ударението, за разлика от нарицателните имена[86], то нямаме основание да възстановяваме **елешник.*

5. 3. -ица

5. 3. 1. По растителен вид

Бреснѝцъ = Гуля̀мъ Бреснѝцъ — село. Произв.: *бреснѝчънин, бреснѝченкъ, бреснѝченче*; прил.: *бреснѝшки.*

В публикуваните турски регистри е засвидетелствувано през 1430 г. — с. Бирениджe[87]; XVI в. — с. Бресниче[88].

Отначало е имало едно селище **Бреснѝца*, а след това са се оформили *Голя̀ма* и *Ма̀лка Брестнѝца.* Според информаторите то се е намирало между сегашните селища.

Прил. от *брѐстен* + *-ица.*

5. 3. 2. Културно-исторически особености

Мраморница = Мрамор = Петрево село = Пѐтревене, село. Засвидетелствувано е в турски регистри от XV и XVI в.: "Вилает Мраморни-

ца включва: с. Дреновица с друго име Бъркач, Чуриково, Петърница, Породим с друго име Рупци и Червен бряг. Села по средното течение на Вит и Искър... не е записано селище Мраморница, но към тимар, към който принадлежат Тодорица (дн. Тодоричене) и Орешан (дн. Орешене), е и с. Мрамор с друго име Петрово село (несъмнено дн. Петревене), то ще да е било по-преди Мраморница."[89]

От *мра̀морен* + *-ица*.

5. 3. 3. От лично име

Тодорица = Тодорѝчене, село. Името е засвидетелствувано в турски регистър (вж. по-горе Мраморница).

От прил. на *-jь* + *-ица*.

6. КОМПОЗИТИ

Кругоя̀р — *З 1,5, Лк*, квартал в дол. В миналото заприщвали водата. От *круг* "кръг", стб.кѫжгъ — с преход на *ѫ* в *у* — + *яр* "падина".

7. ИМЕНА С ВЕРОЯТНО СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА

Къба̀р — изч. село, което се споменава в турски регистър от края на XVII в. "Войнук Стойко Драган от село Кабар"; "село Кабар, спадащо към Пилевне.[90]" (Под линия неправилно е посочено, че става дума за с. Габъре, Белослатинско.) В Луковитско сме записали МИ *Къба̀р* — 1) *СЗ 7, Дерм.*, ниви в близост до м. Дрѝмъ; според преданието имало селище; 2) *СИ 9, Лк*, гора, лозе; има останки от селище — според преданието изселено в м. Глигòръ поради епидемия; 3) *И 4, Радом*, равнина, гора; по спомен на Георги Цаков Дръмджиев — чел в някакво историческо изследване, че *Бѐлие мòс/т/* е правен от майстор Симеон от с. Кабар (устно); 4) *Ю 6, Рак.*, дол, 50% гората е от габър; 5) *З 5, Ъгл.*, ливади, ниви на склон.

Местността е обширна и е една и съща за посочените селища.

Значението на името не е съвсем ясно. Може да се свърже с: 1) *каба̀* "мера, поляна; тлъста, хубава трева", тур. *кава* (срв. *Кабà̀та*, Първ., 142) + *-ар*, наставка за изобилие (срв. *Мечка̀р* — "място, където имало много мечки", *Грънча̀р* — "място, където се намират в изобилие грънци"); 2) тур. дума *кавага* (мехур, пъпка, подутина.)

Историческите данни говорят, че през XVIII в. селото вече не съществува. Географските — имало *габрова гора*. Следователно не е изключено да се е казвало **Габа̀р*, а *Каба̀р* да е турско предаване на българското име и да има връзка със с. *Габаре*, Белослатинско, за което К. Попов пише, че е заселено не по-рано от XVIII в. и след помашката колонизация. (Двете селища не са много отдалечени едно от друго.) Той смята, че с. Габаре е заселено от жители на с. Габер, Сливнишко[91].

Лу̀ковит — град. Произв.: *лукувѝжденин, лукувѝжденкъ, лу-*

кувѝжденче, лукувѝждене; днес — *лукувитчѐнин*; прил.: *лȕкувишки*.

До 1898 г. е известно с името Горни Луковит[92].

В публикуваните турски регистри е засвидетелствувано в средата на XV в. — с. Горне Луковит[93]; XVI в. — с. Луковик[94]; XVIII в. — Луковик[95].

Населението свързва името с : 1) растението *лук*; 2) с думата *лъг* "гора до извивка на реката", стб. ѧгъ.

Й. Заимов на заседание на секцията по ономастика към БАН на 20.XII.1985 г. устно обясни името на Луковит от *лук* + *-овит* (като *ветровѝт, духовѝт*). За сравнение посочи сърбохърватското МИ *Лȕковито миѐсто* (Н. И. — записано фонетично).

Образуването на жителските имена насочва,че СелИ би трябвало да звучи *Лȕковид*, така е записано у В. Миков[96]. Този преход на *т* в *дж* Й. Заимов обяснява с озвучаване[97].

При анализиране семантиката на името трябва да се вземат под внимание следните факти: 1) Смята се, че в м. *Кàменъ кѫщъ, СИ 4,5, Лк*, пасище в низина, е първото място на селището. Остатъци от селище има и в м. *Вòднъ*, изчезнало през XVII в. (Вж. Вòдно). — То се намира в ниското край реката; 2) В селата Горник, Беленци, Дерманци — Луковитско — сме записали МИ *Дубрàвътъ*, т. е. стб. ѫ дава и *у*. Понеже нямаме допълнителни данни за МИ, дадено за сравнение от Й. Заимов, бихме могли да предположим, че *у* закономерно е рефлекс на ѫ, т. е. и в двата случая в основата на имената да е думата *лъг*, стб. ѧгъ.

Като имаме предвид образуването на жителските имена от СелИ *Червѐн бря̀г — червенобрѐжденин*, приемаме мнението на Й. Заимов, че преходът *т* > *жд* е вероятно озвучаване.

Що се отнася до семантиката на името, смятаме, че е от стб. ѧгъ. Следователно преходът на ѫ в *у* не е характерен само за западните преходни области, както смятат някои автори[98].

Реселѐц — село. Произв.: *реселчѐнин, реселчѐнкъ, реселчѐнче*; прил.: *реселѐшки*.

Засвидетелствувано в турски документи от средата на XV в. — гр. Реселец[99]; XVI в. — с. Реселче, Реслич; XVII в. — Ресилидже, Реселеч[100].

Населението тълкува името по следния начин: 1) най-напред се е наричало *Резселец*, защото няколко пъти се е разселвало; 2) по името на девойка *Рѐсела*.

Със сигурност може да се твърди, че селото и името му са старинни. (Това се потвърждава от археологическите данни и от топонимията.)

Най-вероятно в основата му да е думата *реса̀*, която днес в говора е със значение "цвят на царевицата или лозата" (срв. рус. *ряса* — "плаващо водниство растение; водна леща", праслав. **rędsa*, която се открива в речното име *Ресава*[101].) Още за името *Ресава* е писал В. Георгиев, който го смята за тракийско, но не изключва и славянския му произход[102].

Ние предлагаме две възможни обяснения на СелИ *Реселѐц*: 1) от ЛИ

*Рѐсел — *Рѐсел грàд* > чрез елипсис + топон. наставка *-ец* > Реселѐц; Смущава ни ударението — в топонимията *-ец* не привлича ударението (Срв. семантично: *Ресан, Ресен, Ресил, Реса, Ресина, Ресенка* и др.[103]; структурно: *Ранкел, Спирел, Гудел* и др.[104]). 2) от нариц. дума **ресѐл, *реселѐц*, чието значение засега не можем да установим.

Упънѐц — Ълбàнскътъ мъ̀лъ̀ — *С 3, Рес.*, на стръмнина. Има кладенец. Местното население обяснява името по два начина: 1) жителите — преселници от с. *Опанец*, Плевенско (не открихме потвърждение на това мнение); 2) от *òпън* "опъване; опънат", поради стръмнината. В говора има израз "Опън Пено през връ̀ъ"; в Рак. *òпън* — "опъване, теглене", в Петр. *опънчàк* "връхна дреха като пелерина".

Ъзизиѐ = Телѝш. Според легендата старото име на селото. Не е засвидетелствувано в турските регистри. Смята се, че е преименувано след Освобождението[105]. Според населението селото е възникнало като татарско. Помнят се землянките на татарите, които били преселени от Русия.

Най-вероятно СелИ да се свърже с араб. дума *azize* "драг, любезен; свещен".

II. ДВУСЪСТАВНИ

1. ОТ ПЪРВОНАЧАЛНО *МИ*

1. 1. Прилагателно име + географски термин

1. 1. 1. Прилагателно име от ЛИ, РИ или Пр.

Зъ̀луски дòл = Зъ̀луфци — *Дъб.*, мах., РИ съществува.

Кòстин дòл — *С 2, Карл.*, махалата не съществува. Легендата свързва името с *Коста* войвода.

1. 1. 2. Прилагателното от съществително нарицателно име

Кувàчеву бръ̀ду — *С О,5, Лк*, мах. на височина, където имало няколко ковачници. Прил. от *ковàч*.

1. 1. 3. Изконно прилагателно име

Червѐн брѐк — град. Произв.: *червенубрѐжденин, червенубрѐжденкъ, червенубрѐжденче*; прил.: *червенубрѐшки*.

За град е признат с указ 402, обнар. 18.VII.1929 г.[106]

Името е засвидетелствувано в турски регистри от XV в. — "с. Червен брег (жителите му) живеят на мястото, наречено Добролък"[107]; с. Червен брек[108].

Името е по *червения* цвят на утаечните пластове.

1. 2. Старинно прилагателно по сложно склонение

Бѐли кàмък — колиби към с. ГБрест., заличени с указ 463, обнар. 2.VII.1965 г.[109]

2. ПРОИЗВОДНО ПРИЛАГАТЕЛНО + МАХАЛА

2. 1. Прилагателното на -ск

2. 1. 1. От родово или фамилно име

Андрьускътъ мъълѝ — *З 0,3, Рак.*, ФИ съществува.

Белуслàтинскътъ мъълѝ — *И 0,3, Дев.*, по съществуващо ФИ, дошли от гр. Бяла Слатина.

Бѐнчускътъ мъълà — *Ю 0,5, Сад.*, ФИ съществува.

Брусня̀нскътъ мъълѝ = Цàчускътъ мъълѝ — *Ю, Рум.*, РИ съществува, дошли от с. Брусен.

Влàшкътъ мъълà — *СЗ 0,5, Сад.*, ФИ съществува.

Влѝчускъ мъълà — *З 0,1, Дев.*, ФИ съществува.

Вỳтьускъ мъълà — *Дъб.*

Вѝшускътъ мъълѝ — *СИ, Рум.*, РИ съществува.

Гъвàскътъ мъълà — С 0,3, Чбр, от РПр. **Гавàзите*, от *гавàзин* "въоръжен пазач".

Дàндрускъ мъълà — *И 0,15, Дев.*, по съществуващо ФИ, от **дандар* "шум, дандания"[110].

Дебеля̀кускъ мъълà — *ЮИ 9,2, Дев.*, по същесвуващо ФИ.

Дѝускъ мъълà = Дѝевец.

Дрàгьускътъ мъълà — *С 0,1, Ъгл.*

Дръндàрскътъ мъълà — *С 0,3, Бресте*, по съществуващо РИ, от Пр. **Дръндàря*, от *дръндàр* "който разбива вълна и парцали".

Дỳлускътъ мъълà — *С 0,2, Ъгл.*, по съществуващо ФИ на преселници от Дунавските области.

Дỳнускъ мъълà — *С 0,2, Дев.*

Инускъ мъълà — *И 0,2, Дев.*, ФИ съществува.

Йòчускъ мъълà — *З 0,3, Рак.*, ФИ съществувà.

Кълъ/д/жѝйскътъ мъълà — *И 0,5, Дев.*, по съществуващо ФИ от диал. *кала/д/жѝя* "калайджия".

Кърàäлескъ мъълà = Крàльускъ мъълà — *Дъб.*

Крàльускъ мъълà = Кърàäлескъ мъълà — Според населението това е по-старо име. По изч. род **Крàлевци.*

Кулеждàнскъ мъълà — *И 0,3, Дев.*, по съществуващо ФИ *Колеждàнете*, от *колеждàне*, а то — от *коледьàне*, от *коледа*, стб. колѧда.

Крѝньускътъ мъълà — *З 0,1, Дев.*, по съществуващо ФИ.

Кỳнчускътъ мъълà — *И 9, 3, Дев.*, ФИ съществува.

Кѝтускътъ мъълà — *И 0,1, Дев.*, по съществуващо ФИ, от ЛИ **Кѝто.*

Кьòсускътъ мъълà — 1) *С 0,2, Бресте*, ФИ съществува; 2) *Ю 0,1, Рак.*; 3) *И 0,5, Ъгл.*, ФИ съществува.

Лѝпченскътъ мъълѝ — *И 3, Чбр.* по съществуващо РИ, от жит. име.

Лỳкускъ мъълà — *С 0,1, Дев.*

Мъкедо̀нскъ мъ̀ла̀ — *ЮИ, Лк*, по съществуващо РИ, защото били преселници от областта Македония.

Мъкедо̀нскътъ мъ̀лъ̀ — 1) *Ю 0,2, Радом.*; 2) *СЗ 0,5, Рупци*; 3) *И 0,2, Тел.*; 4) *И 0,6, Чбр.*

Мѝрчускътъ мъхла̀ — *З 0,3, Сад.*, по съществуващо **ФИ**.

Михѝлскътъ мъхлъ̀ — *Тодор.*, една от най-старите в селото. По съществуващ род *Михѝлците*, от ЛИ *Михѝл* = *Михаѝл*.

Мрѣ̀ньускъ мъ̀ла̀ — *СЗ 0,2, Дев.*, по съществуващо **ФИ** *Мрѣ̀ньуфци, мрѣ̀нкали* "говорели под носа си".

Мѝндускътъ мъхла̀ — *И 0,3, Ореш.*, **РИ** съществува.

Муста̀шкътъ мъ̀ла̀ — *И 0,2, Бресте*, **РИ** съществува (срв. *Муста̀шки до̀л*, Троян., 181).

Нѐшускътъ мъ̀ла̀ — *Ц, Рупци.*

Нико̀лускътъ мъ̀ла̀ — *З 0,1, Дев.*, **ФИ** съществува.

Пѐйчускътъ мъ̀ла̀ — *Ю 0,4, Рак.*, **ФИ** съществува.

Пѐсускъ мъхлъ̀ — *С 2,5, Дъб.*, по съществуващо РИ *Пѐсарете*.

Пупо̀скъ мъхлъ̀ — *Ю, Дъб.*, по съществуващо РИ от *поп* "свещеник".

Пъ̀лускътъ мъ̀ла̀ — *Ю 0,5, Дев.*, **ФИ** съществува.

Ръдӯлускъ мъхла̀ — *Тодор.*, един от най-старите родове — *Радӯловци*.

Сурва̀нскъ мъ̀ла̀ — Ю 3, ГБрест., по най-стария род *Сурва̀нците*.

Съ̀йкускътъ мъ̀ла̀ — *ЮИ 0,2, Дев.*, **ФИ** съществува.

Та̀шускътъ мъ̀ла̀ — *И 0,1, Радом.*, **ФИ** съществува.

Тудърѝшкътъ мъ̀ла̀ — *СИ 0,1, Бел.*, **РИ** съществува, от СелИ.

Тръкѝйскътъ мъхла̀ — *СИ 0,3, Радом.*, по съществуващо **РИ**, преселници от областта Тракия.

Фикѝрчускъ мъ̀ла̀ — *З 0,5, Дъб.*

Ца̀нускъ мъ̀ла̀ — *С 0,01, Рак.*, по съществуващо **ФИ**.

Ца̀чускъ мъ̀ла̀ = Брусня̀нскъ мъ̀лъ̀ — *Ю, Рум.*, по съществуващо **ФИ**.

Цѐкунускъ мъ̀ла̀ — *СЗ 0,2, Рак.*, **ФИ** съществува.

Цига̀рускътъ мъ̀ла̀ — *ЮЗ, 0,2, Дев.*, **ФИ** съществува.

Цо̀кускъ мъ̀ла̀ — *З 0,2, Рак.*, **ФИ** съществува.

Цо̀кускътъ мъхлъ̀ — *Дъб.*, **РИ** съществува.

Чекута̀нскътъ мъ̀ла̀ — *И 0,8, Радом.*, по съществуващо **ФИ**.

Ша̀герскъ мъ̀ла̀ — *И 0,3, Ъгл.*, по съществуващо **РИ** *Ша̀герите*.

Шо̀пскътъ мъ̀ла̀ — 1) = **До̀лнъ мъ̀ла̀** — *Ю. Горн.*; 2) *СИ 0,3, Ъгл.*, по съществуващо **РИ**, защото са се преселили от Софийско.

Щрѣ̀кускъ мъ̀ла̀ — 1) *З 0,2, Рак.*; 2) = **Щрѣ̀куфци** — *Тодор.*, по съществуващо **ФИ**, защото били много високи.

2. 1. 2. От СелИ или МИ

Ълба̀нскътъ мъ̀лъ̀ — 1) *Карл.*, защото е отделена. Преносно по Албания; 2) = **Упънѐц** — *С 3, Рес.*

Врътенѝшкъ мъ̀ла̀ = Врътенѝк — *ЮИ 0,3, Ъгл.*

Га̀бърскътъ мъ̀лъ — *З 0,3, Дерм.*, имало много габър. От МИ *Га̀бъръ.

Дъ̀бнишкъ мъ̀ла — *С 1, Сад.*, край пътя за с. Дъбник.

Кра̀чулскътъ мъ̀ла — *И 0,5, Чбр.* По МИ Кра̀чулъ.

Па̀нешкътъ мъ̀ла — *Ц, Рум.*, защото е до р. Златна Панега.

Пра̀вешкъ мъ̀ла — *С, Рум.*, преселници от с. Правец

Ръкѝцкътъ мъ̀ла — *ЮИ 1, Тел.*, по посока на с. Ракита.

Чуфлѝшкътъ мъ̀ла — *ЮИ 0,2, Ъгл.*, по МИ *Чуфлѝкъ.

2. 1. 3. От жителско име

Изво̀рскъ мъ̀ла — *С, Рум.*, от ЖитИ *изво̀рци*, преселени от с. *Голя̀м изво̀р.*

Изво̀рскътъ мъ̀ла — 1) *СЗ 0,5 Беж.*; 2) *С 0,1, Тел.*

Лупя̀нскътъ мъ̀ла — 1) *СЗ 0,5, Беж.*; 2) *Ю, Рум*, заселена с преселници от с. Лопяна, Ловешко — *лопя̀нци.*

Супутя̀нскъ мъ̀ла — *Ю 0,4, Беж.*, от *сопотя̀нци* — преселници от с. Сопот

Усѝкускъ мъ̀ла — 1) = **Зъдъ̀нкътъ**, *Рум.*; 2) *Ю 0,1, Тел.*, преселници от с. Осиковица.

Шумня̀нскътъ мъ̀ла — *И 0,1, Тел.*, преселници от с. Шумнене.

2. 1. 4. От нарицателно име

Тӯрскътъ мъ̀ла — 1) *ЮЗ 0,2 Беж.*; 2) *И 0,2, Бресте*; 3) = **Кьумӯр мъ̀ла** — *Ю 0,2, Рес.*; 4) *Ю 1, Сад.*

Тъта̀рскътъ мъ̀ла — *И 0,2, Чбр.*

Урӯшкъ мъ̀лъ, — *С 1, Дъб.*

Урӯшкътъ мъ̀ла — 1) *СЗ 0,2, Дерм.*; 2) *И 1, Лк*; 3) *СЗ, Радом*; 4) *Ю 0,3, Рак.*; 5) *И 0,5, Рум.*; 6) *С 0,5, Сад.*; 7) *С 0,5 Чбр.*

2. 2. Прилагателно име на -ен

2. 2. 1. Ориентировъчни

Го̀рнътъ мъ̀ла — *З 0,2 Тел.*, в горния край на селото.

До̀лнъ мъ̀ла = **Шо̀пскътъ мъ̀ла** — *Ю, Горн.*

До̀лнътъ мъ̀ла — *И 0,9, Тел.*

До̀лниӣ кра̀й — *Ю 0,1, Ореш.*, намира се в по-ниското.

Срѐднътъ мъ̀ла — *Ю 0,02, Рак.*

Удвъ̀днътъ мъ̀ла = **Кузӯр мъ̀ла** — *З 0,6, Карл.*, намира се на другата страна на дол, гледан от центъра на селото

2. 2. 2. От нарицателно име

2. 2. 2. 1. Според физико-географски особености

Присо̀йнътъ мъхла — *С 0,4, Рум.*, от *присо̀е* "място, изложено на слънцето".

2. 3. Прилагателно име на -ев

2. 3. 1. От лично име

Пѐтрево сѐло = Пѐтревене = Мрамор = Мраморница — село, засвидетелствувано в турски регистър от 1430 г.[111]

2. 4. Изконно прилагателно име + СелИ

Гуля̀мъ Бреснѝцъ = Бреснѝцътъ, село. Първоначално е било едно село Брестница и от него са се оформили Голяма и Малка Брестница.

3. ПРЕДЛОГ + МЕСТНО ИМЕ

Под Зъбѝ — *ЮИ 0,2, ГБрест.*, имало мах., част от която е в с. Голяма Брестница, а другата част — в с. Малка Брестница.

4. МЕМОРИАЛНИ

Ла̀зър Ста̀неву = Турѝс — село, преименувано с указ 506, обнар. II. 1954 г.[112]. По името на *Лазар Станев*, революционер, ръководител на левицата на БЗНС, народен представител, роден на 6.VI.1897 г. в с. Торос, умрял на 9.XII.1938 г.

5. СЪЩЕСТВИТЕЛНО ИМЕ + СЪЩЕСТВИТЕЛНО ИМЕ

Кузу̀р мъла̀ = Удвъднътъ мъла̀ — *З 0,6, Карл.*, някога всяка къща отглеждала кози.

Кьумю̀р мъла̀ 1) = **Тю̀рскътъ мъла̀** — *Ю 0,2, Рес.*; 2) *Ю 0,2, Чбр*, намира се до "Топливо" и жителите ѝ крадели въглища.

Мъкедо̀н мъла̀ — *Ю 0,8, Сад.*, образувана след Освобождението от бежанци от Македония.

Пърца̀л мъла̀ — *Ю 4, Дерм.*, в миналото тук живеели най-бедните хора.

Пипѐр мъла̀ — *ЮЗ 0,2, Дев.*, жителите ѝ сеели много пипер.

Черкѐс мъла̀ — *ЮИ 1, Сад.*, основател е *Петко Черкеза*.

Въз основа на структурно-семантичния анализ можем да направим следните изводи:

1. От общо 167 СелИ около 40,1% са едносъставни, т. е. в количествено отношение преобладават двусъставните. Преди всичко това са имена на махали, разположени в рамките на определено селище. Те представляват интерес дотолкова, доколкото са свидетелство за изчезнали и запазени старинни лични, фамилни и родови имена и редица диалектни думи.

2. От чужд произход са три имена: *Ъзизиѐ = Телю̀ш* и *Турѝс*. От тях най-старинно е името *Торѝс*, а *Ъзизиѐ* е по легенда. Преобладаващият брой на имената от домашен произход и данните в цитираните турски

регистри говорят за единния български състав на населението.

Исторически е известно, че насилственото помохамеданчване в Луковитско се извършва след неуспеха на турците срещу австрийците. В края на XVIII в. са опустошени редица селища (Водно, Пляшево). Българското население, неприело мохамеданската вяра, е потърсило спасение в Австрия, но се заселило в Кулско и Зайчарско.

3. Едносъставните имена са образувани по следните начини: 1) от готова дума в диалекта без деривация; 2) от готова дума чрез отнемане на окончението; 3) от готова дума + членуване; 4) чрез елепсис; 5) чрез елепсис + топонимична деривация; 6) композити.

4. По-голямата част от едносъставните СелИ и Червен бряг са засвидетелствувани през XV, XVI в., а това показва, че са съществували преди османското нашествие: *Брестѐ, Брестнѝца (Голяма), Ракѝта, Тордс, Реселѐц, Пѐтревене, = Мраморница = Мрамор= Петрово село, Дермàнци, Радомѝрци, Рѝпци= Породѝм, Беленцѝ, Дѐвенци, Бабовян, Дъ̀бен, Орѐшене, Тодорѝчене = Тодорица, Кàбар, Лѝковит, Бежàново, Карлѝково, Чирѝково = Чурѝково, Ъ̀глѐн.*

5. Структурният и семантичният анализ очертават най-старинния пласт: *Брестѐ, Брестнѝца, Тордс, Реселѐц, Дермàнци, Дъ̀бен, Кабàр, Лѝковит, Ъ̀глѐн.*

СЪКРАЩЕНИЯ

Беж. – с. Бежаново
Белослат. – П о п о в, К. Местните имена в Белослатинско – Год. СУ. Филол. фак., 59, 1959/60, 2, 485–668.
Вж. – виж
Год. – С и м е о н о в, Б. Етимологически речник на местните названия от Годечко. – Год. СУ. Фак. слав. филол., 60, 1966.
Габр. – К о в а ч е в, Н. Местните названия в Габровско. С., 1965.
ГБрест. – с. Голяма Брестница
геогр. – географско
дипл. раб. – дипломна работа
ДСтрМ – И в а н о в, Й. Местните имена между Долна Струма и Места, С., 1982.
Дъб. – с. Дъбен
З – запад
И – изток
изч. – изчезнало
ЛСтан. – с. Лазар Станево
ЛИ – лично име
Лк – гр. Луковит
Лом. – Д у р и д а н о в, И. Местните названия от Ломско, С., 1952.
Мад. – Х р и с т о в, Г. Местните имена в Маданско. С., 1964.
мах. – махала
МИ – местно име
Мих. – М и х а й л о в а, Д. Местните имена в Михайловградско, С., 1984.
нариц. – нарицателно име
Ореш. – с. Орешене
Петр. – с. Петревене

Пирд. – Заимов, Й. Местните имена в Пирдопско. С., 1959.
Пр. – прякорно име
прил. – прилагателно име
произв. – производно
Първ. – Дуриданов, И. Топонимията на Първомайска околия. – Год. СУ. Филол. фак,. 52, 1956/7.
Разл. – Попов, К. Местните имена в Разложко. С., 1979.
Рак. – с. Ракита
раст. – растение
Рес. – с. Реселец
РИ – родово име
Рум. – с. Румянцево
рум. – румънско
С – север
Сад. – с. Садовец
Севл. – Ковачев, Н. Местните названия от Севлиевско, С., 1961.
СелИ – селищно име
СЗ – северозапад
СИ – североизток
слав. – славянско
Слив. – Сливенско
Смол. – Саламбашев, А. Местните имена в Смолянско. С., 1976
срв. – сравни
стб. – старобългарско
събир. – събирателно
Тодор. – с. Тодоричене
Троян. – Ковачев, Н. Топонимията на Троянско. С., 1969.
тур. – турско
ФИ – фамилно име
Чбр – гр. Червен бряг
член. – членувано
Ъгл. – с. Ъглен
Ю – юг
ЮЗ – югозапад
ЮИ – югоизток

БЕЛЕЖКИ

[1] Дуриданов, И. Местните названия от Ломско, С., 1952, Дуриданов, И. Топонимията на Първомайска околия, – Год. СУ. Филол. фак, 52 1956/7, 2; Заимов, Й. Местните имена в Пирдопско. С., 1959; Заимов, Й. Местните имена в Панагюрско, С., 1977; Попов, К. Местните имена в Белослатинско – Год. СУ. Филол. фак., 59, 1059/60, 2; Попов, К. Местните имена в Разложко, С., 1979; Ковачев, Н. Местните названия от Севлиевско, С., 1961; Ковачев, Н. Местните названия в Габровско, С., 1965; Ковачев, Н. Топонимията на Троянско. С., 1969; Христов, Г. Местните имена в Маданско, С, 1964; Саламбашев, А. Местните имена в Смолянско. С., 1976; Иванов, Й. Местните имена между Долна Струма и Долна Места, С., 1982; Михайлова, Д. Местните имена в Михайловградско, С., 1984; Михайлова, Д. Местните имена в Берковско, С., 1986.

[2] Дуриданов, И. Топонимичните č – суфикси в южнославянските езици, – Български език, 1958, № 8, 343–356; Дуриданов, И. За някои редки словообразователни типове в българската топонимия, – В: Славистичен сборник, Т. 1. Езикознание. С., 209– 250; Дуриданов, И. Южнославянски успоредици в развоя на един топонимичен модел (*-ьsk -ica). – Език и литература, 1964, № 3, 37–60; Заимов, Й. Засел-

ване на българските славяни на Балканския полуостров (проучване на жителските имена в българската топонимия). С., 1967; З а и м о в, Й. Български топонимични наставки. – Onomastica, Wroclaw, VII, 1961,196–220 и VIII, 1963, 133–159.

[3] Б о н д а л е т о в, В. Д. Русская ономастика, М., 1983, 20–21.

[4] А з а р х, Ю. С. О грамматических и лингвогеографических различиях нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами. – В: Ономастика и грамматика, М., 1981, с. 6.

[5] С у п е р а н с к а я, А. В. Апелятив – онома. Имя нарицательное и собственное, М., 1978, 32–33.

[6] Л о п а т и н, В. В. Словообразовательная структура названий населенных пунктов в современном русском языке. – В: Ономастика и грамматика с. 30

[7] П о д о л ь с к а я, Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы (словообразовательный анализ). М., 1983,

[8] Пак там, с. 6

[9] Пак там.

[10] Извори за българската история. Т. 13, 20, С., 1966, 1974; С т о й к о в, Р. Нови сведения за миналото на българските селища през XV и XVI в. – Исторически преглед, 1959, № 6, 77–89; С т о й к о в, Р. Наименования на български селища в турски документи от ориенталския отдел на НБКМ от XV, XVI, XVII в. – Известие на НБКМ за 1959 г. С., 1961, 363–490.

[11] Ф и л о в, Б. Новооткрити старини, – Известие на българското археологическо дружество, 3, 1912/13, 328–338

[12] С т о й к о в, Р. Наименования... с. 452.

[13] М л а д е н о в, С. История на българския език, С., 1979, с. 198.

[14] Пак там.

[15] С т о й к о в, Р. Нови сведения... с. 78

[16] С т о й к о в, Р. Наименования... с. 375

[17] Ц о н е в, В. Опис на ръкописните и старопечатните книги в Народната библиотека в София, С., 1910, с. 161.

[18] Български етимологичен речник. Т. 1, С., 1971, с. 85.

[19] Р о с п о н д, С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов, – В: Восточнославянская ономастика, М., 1972, с. 31.

[20] С т о й к о в, Р. Наименования..., С., 455.

[21] З а и м о в, Й. Заселване..., С., 209.

[22] И з в о р и..., т. 13, с. 293.

[23] И з в о р и...., т. 20, с. 168.

[24] С т о й к о в, Р. Наименования..., с. 371.

[25] З а и м о в, Й. Заселване..., с. 197,

[26] И з в о р и..., т. 20, с. 93.

[27] З а и м о в, Й. Заселване.., с. 124.

[28] И з в о р и..., т. 13, с. 251.

[29] Ц о н е в, Б. Цит. съч., с. 8.

[30] И з в о р и..., т. 20, с. 67, 85.

[31] Пак там, с. 320.

[32] С т о й к о в, Р. Наименования..., с. 468.

[33] З а и м о в, Й. Заселване..., с. 196

[34] И з в о р и..., т. 13, с. 251.

[35] И з в о р и..., т. 20.

[36] З а и м о в, Й. Заселване..., с. 156.

[37] К о л е д а р о в, П., М и ч е в, Н. Промените на имената и статута на селищата в България, 1878/1972 г. С., 1973, с. 34

[38] И з в о р и.., т. 20

[39] Стойков, Р. Наименования..., 397.
[40] Миков, В. Произход и значение на имената на нашите градове, села, реки, планини и места. С., 1943, с. 91.
[41] Заимов, Й. Заселване..., с. 13, 220, 221.
[42] Москов, М. Азманите, Дерманци, Торос, – Турист, 1975, с. 26.
[43] История на България. Т. 3. С., 1982, с. 484.
[44] Миков, В. Помаците по долината на Вит, Искър и Скът. Училищен преглед, 1935, № 8, с. 896, 904.
[45] Стойков, Р. Наименования..., с. 452.
[46] Цонев, Б. Цит. съч., с. 113.
[47] Заимов, Й. Заселване..., с. 224.
[48] Пак там, с. 140.
[49] Пак там, с. 139.
[50] Извори..., т. 13, с. 291.
[51] Стойков, Р. Наименования..., с. 425.
[52] Извори..., т. 20, с. 78.
[53] Москов, М. Цит. съч., с. 26.
[54] Пак там.
[55] Стойков, Р. Нови сведения..., с. 78.
[56] Дуриданов, И. Местните названия..., с. 197.
[57] Пак там, с. 147.
[58] Заимов, Й. Заселване..., с. 105.
[59] Извори..., т. 13, с. 209.
[60] Стойков, Р. Наименования..., с. 478.
[61] Велков, И. Стари селища и градища по долината на р. Вит. – материали за археологическа карта на България. кн. VI. С., 1927, с. 42.
[62] Заимов, Й. Заселване..., с. 185.
[63] Стоянов, С. Граматика на българския книжовен език, С., 1964, с. 216.
[64] Заимов, Й. Местните имена в Пирдопско, с. 185.
[65] Роспонд, С. Цит. съч., с. 37.
[66] Заимов, Й. Български географски имена с -jь, С., 1973.
[67] Борек, Г. Восточнославянские топонимы с формантом -ьн – В: Восточнославянская ономастика, 90 – 144.
[68] Извори..., т. 13, с. 283.
[69] Стойков, Р. Наименования..., с. 371.
[70] Миков, В. Произход и значение..., с. 89.
[71] Български етимологичен речник..., т. 1, с. 107.
[72] Извори..., т. 13, с. 249.
[73] Извори..., т. 20, с. 94.
[74] Стойков, Р. Наименования..., с. 456.
[75] Извори..., т. 13, с. 241.
[76] Извори..., т. 20, с. 69,91.
[77] Миков, В. Помаците по долината..., с. 903.
[78] Пак там, с. 901.
[79] Извори..., т. 13, с. 293.
[80] Заимов, Й. Заселване..., с. 129.
[81] Дуриданов, И. За някои редки..., 209 – 250.
[82] Заимов, Й. Български топонимични наставки...
[83] Иванова, Н. Местните имена с топонимични наставки от Павликенско. – В: Юбилеен сборник. 20 години Великотърновски университет (1963 – 1983). кн. 1. Езикознание. Велико Търново, 1983, 131 – 142.

[84] Коледаров, П., Н. Мичев., Цит. съч., с. 217.
[85] Петровский, Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966, с. 95.
[86] Заимов, Й. Български топонимични наставки..., VII, с. 218.
[87] Извори..., т. 13, с. 295; Р. Стойков, Наименования..., с. 389.
[88] Извори..., т. 20, с. 92.
[89] Стойков, Р. Нови сведения..., с. 78.
[90] Извори..., т. 20, с. 320, 321.
[91] Попов, К. Местните имена в Белослатинско..., 515–518
[92] Енциклопедия "България". Т. 3. 1980, с. 841.
[93] Извори..., т. 13, с. 251.
[94] Извори..., т. 20, с. 322.
[95] Стойков, Р. Наименования..., с. 427.
[96] Миков, В. Помаците по долината..., с. 901.
[97] Заимов, Й. Заселване..., с. 28.
[98] Мирчев, К. Историческа граматика на българския език, С., 1978, с. 116
[99] Извори..., т. 13, с. 247.
[100] Извори..., т. 20, с. 58, 185, 291, 333.
[101] Дуриданов, И. Заселването на славяните в Горна Мизия по данни на топонимията. – В: Славянска филология. Т. 17, С. 1983, с. 226.
[102] Георгиев, В. Българска етимология и ономастика. С., 1960, 38–39
[103] Иванова, Н., П. Радева. От А до Я. Имената на българите, С., 1985, с. 195.
[104] Илчев, С. Речник на личните и фамилни имена у българите. С., 1969.
[105] Коледаров, П., Н. Мичев. Цит. съч., с. 244
[106] Пак там.
[107] Извори..., т. 13, с. 243.
[108] Извори..., т. 20, с. 86.
[109] Коледаров, П., Н. Мичев. Цит. съч,. с. 32.
[110] Илчев, С. Цит. съч., с. 155.
[111] Извори..., т. 13, с. 251.
[112] Коледаров, П., Н. Мичев. Цит. съч., с. 152.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ В ЛУКОВИТСКОМ РАЙОНЕ

Резюме

Предметом работы является частная проблема — провести структурный и семантический анализ названий населенных мест в Луковитском районе. Анализ построен на материале существующих и уже не существующих, но зафиксированных различных документах, населенных мест. Из собранных 3750 местных названий Луковитского района 176 или 4,45% — названия населенных мест.

Общая слабость опубликованных у нас топонимических монографических исследований в том, что в них не разработаны вопросы топонимообразования и семантики местных названий. Решение этого вопроса не легкое, особенно если иметь в виду факт, что собственные имена, в частности названия населенинных мест — это вторичные образования на базе апеллятивов.

В теоретической части мы основываемся на ряде исследований, преимущественно советских авторов, по вопросам образования структуры и семантики местных названий. Мы разделили названия населенных мест на две группы в зависимости от их структуры — односоставные и двусоставные. Большее внимание уделяется односоставным изза их архаичности.

STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSES OF PLACE-NAMES IN THE DISTRICT OF LUKOVIT

Summary

This paper presents a structural and semantic analysis of 167 names of villages in the district of Lukovit: The analysed names include those of modern villages as well as villages which do not exist any longer but are registered in documents from the past. Those names are some 4,45% of a corpus of 3 750 place-names of the above mentioned district.

Most of the toponomic studies do not discuss the formation and semantics of place-names. Place-names offer difficulties because they originated from common nouns.

The analyses are based theoretically on several investigations of Soviet linguists on the problems of word formation, structure and semantics of place-names. The analysed names of villages are subdivided according te their structure into two groups — names consisting of a single word, and names consisting of two words. Attention is focussed on the group of names consisting of single words because of their antiquity.

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
"СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
Том 23, кн. 2 ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ 1992

TRAVAUX DE L'UNIVERSITÉ "ST. ST. CYRILLE ET MÉTHODE"
DE V. TIRNOVO
Tome 23, livre 2 FACULTÉ PHILOLOGIQUE 1992

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТВЛЕЧЕННОГО ПРИЗНАКА НА -О С Т Ь В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С БОЛГАРСКИМ

КИНА ИВАНОВА

DERIVATIVE ABILITIES OF ADGECTIVES TO FORM ABSTRACT NOUNS WITH THE SUFFIXES -ОСТЬ IN RUSSIAN AND -ОСТ IN BULGARIAN

KINA IVANOVA

Велико Търново, 1992

Имена существительные со значением отвлеченного признака производятся по нескольким словообразовательным типам. Этим существительным посвящено немало исследований в русском языке, в которых наряду с другими вопросами рассматривается и словообразование[1]. В болгарском языке значительно меньше работ, в которых уделяется место прежде всего семантике, функционированию и словообразованию указанных имен[2].

Результаты исследований в области словообразования существительных со значением отвлеченного признака осмысливаются и оцениваются с иной точки зрения в работе В. Д. Пятницкого[3]. Рассматривая семантико-словообразовательную соотносительность качественных прилагательных и отвлеченных существительных с качественным значением, он характеризует производящие прилагательные с учетом их словообразовательной активности в сфере абстрактных имен. Проведенный В. Д. Пятницким анализ вскрыл некоторые особенности образования этих имен, касающиеся самой возможности прилагательного присоединить к себе суффикс отвлеченного существительного. В работе не затрагиваются относительные прилагательные. И это объяснимо: их участие в образовании существительных с качественным значением невелико. Вместе с тем, однако, это участие важно для полной картины словообразования и семантики существительных со значением отвлеченного признака. На малоизученность этой области указывает В. Н. Хохлачева, обращая внимание на специфику отношений, "развивающихся на "периферии" модели, то есть при сочетании суффикса *-ость* с основами прилагательных несколько иной семантики, с ослабленным или модифицированным качественным или качественно-относительным значением[4].

Выбирая в качестве предмета исследования словообразование имен существительных со значением отвлеченного признака на *-ость*, мы останавливаемся на деривационных возможностях отсубстантивных прилагательных (качественных и относительных) при образовании указанных существительных.

Наша работа дополнит сделанное исследователями в русском языке. В болгарском языке указанная проблема почти не рассматривалась.

Исследование проводится в сопоставительном плане. Сопоставление двух родственных языков, пусть даже одностороннее, всегда важно для практики обучения по той причине, что близость славянских языков "не снимает специфических трудностей практического и теоретическо-

го изучения, например, русского языка в инославянской среде и других славянских языков в русской языковой среде"[5].

Цель исследования — выявить сходства и различия в деривационных возможностях отсубстантивных прилагательных при образовании имен существительных со значением отвлеченного признака на *-ость* в русском языке в сопоставлении с болгарским.

Материал извлекался главным образом из словарей: толковых, переводных, обратных, терминологических. Учитывались также данные словарей-справочников русского языка "Новые слова и значения". Был использован и "Словообразовательный словарь русского языка" А. Н. Тихонова. В отдельных случаях приводятся иллюстрации из других источников.

1. Способность прилагательных участвовать в словообразовании отвлеченных существительных с качественным значением связана с двумя важными факторами. Это, во-первых, деривационные возможности частей речни вообще и имени прилагательного в частности и, во-вторых, ограничения в сочетаемости словообразовательных морфем в слове.

1. 1. Деривационные возможности частей речи давно обратили на себя внимание исследователей. Так например, Г. О. Винокур отмечает: "...сплошь и рядом наблюдаем...отсутствие ожидаемого образования от одних слов при наличии его в других однотипных случаях"[6].

Деривационные возможности получили следующее определение: "Под деривационными потенциями мы понимаем возможности образовать от данного слова или данной группы слов при помощи аффиксов производные слова (дериваты)."[7] Исследования в этом плане показали, что "в русском языке каждая часть речи отличается своими специфическими деривационными потенциями; а среди одной части речи эти потенции варьируют в зависимости от семантического и лексического значения слов, а также от их морфологической структуры"[8]. Словообразовательная активность имен прилагательных зависит от нескольких факторов, а именно: место прилагательного в лексико-семантической группе, лексическая и семантическая сочетаемость, принадлежность к производным или непроизводным словам, стилистическая окрашенность[9]. Сравнение между отдельными лексико-грамматическими разрядами прилагательных приводит к выводу, что самое активное участие в словообразовании можно отметить для качественных прилагательных[10].

1. 1. 1. Деление прилагательных на разряды традиционно для всех описаний грамматического строя русского и болгарского языков. Независимо от вариантов этого деления, основное противопоставление идет по линии качественности-относительности. Давно замечено, что между этими двумя разрядами четкой границы нет. Наоборот, в грамматиках неизменно присутствует раздел, в котором рассматривается переход относительных прилагательных в качественные (обратное явление менее распространено). Такой переход возможен на базе общности значе-

ния двух основных разрядов имен прилагательных. "Значение относительного прилагательного глубоко качественно, но оно одновременно существенно отличается от значения прилагательных, которые принадлежат к разряду качественных. Если в значении качественного прилагательного отражается одно общее свойство предметов разных классов, то в качественном аспекте семантики относительного прилагательного отражено представление о качестве данного класса предметов, тех отличительных чертах, по которым он выделяется из более общего класса предметов как разновидность последнего[11]. Окачествление относительных прилагательных — это процесс, который в прошлом веке отличался особой активностью и до сих пор еще продолжается. Так например, только в словаре С. И. Ожегова свыше 500 прилагательных, которые приобрели качественные значения. Из них около 400 отсубстантивных[12].

Мы принимаем утверждение А. А. Зализняка о том, что "практически любое относительное прилагательное может приобрести в соответствующем контексте качественный оттенок.[13]

1. 1. 2. При делении прилагательных на качественные и относительные в грамматических трудах приводится набор признаков, характеризующих качественные прилагательные. Этих признаков восемь и они распределяются по группам: морфологические, синтактические, словообразовательные и лексические.[14] К словообразовательным признаком относятся: производность/непроизводность прилагательного; способность образовать наречия на -о, -е, -и; наличие слов с суффиксами субъективной оценки от многих качественных прилагательных; способность образовать отвлеченные имена существительные. Нас особенно будет интересовать последний признак. Следует иметь в виду, что качественные прилагательные редко обладают всеми признаками вместе. В том числе есть прилагательные, от которых нельзя образовать существительные с отвлеченным значением.

1. 2. Невозможность присоединения суффикса *-ость* к основе прилагательного объясняется причинами, общими для всех словообразовательных морфем. В сочетаемости этих морфем в слове существует несколько ограничений. Это — семантические, формальные, стилистические, лексические и словообразовательные ограничения[15]. Рассмотрим их последовательно при образовнии отадъективных существительных со значением отвлеченного признака.

1. 2. 1. Семантические ограничения. При образовании рассматриваемых существительных их почти не существует: "Так, существительные с суффиксом *-ость* со значением отвлеченного признака производятся от качественных прилагательных самой разнообразной семантики"[16]. Это утверждение бесспорно правильно. Важное значение, однако, имеет количество абстрактных имен от прилагательных данного словообразовательного типа. Если это количество невелико, то приходится говорить об ограниченной возможности прилагательного обра-

зовывать абстрактные имена со значением качества. Здесь очень существенно замечание В. Д. Пятницкого о семантике прилагательного. Он выделяет прилагательные с суффиксами *-аст-* и *-ат-* (обозначающие внешний признак, проявляющийся в предмете в значительной мере), *-ов-*, *-ан-*, *-ск-* (относящиеся к относительным), которые почти не присоединяют к себе суффикса *-ость* [17]. В исследованиях обращается внимание на тот факт, что образование имени на *-ость* затруднительно, когда прилагательное называет недостаточно широкий признак [18].

1. 2. 2. Формальные ограничения. В нашем случае это ударная флексия и наличе суффикса *-ск-* у прилагательных. "Но даже эти ограничения не носят категорического характера и в ряде случаев, особенно в терминологических областях, более или менее легко преодолеваются..." [19].

1. 2. 3. Стилистические ограничения. Как известно, суффикс *-ость* до сих пор сохраняет известный оттенок книжности. По этой причине он сочетается с основами "имеющими книжную или нейтральную окраску, а сочетание с основами, имеющими сниженный характер (разговорными и особенно просторечными), ему противопоказано" [20]. Разумеется, это положение не касается абсолютно всех имен на *-ость*, так как в языке существуют и имена, образованные от прилагательных, относящихся к разговорному стилю и просторечию.

1. 2. 4. Лексические ограничения. Здесь учитываются факторы, "связанные с самой лексической системой, а именно с синонимией и антонимией прилагательных и существительных" [21]. Отсутствие имен на *-ость* объясняется следующими причинами: а) от определенных прилагательных образуются отвлеченные имена не на *-ость* (крутизна, теплота); б) при синонимичности прилагательных имена на *-ость* образуются от более употребительных и стилистически нейтральных или книжных слов [22].

1. 2. 5. Словообразовательные ограничения. Здесь "имеется в виду неучастие тех или иных видов производных слов в качестве производящих" [23]. В нашем случае это прилагательные с уменьшительно-ласкательными суффиксами, с суффиксами *-енн-*, *-ущ-* (с увеличительным значением), некоторые относительные прилагательные на *-ов-*, *-ин-* со значением принадлежности лицу или предмету [24].

2. Известно, что семантика производного слова сильно отличается от семантики непроизводного. Она имеет как бы материальное выражение. Отсюда особенности в толковании производного слова: "Не вызывает поэтому сомнения тот факт, что ключом к семантическому прочтению и истолкованию любого производного слова оказывается в конечном счете его поверхностная морфологическая структура" [25].

2. 1. Последовательное рассмотрение словообразовательных типов отсубстантивных прилагательных в русском языке в сопоставлении с болгарским строится с учетом вышеуказанной особенности семантики производного слова. Таким образом анализ прилагательных включает:

а) характеристику структуры и семантики производного прилагательного; б) выявление деривационных возможностей прилагательных при образовании имен на *-ость* и причины, мешающие образованию рассматриваемых имен существительных.

Значение отдельных словообразовательных типов имен прилагательных приводится по грамматике русского языка — "Русская грамматика" (М., 1980 — в сокращении Ргр). При анализе болгарских прилагательных учитывались сведения грамматики болгарского языка "Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология" (С., 1983 — в сокращении Бгр).

2. 1. 1. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-н-*. В болгарском языке этому суффиксу соответствует суффикс *-ен. (согласно традиции мы берем для анализа основную, словарную форму слова, в нашем случае имя прилагательное м. р. ед. ч.)*

Суффикс -н- представлен морфами: *-н-, -енн-, -арн-, -альн-, -озн-, -орн-, -уальн-, -ичн-, -иальн-, -онн-, -ональн-, -тельн-, -ственн-* и некоторыми другими, встречающимися более редко; в болг. *-ен, -арен, -ален, -озен, -орен, -уален, -иален, -ичен, -онен, -онален, -телен, -ствен* и др. В Бгр некоторые из перечисленных здесь морфов рассматриваются как суффиксы прилагательных иноязычного происхождения.

Общее значение прилагательных "относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом: *аварийный, болотный, воздушный, грамотный, доходный, законный, инженерный, картинный, радостный*; в болг. *авариен, въздушен, грамотен, доходен, законен, копринен, радостен, секретен, транспортен.* Это общее значение получает разнообразные конкретизации в контексте.

Большинство рассматриваемых прилагательных являются относительными. Качественные прилагательные имеьют несколько значений: 1) "содержащий то, характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом": *абсурдный, выгодный, дефектный, заразный, контрастный, ритмичный*; в болг. *абсурден, дефектен, заразен, изгоден, контрастен, ритмичен.* В этом значении есть несколько семантических подтипов: а) "имеющий что-то, обладающий чем-то с дополнительной качественной или количественной характеристикой": *авторитетный, ароматный вкусный, облачный, полезный*; в болг. *ароматен, авторитетен, вкусен, калоричен, облачен, полезен.* б) "склонный к тому, что названо мотивирующим словом": *апатичный, властный, ироничный, импульсивный, эмоциональный*; в болг. *апатичен, борбен, властен, ироничен, импулсивен.*

2) "представляющий собой то, что названо мотивирующим словом": *иллюстративный, контрастный, курьезный, типичный, шаблонный*; в болг. *илюстративен, контрастен, куриозен, типичен, шаблонен.*

В словообразовании рассматриваемых прилагательных принимают участие мотивированные и немотивированные существительные с конкретной и абстрактной семантикой, называющие предметы, свойства,

действия. От существительных-названий лиц и животных прилагательные указанного типа образуются редко.

2. 1. 1. 1. Прилагательные, мотивированные существительными с конкретно-предметной семантикой. Это имена типа: *бархатный, водный, витаминный, жирный, зеркальный, игрушечный, кабинетный, лоскутный, молочный, равнинный, фабричный, хрустальный;* в болг. *воден, витаминен, диелектричен, захарен, казармен, имотен, огледален, маслен, снажен, сочен, равнинен, фабричен, усоен.*

При образовании существительных со значением отвлеченного признака от указанных прилагательных отсутствуют структурные ограничения. Здесь важна только семантика прилагательного. Некоторые прилагательные относятся к качественным: *витаминный, жирный, равнинный;* в болг. *витаминозен, мазен, равнинен.* В других ярко выделяется относительное значение: *водный, снежный, лесной;* в болг. *езерен, етажен, спиртен.* Третью группу составляют качественно-относительные прилагательные: *зеркальный, кабинетный, казарменный;* в болг. — *огледален, кабинетен, казармен.*

От относительных прилагательных рассматриваемой группы образуются отвлеченные существительные с качественным значением на *-ость* в русском языке и на *-ост* в болгарском. Здесь семантика отвлеченного существительного тесно связана с семантикой субстантивной основы прилагательного. Сравни, например, значение слова *этажность* — 'количество этажей, определяющих высоту здания' (МАС); в болг.: *етажност* — 1. 'брой, количество на етажите в една сграда, който определя височината' и 2. 'съществуване, положение във вид на етажи' (РБЕ). В других случаях абстрактное имя обозначает наличие: *водность* — 'наличие воды, степень накопления ее в водоемах' (МАС); в болг. *езерност* — 'наличие на езера и язовири в дадена водосборна област' (РБЕ). Имена типа *водность, снежность, этажность;* в болг. *езерност, етажност, спиртност* относятся к терминологической лексике, где их семантика уже несколько иная. "Значением имени на *-ость* становится не отвлеченный признак: *свежесть, ясность, грубость,* а количественный признак: *озерность, водность (водность меда), пнистость, льдистость...*"[26]

Среди прилагательных, мотивированных существительными, называющими лиц, выделяется группа, от которых образуются отвлеченные существительные с качественным значением на *-ость* в русском языке и *-ост* в болгарском. Это имена: *виртуозность, воинственность, гениальность, женственность, инвалидность, интеллигентность, либеральность, скаредность, человечкость;* в болг. *автохтонност, виртуозност, воинственост, гениалност, инвалидност, интелигентност, либералност, човечност.* Возможность появления абстрактного имени связана с таким значением прилагательного, которое выражает отношение к свойствам характера (Ргр, с. 273).

Прилагательные, мотивированные названиями животных почти не

участвуют в образовании отвлеченных существительных. В русском языке образовано слово *лошадность* со значением 'наличие'.

От прилагательных, мотивированных существительными с конкретно-предметной семантикой имена существительные со значением отвлеченного признака образуются чаще всего когда прилагательное употребляется в переносном значении, т. е. когда оно приобрело качественное значение. "Качественные значения развиваются как результат переносного употребления относительных прилагательных."[27] Например, воздушный — 'легкий, невесомый. Воздушное платье. Воздушная походка.' (МАС) в болг. въздушен — 'който е лек и ефирен като въздуха' (РБЕ) в таких сочетаниях как *въздушна материя, въздушна рокля*. Сравни още *картинный, книжный, парадный;* в болг. *картинен, книжен, параден* и отвлеченные имена от них *картинность, книжность, парадность*; в болг. *картинност, книжност, парадност*.

2. 1. 1. 2. Прилагательные, мотивированные существительными с абстрактной семантикой. Абстрактная семантика субстантивной основы прилагательного способствует появлению имен существительных с отвлеченным значением признака. Например: *абсурдность, болезненность, верность, догматичность, злобность, компетентность, научность, обаятельность;* в болг. *абсурдност, борбеност, болезненост, верност, догматичност, компетентност, научност, обаятелност*.

Особую группу представляют прилагательные, мотивированные абстрактными существительными на *-ость* и *-от*/а/ в русском языке и -ост и *-от*/а/ в болгарском. Сюда относятся: *гадостный, гнилостный, добротный, злостный, мерзостный, поверхностный, плоскостной, пустотный, частотный* и др.; в болг. *гнилостен, злостен, жалостен, повърхностен, цялостен, честотен*. От этих прилагательных образуются отвлеченные существительные: *гнилостность, добротность, жалостность, злостность, плоскостность, ревностность, радостность, сладостность, поверхностность, целостность, частотность, пустотность, кислотность;* в болг. *неплоскостност* (Б-Рптх), *повърхностност, цялостност, честотност*. В болгарском языке имен на *-ост* здесь гораздо меньше: очевидно из-за скопления одинаково звучащих звуковых комплексов.

Отсутствие отвлеченных существительных от прилагательных на *-н-* в русском языке и *-ен* в болгарском объясняется ограничениями семантического и лексического характера. К семантическим ограничениям относится узкое значение прилагательного, которое очень часто связано с конкретной семантикой субстантивной производящей основы: *бедренный, венозный, медикаментозный, мобилизационный, пенсионный, лекарственный;* в болг. *бедрен венозен, медикаментозен, лекарствен, мобилизационен, пенсионен*. Узкое значение этих прилагательных иллюстрируется их ограниченной лексической сочетаемостью: *бедренная кость, венозная кровь, пенсионный возраст;* в болг. *бедрена кост, венозна кръв, манипулационен склад*.

Лексические ограничения в данном случае сводятся к наличию в языке абстрактного имени с другим суффиксом. Например, в болгарском языке существительные на *-изъм*: *анахронизъм, деспотизъм, патриотизъм* употребляются почти без словообразовательных синонимов. Суффиксы *-ость* и *-изм* в русском языке синонимичны, хотя признак имеет различное выражение в словах с этими суффиксами: "...существительные на *-изм* выражают признак как более глобального, а на *-ичн/ость* как более частного проявления"[28]. Очевидно, подмеченную особенность можно отнести и к фактам болгарского языка.

Отсутствие структурных ограничений при образовании существительных с отвлеченным значением на *-ость* в русском языке и *-ост* в болгарском от рассматриваемых прилагательных является условием для постоянного пополнения списка рассматриваемых существительных словами, незафиксированными в словарях. При проверке в словаре НСЗ были обнаружены такие существительные как: *глубинность, детективность, дымность, диалогичность, звездность, исповедальность, категорийность, контактность, конфликтность, престижность, полетность, телевизионность, трибунность, юбилейность* и др.; В толковых словарях болгарского языка отсутствуют слова: *биографичност, брачност, диалогичност, изповедност, земност, зрелищност, инициативност, конфликтност, пейзажност, стилност, уникалност, жизнерадостност, цветност*. Появление абстрактных имен, образованных от перечисленных прилагательных во многих случаях вызвано необходимостью как бы "повторить" значение субстантивной производящей основы. Сравни *конфликтность* — 'наличие в ком-, чем-либо конфликта, различных, противоречащих друг другу черт, особеностей' (НСЗ, 1984).

В некоторых случаях появление абстрактного имени вызвано необходимостью дать однословное название какому-то факту, явлению или качеству. "Кто может сказать, что такое *телевизионность*". (ЛГ, 21 янв. 1981). Здесь от нового значения прилагательного *телевизионный* образовано имя существительное *телевизионность* — 'наличие специфических свойств, благоприятных для воспроизведения на телеэкране' (НСЗ, 1984). Сравни в болг. "*Пенсионността* е особено състояние" (из устной речи). Здесь *пенсионност* — 'състояние на човек, който вече е пенсионер'.

В некоторых случаях отсутствие прилагательного в языке не является помехой при образовании отвлеченного существительного. Например, *исповедальность, категорийность, рецензионность*; в болг. *интрижност, мероприятийност, мотивност*." ...многие министерства учитывают *категорийность* продукции..." (Соц. индустрия, 20 июня 1973), (НСЗ, 1984). Сравни в болгарском языке: "Дали Кукузелевите творби са преминали в народните песни по цялата ни страна, и тези песни с толкова устойчива мотивност са останали като нещо непоклатимо..." (ОФ, 8 юли 1980). Появление таких слов лишний раз свидетельствует о продуктивности рассматриваемого словообразовательного типа

существительных со значением отвлеченного признака.

2. 1. 2. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-анн-*. Этот суффикс выделяется только в прилагательных *деревянный, оловянный, стеклянный*. В болгарском языке здесь суффикс *-ен- дървен, оловен, стъклен*.

Имена на *-ость* образуются от прилагательных *деревянный* и *стеклянный*. "Алексей бессознательно отмечал красоту застывшего неба, прозрачную *стеклянность* воздуха. Горбат, Алексей Гайдаш" (БАС). "У Амосова был сильный, мужественный, но несколько деревянный голос, и эта *деревянность* особенно поражала слух теперь, когда он говорил очень громко. М. Вовчок, Живая душа" (БАС). Возможность появления абстрактного имени здесь обусловлена наличием переносного значения у прилагательного. В болгарском языке отсутствуют имена на *-ост* от рассматриваемых прилагательных.

2. 1. 3. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-абельн-*. В болгарском языке суффикс *-абилен* в единственном зафиксированном в толковых словарях слове *рентабилен*. Значение прилагательных — "дающий или пригодный для того, что названо мотивирующим словом": *коммуникабельный, комфортабельный, рентабельный* и отсутствующие пока в словарях: *диссертабальный, диспутабельный, контактабельный*.

Прилагательные на *-абельн-* легко присоединяют к себе суффикс *-ость*: *комфортабельность, рентабельность*. В устной речи употребляются *диссертабельность, /не/коммуникабельность*. В болгарском языке от прилагательного *рентабилен* образуется существительное *рентабилност*.

2. 1. 4. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-ов-*. Прилагательные с суффиксом *-ов-*, орфогр. также *-ев-* имеют общее значение "относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом". В болгарском языке прилагательные на *-ов*, орфогр. также *-ев* имеют то же самое значение. Рассматриваемые прилагательные мотивируются преимущественно неодушевленными существительными: *абрикосовый, вишневый, дерновый, перцовый, тундровый, шелковый*; в болг. *вишнев, дъбов, елов, лесков, носов, тундров*.

Существительные-названия животных мотивируют прилагательные на *-ов-* со значением "принадлежность породе, виду животных": *бобровый, горностаевый, китовый, моржовый*. В болгарском языке у этих прилагательных аналогичное значение: *бобров, видров, китов, тигров*.

Существительные-названия лиц мотивируют рассматриваемые прилагательные редко: *истцовый, мальчиковый, стрельцовый*; в болг. *учеников*.

По этому словообразовательному типу в обоих языках образуются относительные прилагательные с огромным спектром значений, которые конкретизируются в контексте. Относительное значение этих прилагательных является препятствием при дальнейшем образовании слов от них. Известная их часть вообще не принимает участия в слово-

образовании. Это такие имена, "в которых наличествует ярко выраженное отношение к животному или предмету, от названия которых эти прилагательные образованы"[29].

В русском и болгарском языках существует незначительное количество существительных со значением отвлеченного признака от рассматриваемых прилагательных: *ансамблевость, кастовость, ласковость, массовость, матовость, махровость, образцовость, плановость, свинцовость, слоновость, толковость;* в болг. *ансамбловост, бронзовост, класовост, масовост, носовост, плановост, стоковост*. Факт существования перечисленных существительных объясняется тем, "что ряд прилагательных этого типа в современном языке теряет свое первоначальное относительное значение и развивает качественность"[30].

При образовании терминов на *-ость* относительное значение прилагательного уже не является помехой. Особенность семантики слов-терминов на *-ость* заключается в том, что они "употребляются в составе более или менее стабильного терминологического сочетания с существительным в родительном падеже..: *белковость зерна, очаговость заболеваний, октановость компонента*"[31].

Относительная семантика прилагательного не в состоянии помешать появлению новых слов: *еловость, сосновость*[32]; *васильковость, замшевость, сиреневость, тупиковость*[33]; *модерновость* (НСЗ, 1971); *кассовость, притчевость* (НСЗ, 1984). Сюда добавляется и существительное *близнецовость*: "...нынче такая *близнецовость* моделей, что по внешнему виду нельзя достоверно назвать изготовителя" (Крокодил, 1982). В болгарском языке *притчовост*: "Във всички филми на Константин Павлов ще открием специфична иносказателност и *притчовост* на разказа." (ОФ, 10 окт. 1985)

2. 1. 5. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-ск-. Общее значение прилагательных: "относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом": городской, сельский, учительский, университетский, заводской.* В болгарском языке прилагательные на *-ск* имеют аналогичное значение: *градски, детски, селски, пощенски, учителски, университетски.*

Круг субстантивных основ, вовлекаемых в образование прилагательных рассматриваемого типа, очень широк по семантике. Сюда входят существительные, называющие лиц и неодушевленных предметов, этнические наименования, собственные личные имена и фамилии, названия партий, обществ, организаций, газет, названия животных (редко).

При образовании существительных со значением отвлеченного признака здесь сразу возникают два препятствия: структурное ограничение, которое выражается в скоплении неудобных для произнесения звуковых комплексов (ж е н с к о с т ь) и семантическое ограничение — принадлежность, прилагательного к группе относительных прилагательных. В словарях русского языка зафиксировано только несколь-

ко существительных на *-ость*: *детскость, людскость, светскость*. В Ргр указаны еще: *деревенскость, женскость, русскость, советскость*. Сравни еще *мальчишескость* [34]; *старческость, французскость* [35]. В болгарском языке отсутствуют существительные на *-ост*.

Наличие имен на *-ость* от прилагательных на *-ск-* говорит о том, что структурные ограничения не могут помешать, если в семантике прилагательного появляются признаки качественности. "У прилагательных с суффиксом *-ск-* качественные значения развивались на основе расширения значения принадлежности (лицу или коллективу), обобщенно-качественного переосмысления его в значение свойственности. Значительно реже качественные значения развивались у прилагательных, образованных от существительных неодушевленных (ср. качественные значения прилагательных *адский, райский, светский* — от *свет* "высшее общество" и под.). С развитием качественных значений прилагательные на *-ский* получали изредка реализуемую возможность образовывать отвлеченные существительные с суффиксом *-ость* (типа *детскость, светскость, зверскост, людскость*) и краткие формы."[36]

2. 1. 6. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-аст-*. Значение прилагательных "характеризующийся интенсивно выраженным признаком, названным мотивирующим словом". В современном болгарском языке указанный суффикс отсутствует.

Мотивирущие основы это преимущественно имена существительные с конкретной семантикой: названия частей тела (*рукастый, лобастый, головастый*), отдельных предметов (*очкастый трубастый*) и очень редко названия животных (*мышастый, медвежастый*).

Имена на *-ость* от указанных прилагательных образуются редко: *грудастость, зубастость, коренастость, скуластость*. Причину надо видеть в конкретной семантике субстантивной основы прилагательного и в его принадлежности чаще всего к разговорному стилю.

Указанные ограничения преодолеваются при образовании новых слов на *-ость* в речи: *вихрастость, глазастость*."[37] И я не знаю что ему сказать, куда бежать с *глазастостью* своею." (Т. Жирмунская, Глаза).

2. 1. 7. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-ат-*. Прилагательные этого типа имеют значение "характеризующийся внешним признаком, названным мотивирующим словом": *горбатый, мохнатый, полосатый, щербатый*. В болгарском языке прилагательные на *-ат* имеют аналогичное значение: *брадат, зъбат, рогат, ръбат*.

Мотивирующие существительные — это главным образом названия частей тела: *бородатый, зубатый, рогатый;* в болг. *брадат, зъбат, рогат*. Для русского и болгарского языков характерны прилагательные от существительных с несколько иной семантикой *бугорчатый, ворсинчатый, зубчатый;* в болг. *гащат, очилат, реснат*. Только в болгарском существуют прилагательные на *-ат* от существительных с абстрактной семантикой: *благат, чудат*.

Помимо общего значения обладания, у некоторых прилагательных

присутствует оттенок интенсивности признака: *волосатый, косматый, патлатый;* в болг. *зъбат, окат, ръбат, чепат, устат.* На особую семантику этих прилагательных указывается в Бгр.

Существительные со значением отвлеченного признака от рассматриваемых прилагательных образуются не так часто: *брюхатость, горбатость, зубчатость, мохнатость, плойчатость, пленчатость, полосатость, рубчатость, складчатость, щербатость;* в болг. *благатост, косматост, сърцатост, чепатост, устатост, меснатост.* В болгарском языке имена на *-ост* образуются исключительно от таких прилагательных, которые употребляются в переносном значении (*благат, сърцат, чепат, устат*) или обозначают интенсивный признак (*косматост, меснат*). Накоторые прилагательные в русском языке тяготеют к терминологической лексике и абстрактные имена от них имеют такое же значение: *зубчатость, пластинчатость, плойчатость, пленчатость, складчатость.* (В Ргр прилагательные *зубчатый, рубчатый, пластинчатый* отнесены к словообразовательному типу прилагательных на *-чат-*)

2. 1. 8. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-чат-*. Общее значение прилагательных "относящийся к предмету, названному мотивирующим словом": *бахромчатый бревенчатый, желобчатый, коленчатый, нитчатый, скорлупчатый, черепитчатый.* В болгарском языке нет прилагательных с этим суффиксом. Имена *коленчат* и *половинчат* заимствованы из русского языка. Это, конечно не мешает видеть здесь словообразовательную соотносительность со словами *колено* и *половина.*

В образовании слов на *-ость* участвуют единичные прилагательные: *дымчатость, звончатость, половинчатость, ступенчатость, узорчатость, уступчатость, чешуйчатость.* Здесь важны две причины: конкретная семантика субстантивной основы прилагательного и ограниченное употребление многих прилагательных, главным образом в научно-технической терминологии (т. е. узкое значение этих имен).

2. 1. 9. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-оват-*. В болгарском языке здесь прилагательные на *-оват.* Прилагательные этого словообразовательного типа имеют общее значение "характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом". В этом значении выделяются два семантических подтипа: а) "имеющий свойства того, что названо мотивирущим словом". Сюда относятся прилагательные, мотивированные существительными-названиями лиц, животных, конкретных предметов: *жуликоватый, медвежеватый, крючковатый;* в болг. *клиноват, столоват, ъгловат* б) "обладающий тем, что названо мотивирущим словом": *иловатый, комковатый, кочковатый;* в болг. *възловат, столоват, клиноват*[38]. К этому значению относится оттенок "содержащий в качестве основной части то, что названо мотивирущим словам": *игловатый, меловатый, пылеватый.* В обоих языках семантически обособлено *виноватый*; в болг. *виноват.*

Нетрудно заметить, что многие из указанных прилагательных на *-оват-* в русском языке не имеют соответствий в болгарском. Прилагательных на *-оват-* здесь значительно меньше. Имен на *-ост* тоже мало: *взловатост, ъгловатост, седловатост.*

Имена на *-ость* от рассматриваемых прилагательных в русском языке образуются без затруднений: *дупловатость, иловатость, мешковатость, плутоватость, угловатость, франтоватость, чудаковатость, щеголеватость.* Не участвуют в образовании имен на *-ость* прилагательные, относящиеся главным образом к первому семантическому подтипу: *вихреватый, дуговатый, игловатый, клочковатый, коробоватый, клиноватый, крюковатый, кустоватый, шестоватый, шиповатый* и др., а также прилагательные, мотивированные существительными со значением лица и характеризующие человека: *дураковатый, мотоватый, пшютоватый, шутоватый, цыгановатый.* От небольшой группы прилагательных со значением наличия тоже не образуются имена на *-ость*: *мочковатый, рубцеватый, свищеватый, торосоватый.*

Одна из причин отсутствия абстрактных имен от перечисленных прилагательных — это узкое значение многих из них, особенно тех, которые обозначают подобие: *вихреватый и кустоватый* (о бровях), *клиноватый* (о бороде), *клочковатый* (клочковатые облака). Некоторые из прилагательных тяготеют к специальной лексике: *мочковатый свищеватый, шестоватый, щелеватый.* Здесь ограниченность в употреблении сказывается и на возможности появления имени на -ость. И, наконец, стилистическая принадлежность прилагательных мешает некоторым из них присоединить к себе суффикс *-ость*: *бесноватый, цыгановатый, шутоватый* относятся к просторечию, а *мотоватый, шиковатый, шиловатый* — к разговорному стилю.

2. 1. 10. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-овит-*. Прилагательные этого словообразовательного типа имеют общее значение "характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом". В болгарском языке значение прилагательных на *-овит* аналогичное. Это общее значение конкретизируется в несколько частных значениях: а) "обладающий в большой степени тем, что названо мотивирующим словом": *басовитый, даровитый, глянцевитый, ледовитый, плодовитый, ядовитый;* в болг. *варовит, даровит, гласовит, класовит, шеговит.* б) "обладающий свойствами того, что названо мотивирущим словом": *мастеровитый, пуховитый* (Есен.), *франтовитый;* в болг. *биковит, зверовит, стреловит.* в) "склонный в большой степени к тому, что названо мотивирующим словом": *деловитый, домовитый плодовитый;* в болг. *деловит, домовит, плодовит.*

Существительные со значением отвлеченного признака от указанных прилагательных образуются без затруднений: *башковитость, даровитость, деловитость, домовитость, плодовитость, сановитость;* в болг. *варовитост, ветровитост, гласовитост, даровитост, делови-*

тост, дъждовитост, родовитост, снеговитост, лековитост, церовитост.

Отсутствие отвлеченных имен от некоторых прилагательных можно объяснить причинами семантического и стилистического характера. Например, прилагательные со значением подобия, в которых качественная семантика ослаблена, почти не образуют отвлеченные существительные: *пуховитый*; в болг. *биковит* (като бик), *стреловит*. Некоторые прилагательные относятся к просторечию: *носовитый, мозговитый, страховитый;* в болг. *слановит, халовит, хладовит*. Сравни прилагательные с подобной семантикой в болгарском языке, от которых образуются имена на *-ост*: *снеговит — снеговитост, дъждовит — дъждовитост*.

2. 1. 11. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-ит-*. Суффикс *-ит-* является непродуктивным в русском языке. В Ргр указано только прилагательное *именитый*. В болгарском языке прилагательных на *-ит* несколько больше, но суффикс тоже относится к непродуктивным: *дяволит, именит, каменит, пламенит, сънит,* (обл.) *честит*. Определяя семантику суффикса *-ит-*, В. В. Виноградов отмечает, что "если сам суффикс *-ит-* сравнительно легко отделяется от основ, то значение его (обладающий чем-нибудь и иногда даже в большой степени) осознается уже очень смутно"[39]. На способность болгарских прилагательных на *-ит* к лексикализации обратил внимание Л. Селимский[40].

2. 1. 12. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-ист-*. Общее значение словообразовательного типа "характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом". В болгарском языке прилагательные на *-ист* имеют аналогичное значение. Это общее значение делится на два семантических подтипа: а) "обладающий тем, что названо мотивирующим словом": *дуплистый, льдистый, слоистый;* в болг. *горист, каменист, хълмист*. К этому значению иногда добавляется оттенок "обладающий большим количеством тем, что названо мотивирующим словом": *болотистый, навaристый, порожистый;* в болг. *блатист, горист*. К этому значению относятся и прилагательные с качественной положительной характеристикой: *голосистый, мускулистый, плечистый, сноровистый, смекалистый*. В болгарском языке это значение встречается редко: *коренист, обемист*. б) "имеющий свойства того что названо мотивирующим словом": *бархатистый, блондинистый, ершистый, пружинистый, творожистый, хулиганистый;* в болг. *вълнист, сребрист*. В болгарской языке отсутсвуют имена типа *блондинистый, хулиганистый* и под., мотивированные существительными со значением лица.

В образовании существительных с качественным значением участвуют прилагательные двух семантических подтипов: *бархатистость, болотистость, гористость, дуплистость, ершистость, иглистость, мясистость, порожистость, пружинистость;* в болг. *вълнистост, гре-*

бенистост, петнистост, смолистост (все существительные на *-ост* в болгарском языке находятся в Р-Бптх и Б-Рптх).

От многих прилагательных отвлеченные существительные не образуются. Так например, от прилагательных, относящихся к первому подтипу: *вымистый, гривистый, икристый* (икристый парень), *лбистый* (лбистый мальчик), *лапистый, ногтистый, кронистый,* и от прилагательных, принадлежащих второму подтипу: *блондинистый, подхалимистый, тенористый.* Причину отсутствия отвлеченных имен надо искать в узкой семантике прилагательного. Такие прилагательные обычно обладают ограниченной лексической сочетаемостью. Например *гривистый* сочетается обычно со словами-названиями животных, у которых есть грива. Переносные значения здесь появляются редко. Качественная семантика этих прилагательных ослаблена по сравнению с такими именами как например *нахрапистый, смекалистый, сноровистый.* Прилагательные на *-ист* в болгарском языке представляют собой небольшую группу. От них образовано очень мало имен на *-ост* (см. выше). Вероятно, здесь имеет место структурное ограничение: скопление одинаково звучащих звуковых комплексов: вълнистост. Для нужд терминологии и в авторской речи это ограничение преодолевается.

2. 1. 13. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-лив/-ив-*. Общее значение прилагательных "характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом". В болгарском языке прилагательные на *-ив/-лив* имеют аналогичное значение. Это общее значение делится на два семантических подтипа: а) "характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом": *затейливый, засушливый, талантливый суматошливый;* в болг. *немарлив, паметлив, талантлив.* К этому подтипу относятся прилагательные со значением "склонный к тому, что названо мотивирующим словом" (последнее со значением действия или состояния): *боязливый, драчливый, жалостливый, проказливый, сварливый;* в болг. *боязлив, жалостив, завистлив, пакостлив, свадлив, сънлив, свенлив.* б) "имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом (последнее со значением лица): *неряшливый, привередливый, плаксивый, уродливый.* В болгарском языке только два слова имеют такое значение: *юродив* (редко) и *уродлив.*

Существительные со значением отвлеченного признака образуются без затруднений: *вшивость, дождливость, жалостливость, затейливость, паршивость, плешивость, похотливость,причудливость, пакостливость, совестливость, тоскливость;* в болг. *боязливост, въшливост, милозливост, мързливост, немарливост, костеливост, пиперливост, сълзливост, трънливост.*

Отсутствие отвлеченных существительных от некоторых прилагательных можно объяснить факторами семантического порядка. Это прежде всего конкретная семантика субстантивной основы прилагательного (чаще всего в болгарском языке). Сравни отсутствие имен на *-ост* от прилагательных *боклучив, катранив, въглелив, буренлив, кирлив* и др.,

относящихся преимущественно к бытовой лексике. В русском языке конкретная семантика субстантивной основы прилагательного не влияет в такой степени на возможность образования имен на *-ость*. Абстрактные имена не образуются обычно от таких прилагательных, которые употребляются редко: *блошливый, снежливый, туманливый*.

2. 1. 14. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-ав-*. Суффикс *-ав-* при отсубстантивных прилагательных в русском языке представлен морфами: *-ав-/-яв-* и *-ляв*. В болгарском языке *-ав/-яв, -кав, -ничав, -орничав, -орличав*. Общее значение прилагательных "обладающий в качестве отличительного признака тем, что названо мотивирующим словом". На отрицательную семантику многих прилагательных на *-ав* в болгарском языке обращает внимание Л. Андрейчин[41]. В общем значении отсубстантивных прилагательных рассматриваемого типа выделяется несколько оттенков[42]: а) "наличие в обилии, во множестве того, что названо мотивирующим словом": *прыщавый, костлявый, сучлявый* (обл.); в болг. *бръчкав, жилав, кишав;* б) "наличие предмета, названного мотивирующим словом в качестве негативного признака": *килавый* (обл.), *лишавый* (обл.); в болг. *гърбав, гушав;* в) "подобный тому, что названо мотивирующим словом" в русском языке только в некоторых диалектных словах: *клюкавый, метлявый, паклявый;* в болг. *кашав, кестеняв, пепеляв, пухкав, мършав, резедав, тричав, усойничав;* г) "составленный из того, что названо мотивирующим словом": *трухлявый* (трухлявый пень); в болг. *дребав, козиняв;* д) "содержащий что-то в качестве примеси" (только в болгарском языке): *къкличав;* "започканный чем-то" (только в болгарском языке): *зехтиняв, сиреняв;* е) "больной чем-то" (только в болгарском языке): *жълтеничав, инфлуенчав, охтичав, шапав, грипав*.

От рассматриваемых прилагательных существительные с отвлеченным значением образуются без затруднений: *величавость, костлявость, кудрявость, прыщавость, ржавость, слюнявость, писклявость, трухлявость;* в болг. *бляскавост, бръчкавост, вятърничавост, гушавост, дрипавост, дъждявост* (устар.), *зиморничавост, зиморличавост, жилавост, килавост, кашкавост, кокошничавост, коравост, ласкавост, лигавост, мъглявост, мършавост, недъгавост, пухкавост, сипкавост, чорлавост, рунтавост*. В русском языке имен на *-ость* гораздо меньше, потому что и самих прилагательных на *-ав-* мало.

Отсутствие отвлеченных существительных от указанных прилагательных можно объяснить причинами семантического и стилистического характера. Во-первых, субстантивная основа прилагательного имеет почти во всех случаях конкретное значение. К нему добавляется иногда еще одна особенность — обозначение отрицательных явлений и болезней (в болгарском языке). Попутно отметим, что во многих случаях отрицательный элемент семантики присутствует еще в субстантивной основе. Это наблюдается во всех существительных, называющих болезнь или состояние: *гуша, краста, охтика, огница, треска, шап*. От

прилагательных с такими основами образовано мало существительных на *-ост*. Напр. *гушавост* — "Най-много болни с гуша има в Благоевградски окръг. В някои селища на тези ендемични огнища *гушавостта* е засегнала повече от половината от населението." (РБЕ) Во-вторых, рассматриваемые прилагательные относятся преимущественно к разговорной лексике. Они принадлежат бытовой сфере языка, где имена на *-ост* меньше распространены.

2. 1. 15. Отсубстантивные прилагательные на *-к-*. В болгарском языке здесь суффикс *-ък*. Значение прилагательных "характеризующийся, обладающий тем, что названо мотивирующим словом". Рассматриваемых прилагательных немного и они мотивируются главным образом существительными с абстрактным значением: *гулкий, жаркий, низкий, знойкий* (обл.); в болг. *жежък, гръмък, жарък, хладък*. Имена на *-ость* в русском языке образуются почти от всех прилагательных на *-к-*: *вескость гулкость, знойкость, низкость, низость, пылкость*. Имен на *-ост* в болгарском языке от прилагательных на *-ък* мало: *громкост* (прилагательное *громък* заимствовано из русского языка) и *гръмкост*.

Отсутствие отвлеченных существительных можно объяснить наличием словообразовательных синонимов с другими суффиксами: *жаркий — жарынь*; в болг. *жежък — жежчина, хладък — хладина*.

2. 1. 16. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-л-*. Этот суффикс в современном русском языке выделяется только в прилагательных *круглый и светлый*, от которых образуются имена на *-ость*. В болгарском языке суффикс *-ъл* выделяется в слове кръгъл, от которого не зафиксировано абстрактное имя на *-ост*.

3. Анализ деривационных возможностей отсубстантивных прилагательных при образовании имен существительных со значением отвлеченного признака с суффиксом *-ость* в русском языке и суффиксом *-ост* в болгарском позволяет сделать следущие выводы:

3. 1. Качественная семантика прилагательных является предварительным условием при образовании отвлеченных существительных с указанным суффиксом. Но она только в общих чертах предопределяет возможность присоединения суффикса к основе прилагательного.

В исследовании были выявлены особенности семантики отдельных типов отсубстантивных качественных прилагательных, которые мешают появлению отвлеченных существительных с качественным значением. Таким образом, не участвуют в образовании указанных существительных:

а) некоторые прилагательные со значением "подобный тому, что названо мотивирующим словом", а именно:

— прилагательные с суффиксом *-оват* — в русском языке: *вихреватый, кустоватый, клочковатый*.

— прилагательные с суффиксом *-овит* в болгарском языке: *биковит, стреловит*.

— прилагательные с суффиксом *-ав/-яв* в болгарском языке: *кестеняв, пепеляв, резедав.*

б) некоторые прилагательные со значением "наличие предмета, названного производящим существительным, в качестве негативного признака" и особенно оттенок "больной чем-то":

— прилагательные с суффиксом *-ав* в болгарском языке: *жълтеничав, крастав, огничав.*

в) некоторые прилагательные со значением "характеризующийся интесивно выраженным внешним признаком":

— прилагательные с суффиксом *-аст-* в русском языке: *головастый, лобастый, рукастый.*

— прилагательные с суффиксом *-ест* в болгарском языке: *бедрест, главест, класест.*

— прилагательные с суффиксом *-ист-* в русском языке: *гривистый, лапистый, лбистый.*

3. 2. Образование имен существительных со значением отвлеченного признака от относительных прилагательных обычно связано со сдвигом в семантике прилагательного, с переходом его в разряд качественно-относительных прилагательных. Качественное значение является результатом переносного употребления относительного прилагательного. Сравни: *книжный — книжность, казарменный — казарменность, парадный — парадность;* в болг. *жертвен — жертвеност, книжен — книжност, параден — парадност.* Здесь особое место занимает субстантивная основа прилагательного. Ее конкретная семантика во многих случаях является помехой при образовании слов на *-ость* в русском языке и *-ост* в болгарском. И наоборот, абстрактная семантика благоприятствует появлению этих слов.

3. 3. Для относительных прилагательных, участвующих в терминологическом словообразовании, качественная семантика не является ограничивающим фактором. Многие слова-термины на *-ость* в русском языке и на *-ост* в болгарском обозначают не отвлеченный признак, а 'количество' или 'наличие': *водность, снежность, этажность;* в болг. *езерност, етажност, спиртност.* Эти слова семантически мотивируются существительными.

3. 4. Факторы, ограничивающие образование слов на *-ость* в русском языке и *-ост* в болгарском во многих случаях выступают одновременно. Например, семантические и стилистические ограничения при образовании отвлеченных имен от прилагательных на *-аст-* и *-ист-* в русском языке, а также на *-ав* и *-ест* в болгарском; формальные и семантические ограничения при прилагательных на *-ск-* и *-ов-* соответственно в русском и болгарском языках.

3. 5. Наличие имен существительных со значением отвлеченного признака на *-ость* в русском языке и *-ост* в болгарском от прилагательных, при которых существуют ограничения, свидетельствует о том, что эти ограничения могут преодолеваться, когда возникает необходимость показать качество как предмет. Сравни: *мальчишескость, категорийность, телевизионность;* в болг. *мотивност, пенсионност,*

притчовост. Это говорит о широких деривационных возможностях рассматриваемых прилагательных.

3. 6. При сопоставлении русского языка с болгарским было обнаружено больше сходств, чем различий. Сходства касаются тех общих тенденций, которые были выявлены раньше. Различия связаны обычно с наличием /отсутствием или количеством некоторых отвлеченных имен, что зависит от словообразовательного типа соответствующего прилагательного (например, прилагательные на *-аст-* отсутствуют в болгарском языке и наоборот, прилагательные на *-ест* присутствуют только в болгарском, прилагательных на *-ав-* в русском языке гораздо меньше, чем в блолгарском, а прилагательных на *-оват-*, *-ист-* гораздо больше в русском).

СОКРАЩЕНИЯ

БАС – Словарь современного русского литературного языка Академии наук СССР в 17-ти томах. М., Л., 1948 – 1964.

МАС – Словарь русского языка Академии наук в 4-х томах. М., 1981 – 1984.

РБЕ – Речник на българския език. Т. 1 – 4. С., 1977.

НСЗ – 1971; НСЗ – 1984 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы. М., Сов. Энциклопедия.

Б-Рптх – Болгарско-русский политехнический словарь. М. – С. 1975.

Р-Бптх – Русско-болгарский политехнический словарь, М. – С., 1976.

ЛГ – "Литературная газета"

ОФ – "Отечествен фронт"

БИБЛИОГРАФИЯ

[1] Пятницкий, В. Д. Семантико-словообразовательная соотностительность качественных прилагательных и отвлеченных существительных с качественным значением в русском языке. (См. библиографию М., 1969)

[2] Лекова, И. Абстрактни съществителни в основния речников фонд на българския език в сравнение с лексиката на другите славянски езици. – Изв. Инст. бълг. ез., 1954, № 3; Димчева, К. За някои абстрактни съществителни на -ост. – Български език, 1963; № 2; Минкова, С. Опит за класификация на съществителните имена с отвлечено значение. Език и литература, 1968, № 5; Стефанова, С. Абстрактните съществителни имена в публицистиката на Л. Каравелов и Хр. Ботев. Канд. дисертация. В. Търново, 1979.

[3] Пятницкий, В. Д. Указ. соч.

[4] Хохлачева, В. Н. Проблема словообразовательного значения (к понятию нормы в словообразовании). Грамматика и норма. М., 1977, с. 30.

[5] Сопоставительное изучение русского языка с чешким и другими славянскими языками, М., 1983, с. 6; Буланин, Л. М., Стоева, Т., Червенкова, И. Вопросы сопоставительного описания русского и болгарского языков. Фонетика и лексика. С., 1982.

[6] Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 399.

[7] Гюнтер, Э. К некоторым вопросам сопоставительного изучения словообразования. – Болгарская русистика, 1984, № 6, с. 49.

[8] Там же.

[9] Клобукова, Л. П. — О факторах словообразовательной активности русского прилагательного. — Русский язык в школе, 1981, № 4, с. 74.

[10] Русская грамматика. Т. 1, М., 1980; Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология., С., 1983.

[11] Павлов, В. М. О разрядах имен прилагательных в русском языке. — Вопросы языкознания, 1960, № 2, с. 69.

[12] Георгиевская, Л. Окачествление относительных и притяжательных прилагательных в современном русском языке. Дипл. работа. В. Търново 1981.

[13] Зализняк, А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 90.

[14] Шанский, Н. М., Тихонов, А. Н. — Современный русский язык. Словообразование. Морфология, М., 1981, 129—130.

[15] Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, 194—204.

[16] Там же, с. 197.

[17] Пятницкий, В. Д. Указ. соч., 14—15.

[18] Хохлачева, В. Н. Указ. соч., 28—29.

[19] Там же, с. 27.

[20] Земская, Е. А. Указ. соч., с. 198.

[21] Пятницкий, В. Д. Указ. соч., с. 15.

[22] Там же, с. 15.

[23] Земская, Е. А. указ. соч., с. 203.

[24] Бакина, М. А. Имена прилагательные как производящие основы современного словообразования. — В: Развитие словообразования современного русского языка, М., 1966, с. 72.

[25] Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981, с. 19.

[26] Даниленко, В. П. Русская терминология. М, 1977, с. 111.

[27] Шанский, Н. М., Тихонов. А. Н. Указ. соч., с. 128.

[28] Васильева, А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. Русский язык, М., 1976, с. 100.

[29] Бакина, М. А. Указ., соч., с. 67.

[30] Там же, с. 68.

[31] Словообразование современного русского литературного языка. Русский язык и советское общество. М., 1968, с. 139.

[32] Бакина, М. А. Указ. соч., с. 68.

[33] Виноградова, В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М,., 130—131.

[34] Бакина, М. А. Указ. соч., с. 66.

[35] Виноградова, В. Н. Указ. соч., 130—131.

[36] Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., 1964, с. 348.

[37] Бакина, М. А. Указ. соч., с. 69.

[38] Митев, Д. Словообразование суффиксальных отсубстантивных прилагательных в русском и болгарском языках. Канд. дисс. Шумен, 1983, с. 307.

[39] Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972, с. 176.

[40] Селимски, Л. Образуване на прилагателните с наставки в български текстове от 17—18 век. Канд. дис. В. Търново, 1980, с. 437.

[41] Андрейчин, Л. Основна българска граматика. С., 1942, с. 328.

[42] Митев, Д. Указ. соч., 314—316; Селимски, Л. Указ. соч., 453—454.

ДЕРИВАЦИОННИ ВЪЗМОЖНОСТИ НА ОТСУБСТАНТИВНИТЕ ПРИЛАГАТЕЛНИ ПРИ ОБРАЗУВАНЕТО НА АБСТРАКТНИ СЪЩЕСТВИТЕЛНИ ИМЕНА С НАСТАВКА -О С Т Ь В РУСКИЯ И -О С Т В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК

Р е з ю м е

В работата се разглежда въпрос, свързан със словообразуването на съществителните имена с качествено значение.

Тъй като имената на -ость в руски език и на -ост в български представляват най-продуктивния тип на посочените съществителни, ние си поставяме задачата да анализираме деривационните възможности на произвеждащите ги прилагателни. В хода на изследването се установява кои от прилагателните свободно присъединяват посочения суфикс и при кои се срещат ограничения. Предмет на анализ са отсубстантивните прилагателни.

Работата допълва направеното в руския език в тази област. В българския език въпросът почти не е разглеждан.

Изследването е построено в съпоставителен план с изходен език — руски. Резултатите могат да намерят приложение в практиката на обучението по руски език на българска аудитория, при превода и в лексикографията.

DERIVATIVE ABILITIES OF ADJECTIVES TO FORM ABSTRACT NOUNS WITH THE SUFFIXES -О С Т Ь IN RUSSIAN AND -О С Т IN BULGARIAN

Summary

The paper deals with the problems of forming nouns of qualitative meaning by means of suffixes in Russian and in Bulgarian. The most productive suffixes of this type are -ость in Russian and -ост in Bulgarian. The author analyses the combinative abilities of the adjectival roots and points out which adjectives can be freely combined with those suffixes and which cannot.

The problem is discussed on a contrastive basis. The conclusions can be of importance to the practice of translation, lexicography and teaching Russian to Bulgarians.

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
"СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
Том 23, кн. 2 ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ 1992

TRAVAUX DE L'UNIVERSITÉ "CYRILLE ET MÉTHODE"
DE V. TIRNOVO
Tome 23, livre 2 FACULTÉ PHILOLOGIQUE 1992

ПЕРЕНОСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ОДНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ ЗВУЧАНИЯ В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

МИЛЕНА РАЙЧЕВА

FIGURATIVE MEANINGS OF VERBS OF SOUNDS IN BULGARIEN AND IN RUSSIAN

MILENA RAITCHEVA

Велико Търново, 1992

В то время как в болгарской лингвистической литературе лексико-семантической группе глаголов звучания уделено мало внимания (имеется небольшое количество исследований, в которых этот вопрос разработан частично[1]), в советской лингвистике этим глаголам посвящены не только отдельные статьи, но и крупные научные труды (монографии и диссертации). Круг вопросов, являющихся объектом внимания советских лингвистов в этих исследованиях, следующий:

1. Общая характеристика лексико-семантической группы[2].

2. Лексико-семантическая группа глаголов звучания и вопросы словообразования[3].

3. Взаимосвязи группы глаголов звучания с глаголами других лексико-семантических групп[4].

4. Семантика русских глаголов группы глаголов звучания[5].

В последнее время появились в печати и некоторые работы, являющиеся попытками сопоставительного[6] исследования глаголов указанной группы. В них глаголы звучания рассмотрены как исходная база для образования отглагольных существительных действия, исследованы также и некоторые лексико-семантические связи этих глаголов.

Глаголы с основным значением "издавать звук /звуки/ или голос, типичный /-ые/, характерный /-ые/ для живой природы"являются частью глаголов звучания, выделенных из большой группы глаголов самопроявления[7]. Эти глаголы можно выделить на базе наличия следующих семантических признаков: 1. самопроявление, 2. связь с природой, 3. одушевленность, 4. звук или голос, 5. субъектность, где общим или интегральным семантическим признаком выступает самопроявление, а индивидуальным — субъектность.

Глаголы лексико-семантической группы звучания живой природы можно распределить по следующим трем подгруппам, исходя из того, что̀ является субъектом глагольного действия звучания:

а) глаголы звучания, обозначающие звуки, издаваемые животными (в узком смысле слова);

б) глагомы звучания, обозначающие звуки, издаваемые птицами;

в) глаголы звучания, обозначающие звуки, издаваемые насекомыми.

Субъектно-предикативные отношения между глаголами, обозначающими звучание голоса животных, птиц, насекомых, и именами существительными, названиями производителей звуков, дают основание

отнести иногда один и тот же глагол к одной, к двум или даже к всем группам.

Предметом исследования в настоящей работе будут бесприставочные глаголы, обозначающие звуки, издаваемые животными (в узком смысле слова).

Определенная семантика объединяемых в анализируемую тематическую группу слов является предпосылкой ее четко очерченных границ. Это глаголы с основным значением "издавать звук /звуки/ или голос, типичный /-ые/, характерный /-ые/ для какого-либо животного. Среди них нет глагола с наиболее общим, всеохватывающим значением. За пределами группы останутся глаголы, обозначающие звуки, издаваемые человеком. В эту группу не будут входить глаголы, основным значением которых является самопроявление живой природы, а субъектом звучания при глаголе в основном значении может быть не только животное, но и человек (напр. русские глаголы *кричать*, *орать* и т. п.). Не будут членами группы и такие глаголы, как русский глагол *чиркать*, где интересующее нас значение является третьим номинативно-производным значением (хорек *чиркает*), а основное значение глагола — это самопроявление неживой природы (каузатор звучания — человек: *чиркать*, *чиркнуть* спичкой, спичку). Вне названной группы останутся и глаголы с основным значением "издавать звук /звуки/, типичный /-ые/ для неживой природы", при которых субъектом звучания может быть также и название животного (болг. *скърцам — кола*, *мишка*). В указанную тематическую группу входит 91 болгарский и 57 русских бесприставочных глаголов.

Глаголы указанной тематической группы широко употребляются в обоих языках не только в своих прямых, но и в переносных значениях. Следовательно, открытым является также вопрос о сопоставительном исследовании переносных значений этих глаголов в обоих родственных языках.

В настоящей работе ставится задача произвести семантический и сопоставительный анализ переносных значений, появившихся у глаголов указанной тематической группы с целью выявления сходств и различий болгарских и русских глаголов и дать классификацию этих значений. Решение этих задач бросит свет на связь между словообразованием и семантической (внутренней) деривацией, обогатит теорию сопоставительного изучения языков и теорию обучения, кроме того найдет применение в переводческой практике (при переводе с болгарского и русского языков), а также в процессе обучения болгар русскому и русских болгарскому языку.

В указанную тематическую группу входят не только однозначные, но и многозначные болгарские и русские глаголы, Слово многозначно, если оно имеет не одно, а два или больше значений. Например болгарский глагол *джавкам* — двузначный, а русский *шипеть* — че-

тырехзначный. Многозначность или "полисемия как лексическая категория — это семантическое отношение внутренне связанных (мотивированных) значений, выражаемых формами одного слова (одной лексемой) и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим позициям этого слова"[8]. Полисемия налицо, когда одна и та же языковая форма выражает разные, но связанные между собой значения[9]. Наряду с образованием новых слов с помощью словообразовательных средств языка и заимствованием слов из других языков многозначность или полисемия является одним из этих трех путей обогащения словарного состава языка, ибо указанные выше другие два пути оказываются недостаточными. Беспредельность конкретности опыта и ограниченность ресурсов даже самого богатого языка вынуждают язык "разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей"[10]. Многозначность можно объяснить не единственно необходимостью в средствах называния новых понятий. Исключительно важную роль играют здесь и эмоциональный фактор, и стремление к поиску новых свежих языковых средств для достижения образности и для выражения чувств[11].

Вместе с получением новых значений слово приобретает новые синтагматические связи, входит в другой контекст, который в свою очередь становится показателем изменения значения[12]. Напр. Двете кучета *ръмжат* неспокойно. Чорбаджиите зле *ръмжаха* против него (Д. Немиров); Овцы *мекали*; Не говорил, а *мекал* (Медын. Пов. о юности).

Многозначность снимается в контексте. Даже небольшого контекста бывает достаточно для превращения многозначного "слова в языке" в однозначно используемое "слово в речи"[13], поэтому многозначность не является препятствием точному пониманию. Именно контекст обусловливает употребление в каждом отдельном случае того или иного значения слова[14].

Между значениями многозначного слова на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия и функциональная общность) существуют определенные отношения, вследствие чего они объединяются в семантическое единство[15].

Современные толковые словари отражают прямые и переносные значения слов, различаемые по характеру предметно-понятийной соотнесенности.

Прямое значение "обычно первым возникает в сознании" говорящего при упоминании слова вне контекста, на первичных номинативных значениях строится основная коммуникативная функция языка. Слово существует в языке в течение веков[16] благодаря большой устойчивости первого номинативного значения[17]. Кроме основного номинативного значения слово может иметь несколько номинативных значений,

которые по отношению к нему являются производными, вторичными, связанными с основным номинативным значением, понимаемыми соотносительно с ним. Эти значения, названные В. В. Виноградовым номинативно-производными[18], нельзя смешивать и отождествлять с переносными значениями, тоже вторичными, производными, но отличающимися образностью. Общим между ними является то, что и те, и другие вторичные, возникшие или на базе прямых, или на базе переносных первичных значений[19].

В результате изменения сферы, применения слова, его перемещения в необычный для него контекст, в новое лексическое окружение и в связи с обновлением его функции наряду с прямым значением возникает новое, переносное значение,которое можно понять только в связи со значением окружающих его слов. Приобретя переносное значение, слово начинает называть предметы, явления или действия довольно отдаленные и различные от того значения предмета или действия, которое оно первоначально называло[20]. Помета "переносное", однако, как подмечает Д. Н. Шмелев, недвусмысленно указывает на несамостоятельность переносных значений, на их зависимость от значений, которые приводятся первыми в словарных статьях[21].

В советской и болгарской языковедческой литературе в определениях переносного значения выдвигаются на передний план различные, подмеченные языковедами, характерные для этого значения особенности, совокупность которых дает наиболее точное представление о том, что такое переносное значение.

Переносные значения — это производные значения или смысловые оттенки, мотивированные прямым значением, возникшие в результтате метонимической, метафорической ассоциативной зависимости или функциональной общности, значения, являющиеся лексикализованными употреблениями слов, частично вошедшие в систему общенародного языка.

Развитие переносных значений основывается на переносности как свойстве слов. Для обозначения этого их свойства и для обозначения самого исторического процесса получения новых значений путем переноса, введен термин переносность[22].

Переносные значения слов — результат непрямой или косвенной номинации. Предмет, свойство, действие обозначается через несущественные отраженные в наименовании, второстепенные признаки другого, уже обозначенного предмета[23].

В языке широко распространено явление использовать глаголы с конкретными значениями для обозначения более отвлеченных действий — явление, отмеченное исследователями как языковая метафора[24]. Глаголы звучания живой природы получают метафорическое значение глаголов речи.

Метафора, важнейший фактор создания переносных значений и переносности в языке, лежит в основе преобладающей части переносных

значений слов. Метафора (как и метонимия) обеспечивает сосуществование лексических единиц, возникших на разных этапах истории[25]. Большинство языковедов называет метафорой не только перенос слов с одного предмета на другой на основе их сходства, но и возникшее в результате переноса значение[26]. Слово, обозначающее некоторый класс предметов, явлений, действий или признаков, может употребляться для характеризации или номинации другого объекта, сходного с данным в каком-либо отношении. В таком случае это слово будет использоваться не по его прямому назначению, и вследствие этого произойдет преобразование его смысловой структуры[27].

Сходные признаки, устанавливаемые говорящим при сопоставлении внешних и внутренних качеств предметов, — это размер, объем, цвет, звук и другие их свойства (устанавливается сходство формы, функций, действий, осуществляемых предметами, сходство звучаний, впечатлений, сложных ассоциаций, порожденных воздействием предметов[28]).

Наличие какого-то образа, лежащего в основе переноса, обязательно[29], поэтому повторное употребление вновь создаваемых метафор, их вхождение в общее употребление, улавливание нового значения непосредственно, без сопоставления с первичным значением слова приводит к стиранию образности, к развитию у слов обособляющихся значений и выделению самостоятельных слов[30].

Как подмечает Н. Д. Арутюнова, к метафоризации значения способны среди имен предметов прежде всего конкретные существительные, а среди признаковых слов (глаголов, прилагательных, наречий) метафоризуются чаще всего слова, выражающие физические качества и действия[31]. По наблюдениям Д. Ивановой-Мирчевой в этом отношении имена прилагательные занимают первое, а существительные и глаголы — второе место. Кроме того больше всего переносных значений встречается в словах разговорного стиля языка, а также в поэтической и риторической лексике, потому что именно там образность и эмоциональность сильнее всего представлены[32].

Можно наметить следующие пять свойственных метафоризации факторов, по которым переносно-метафорическое значение отличается от прямого: "1. употребление слова в новой для него речевой сфере; 2. зависящие от этого перемещения новые синонимические связи, отличающиеся от синонимики слова, употребляемого в его прямом значении; 3. параллельное существование прямого и переносного значений; 4. элементы аналогии, сопоставления, которые служат основанием для переносных значений; 5. оценочная экспрессия, которая неизменно присутствует в каждом метафорическом выражении"[33]. Получив переносное значение, слово переходит в другое семантическое поле, в другой синонимический ряд, а также в другую антонимическую пару[34]. Например, переход глаголов звучания живой природы в лексико-семантическую группу глаголов речи, их новые синонимические и антонимические связи.

От переносного значения надо отграничить переносное употребление, не воспринятое другими носителями языка, имеющее индивидуальный характер. Индивидуально употребленные в речи отдельных лиц переносные значения слов (тропы), свойственные преимущественно языку художественной литературы, в словарях не зарегистрированы. В словарях отмечаются переносные значения, так как это "факты языка, обязательные для всех говорящих на данном языке"[35]. Каждое индивидуальное переносное употребление, оказавшееся удачным, удобным и ценным, воспринимается коллективом и становится всеобщим достоянием[36]. Переносные значения лексикализованы и обладают широкой употребительностью по сравнению с переносным употреблением[37]. Следовательно, в языковедческой литературе наблюдается разграничение двух основных групп метафор, различие между которыми у отдельных авторов состоит только в употреблении различных терминов по отношению к одним и тем же понятиям.

В смысловой структуре метафоры лежит элемент сравнения и сопоставления, благодаря чему создается образность речи, но метафора существенно отличается от сравнения. В метафорах наблюдается своеобразное внутреннее сопоставление, но в них не названы (как это наблюдается в сравнениях) два элемента: то, что сравниваем, и то, с чем сравниваем[38]. Метафора близка к сравнению, и она часто рассматривается как сокращенное сравнение. Признаковая метафора может быть выведена из сравнения: Ветер шумит так, как будто воет зверь. Ветер воет как зверь. Ветер воет. Метафора этого типа обычно служит источником полисемии[39]. Прекращение связи между переносным и прямым значениями и прекращение связи переносного значения с другими словами контекста приводит к тому, что оно превращается в новое, другое самостоятельное значение слова наряду с первым. В результате этого слово становится носителем нескольких отдельных номинативных значений, находящихся в смысловой связи между собой[40].

Приобретая переносные метафорические значения, некоторые однозначные глаголы звучания живой природы становятся многозначными словами. Какие глаголы звучания живой природы получают переносные значения, каковы эти значения, каково соотношение между однозначными и многозначными глаголами? Эти вопросы ждут своего решения.

Источниками настоящего исследования послужили: 1. Речник на съвременния български книжовен език (РСБКЕ). Т. 1—3. С. 1955, 1957, 1959; Речник на българския език (РБЕ). Т. 1—4. С., 1977, 1979, 1981, 1984; Словарь современного русского литературного языка. (ССРЛЯ). Т. 1—17 М.—Л. 1950—1965; Словарь русского языка (СРЯ). Т. 1—4 М., 1981—1984; 2. тексты художественных произведений болгарских и советских писателей; 3. картотека Ин-та болгарского языка; 4. данные устной речи[41].

В ходе работы над исследованием были использованы и следующие

словари: 1. Български тълковен речник (Л. Андрейчин и др.) С., 1973; 2. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език (проф. д-р С. Младенов). С., 1941; 3. Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век (С. Илчев и др.) С., 1974; 4. Речник на езика на Хр. Ботев (С. Божков и З. Генадиева). Т. 1, А—К. С., 1960; 5. Български тълковен речник с оглед към народните говори (проф. д-р С. Младенов). Т. 1, А—З. С., 1951; 6. Български етимологичен речник (В. Георгиев и др.). Т. 1, А—З; 2, И—К; 3, Л—Я; С., 1971, 1979, 1980—1985; 7. Речник на българския език (Н. Геров), фототипическое издание, Т. 1—5 и дополнение, С., 1975—1978; 8. Болгарско-русский словарь /проф. С.Б.Бернштейн/. М. 1966; 9. Руско-български речник (Д. Божков и др.) 2. изд. Т. 1, А—О. С., 1986.

Надежность исследования обеспечивалась тем, что при обнаружении соответствий в прямом значении был использован в качестве отправного сначала болгарский, а после этого и русский язык, и результатами этого явились русские соответствия болгарским глаголам и соответственно — болгарские соответствия русским глаголам, совпадающие в своем большинстве.

В тематическую группу глаголов, обозначающих звуки, издаваемые животными, входят следующие болгарские глаголы: *баýкам, баýча, бафвам/бафна, бафкам, бахýкам, блейвам/блеяна, блейкам/блея, бляквам/блéкна, вищя̀, вия, врéча, врещя̀, врякам, вря̀квам/вря̀кна, вря̀кнувам, вря̀свам/вря̀сна, вря̀снувам, врéснувам/врéсна, вря̀скам, гáвкам, гáвна, грýкам, грýхам, грухвам/грухна, грýхкам, грухтя̀, гýцам, джаýкам, джáфвам/джáфна, джáфкам, дихтя̀, квакам, кваквам/квакна, квикам/квикна, квичá, кляфкам, кляфна, крякам, кряквам/крéкна, кявна, кяфкам, лаввам/лавна, лая, мéча*[42], *мукам, муквам/мукна, мучá, мъркам, мякам, мяукам, мяýча, мя̀цам, писукам, прухтя, пръхам, пръхкам, пръхтя̀, пърхам, ревá, рéввам/ревна, рúкам, ръмжá, скимтя̀, съсвам/съсна, съскам, хахарижа*[43], *цвúлвам/цвúлна, цвúля, цвъртя̀, цвърчá, цръквам/цръкна, църкам.*

С точки зрения стиля, в котором употребляется тот или другой глагол, эти глаголы можно распределить следующим образом: к разговорной речи относятся глаголы *баýкам, баýча, бафвам/бафна, бафкам, кляфна.* Диалектными, по данным словарей, являются глаголы *бахýкам, бляквам/блекна, вищя̀, врéча, гавкам, гавна, грукам, грухам, грухвам/грухна, грухкам, гуцам, дихтя̀, кявна, прухтя.* Редко употребляется глагол *джаýкам*, а устаревшим является глагол *рúкам.* Остальные глаголы нейтральные.

В русском языке эту подгруппу составляют следующие глаголы: *блеять, брехать/брехнуть, бякать/бякнуть, визжать/визгнуть, ворчать, выть, вякать/вякнуть, гавкать/гавкнуть, гамкать/гамкнуть, гоготать, гукать/гукнуть, игогокать, квакать/квакнуть, курыкать* (о кошке), *лаять/лайнуть, мекать/мекнуть, мемекать/мемекнуть, мурлы*

кать, мурчать, мычать/мыкнуть, мяукать/мяукнуть, пищать, пырскать/пырснуть, реветь, реготать, ржать, рыкать/рыкнуть, рычать, рявкать/рявкнуть, скулить, турлыкать, тявкать/тявкнуть, уркать/уркнуть, хоркнуть [44], *хрюкать/хрюкнуть, цвыркнуть, шипеть, юзжать/юзжать.*

Просторечными из них являются следующие глаголы: *гамкать/гамкнуть, игогокать, мекать/мекнуть* [45], *мемекать/мемекнуть,* пырскать/пырснуть, реготать. Со стилистической пометой "областное" даны глаголы *курныкать, уркать/уркнуть, юзжать/юзжать.* Не только просторечными, но и областными являются глаголы *брехать/брехнуть, бякать/бякнуть, вякать/вякнуть, гавкать/гавкнуть.* Не только областным, но и устаревшим словом является глагол *мурчать.* Глагол *турлыкать* употребляется в разговорной речи.

Некоторые глаголы, члены указанной подгруппы, не будут рассматриваться в сопоставительном плане по следующим причинам: а) диалектным, областным и устаревшим словам трудно подыскать точные соответствия; б) соответствия некоторым глаголам находим не среди глаголов той же самой подгруппы в другом языке, а среди глаголов звучания живой природы, где субъектами действия звучания при глаголе в его основном значении выступают наряду с животными и люди [46]; в) болгарским глаголам совершенного вида типа *бафна, блейна, блекна,* и т. п. в некоторых случаях соответствуют русские глаголы с суффиксом *-ну- (тявкнуть),* в других случаях — приставочные глаголы с приставками *за-, про- (заблеять, проблеять),* вносящими наряду со значением совершенного вида и добавочный оттенок в семантику, поэтому нельзя считать их точными соответствиями болгарским глаголам; г) иногда болгарским бесприставочным глаголам соответствуют префиксально-суффиксальные образования в русском языке, напр. *пръхкам — посапывать, похрапывать,* что заставляет нас выйти за рамки исследуемого языкового материала.

В работе подход к фактам языка и речи в обоих языках ономасиологический — от значения к форме — от плана содержания к плану выражения. Методы исследования — семантический и сопоставительный анализ.

По данным словарей среди анализируемых болгарских глаголов есть 70 однозначных, 16 двузначных, 2 трехзначных и 3 четырехзначных. И так, многозначных болгарских глаголов 21, однозначных намного больше — 70. Двузначными являются: *бафвам/бафна, блея, джафкам, квикам, крякам, кряквам/крѐкна, лая, мукам, мъркам, пърхам, ръмжа, скимтя, съскам, църкам.* Из них переносное значение имеет 8 глаголов: *блея, джафкам, квикам, крякам, лая, мукам, ръмжа, съскам.* Трехзначные *врещя* и *вряскам* и четырехзначные *вия, врякам, рева* не имеют переносного значения.

Среди анализируемых русских есть 22 однозначных глагола. Из них 2 глагола (*квакать* и *мурчать*) имеют переносный оттенок значения.

Считаются эти два глагола однозначными, поскольку этот смысловой оттенок остается в пределах одной семемы[47]. Двузначных глаголов — 29. 12 двузначных глаголов не имеют переносного значения. Это следующие глаголы: *брехать/брехнуть, бякать, визжать/визгнуть, ворчать, выть, гоготать, курнькать, пищать, реготать и рычать*. Оттенок второго номинативного значения глагола *пищать* является переносным. 16 двузначных глаголов имеют кроме прямого значения и второе значение, являющееся переносным; *лаять, мекать/мекнуть, мурлыкать, мычать/мыкнуть, ржать, рыкать/рыкнуть, рявкать/рявкнуть, скулить, тявкать/тявкнуть, уркать/уркнуть*. Переносным является оттенок второго номинативного значения глагола *бякнуть*. Трехзначных глаголов — 5 *(вякать/вякнуть, пырскать/пырскнуть, реветь)*, не имеющих переносного значения, за исключением глагола *реветь*, где переносным является оттенок первого значения. Единственный четырехзначный глагол — это глагол *шипеть*. Переносным является оттенок четвертого номинативного значения этого глагола.

Звукоподражаниями[48] мотивированы следующие 39 болгарских глаголов: *баўкам, баўча, бахўкам; бафвам/бафна, бафкам; блея; джафвам/джафна, джафкам, джаукам; врякам, вряквам/врякна; грукам, грухам, грухвам/грухна, грухкам, грухтя; квакам/квакна; квикам/квикна, квиквам, квича; мукам, муквам/мукна, муча; мяукам/мяуча, мякам, мяцам, ръмжа, съсвам/съсна, съскам, църкам*. В русском языке звукоподражаниями мотивированы следующие 27 глаголов: *блеять, бякать/бякнуть, гавкать/гавкнуть, гоготать, игогокать, квакать/квакнуть, мекать/мекнуть, мемекать/мемекнуть, мурлыкать, мурчать, мычать/мыкнуть, мяукать/мяукнуть, рыкать/рыкнуть, рычать, тявкать/тявкнуть, хрюкать/хрюкнуть, шипеть*.

Следующие производные болгарские глаголы, мотивированные зву- коподражаниями, однозначные: *баукам, бауча, бахукам (бау; бауу-у;. бау-бау) бафкам (баф; баф-баф), джафвам/джафна, джаукам (джаф; джаф-джаф; джаф-джаф-джаф), вряквам/врякна (вряк; вряквряк), грукам, грухам/грухвам/ грухна, грухкам, грухтя (грух, грухгрух), квакам, кваквам/квакна (ква-ква), квиквам/квикна, квича (кви; квикви), муквам/мукна, муча/мууу; мяукам, мяуча, мякам, мяцам (мяу); съсвам/съсна (с-с-с)*. Прямое значение производных, мотивированных звукоподражаниями, перечисленных выше однозначных, двузначных *бафвам/бафна, блея, джафкам, квикам, мукам, ръмжа, съскам*, трехзначного *църкам* и четырехзначного *врякам* непосредственно мотивировано единственным, не употребляющимся в переносном значении, значением производящего звукоподражания. Это относится и к прямому значению следующих русских производных глаголов, мотивированных звукоподражаниями, однозначных: *гавкать/ гавкнуть (гав), игогокать (и-го-го), квакать/квакнуть (ква; квак), мекнуть (ме), мемекать (ме-ме), мурчать (мур-мур), мяукать/мяукнуть (мяу), хрюкать/ хрюкнуть (хрю,*

хрю, хрю); двузначных: *блеять, бякать/бякнуть (бя, бе), гоготать (го-го-го), мекать(ме), мурлыкать (мур-мур), мычать/мыкнуть (му-му), рыкать/рыкнуть, тявкать/тявкнуть* и четырехзначного *шипеть*.

Переносное значение болгарских производных двузначных глаголов *блея, джавкам (джаф; джаф-джаф; джаф-джаф-джаф), квикам (кви; кви-кви), мукам (мууу), ръмжа, съскам (с-с-с)* и трехзначного *църкам* мотивировано их (производных) прямыми значениями. Оно не может быть мотивировано переносным значением производящих их звукоподражаний, поскольку эти звукоподражания переносными значениями не обладают[49]. Переносное значение двузначных производных русских глаголов: *блеять, бякнуть, мекать/мекнуть, мурлыкать, мычать, рыкать/рыкнуть, тявкать/тявкнуть*, как и переносный оттенок однозначных глаголов *квакать/квакнуть, мурчать*, двузначного *бякнуть* и четырехзначного *шипеть* мотивировано их (производных) прямыми значениями.

Остальные 50 болгарских и 29 русских глаголов анализируемой группы можно рассматривать как производные, несмотря на отсутствие производящего слова. Звукоподражание, обладающее большой экспрессивностью, часто выступает в функции сказуемого, однако глагол, будучи активнее и имея своей типичной функцией функцию сказуемого, вытесняет звукоподражание, делая его ненужным. Следовательно, налицо производное слово при отсутствии производящего, хотя и возможно его (производящего) восстановление путем деривации. Из этих глаголов переносными значениями или оттенками обладают следующие глаголы в болгарском языке: *лая, рева, цвиля*, а в русском: *лаять, пищать, реветь, ржать, рявкать, скулить, уркать/уркнуть*.

В сопоставительном плане в рамках указанной тематической группы картина наличия или отсутствия вторичных производных значений у глаголов звучания следующая:

блея (X[50] — человек)

РБЕ: блея 2. Перен. Разг. Пренебр. Смотреть рассеянно, несосредоточенно, зевать по сторонам. Трябва да внимаваш какво ти говоря,а не да *блееш**.

Речник на езика на Хр. Ботев, т. 1: блея Перен. Ирон. Говорить или писать. Това безумно животно, което твърде често *блее* в православно-идиотическия "Век", е достигнало да се презира даже и от най-калните личности. (Зн. I, 4.)*

блеять (X — человек)

Переносное значение этого глагола не зафиксировано в толковых словарях русского языка. По наблюдениям Р. Г. Карунц, учитывающей факты речи, глаголы б л е я т ь, *верещать, гавкать, квакать, кудахтать, лаять, мемекать, мурлыкать, мяукать, стрекотать* нередко употребляются для характеристики речи[51].

Переносное значение глагола *блеять* можно сформулировать так: *блеять* 2. Перен. Разг. Гово-

Днес на болградчане... се запрещява даже и *да блеят* на своя варварски език. (Нез. IV, 47.) *БТР 1973 : блея 2.* Перен. Издавать голос, подобный голосу овцы, барана или ягненка. *БТР с оглед към народните говори, т. 1: блея* ~ Перен. О человеке: вставать, идти вслед за кем-нибудь как овца, глупеть; говорить бессмыслицы. Човечеството в грубите стари времена *е блеяло* след няколко шарлатани.

рить голосом, напоминающим блеяние овцы, блеющим голосом. Надо проблеять голосом Зеленской: "Ничего у нас с вами не получится!" Говорят, у меня это здорово выходит. Я "блею", и тетя Варя смеется. И я тоже смеюсь. (Инна Гофф, Юноша с перчаткой.)**

Болгарский глагол *блея* приобрел метафорическое значение а) глагола речи; б) глагола зрительного восприятия (дифференциальный признак – ДП – "рассеянно", "несосредоточенно"); в) глагола движения с ДП "покорно", "безропотно", "с глупым выражением лица". Русский глагол *блеять*, расширяя свой смысловой объем и приобретая переносное значение, переходит единственно в лексико-семантическую группу глаголов речи. Это значение русского глагола не зафиксировано в словарях. Объем переносного значения болгарского глагола блея шире, чем объем переносного значения русского глагола блеять.

Джафкам (Х – человек; предмет неодушевленный)

РБЕ: 2. Перех. Перен. Разг. Нападать на кого-либо, придираться к кому-либо. – Брей че усойници! – разсърди се невястата на Къню Бесарабски. – Не гледат техните си мръсотии, зер всичко им е в ред, а взели не я *да джафкат.* (А. Гуляшки, Село Ведрово, 247.)***

Като някакво беззъбо пале *джафка* и едно вестниче, наречено "Глас на българите" (понеже постоянно пише против българския народ). (А. Тодоров, РД XXII, 236)***

В переносном значении глагол *джафкам* приобретает переходность.

джафкам се – взаим. от *джафкам* во втором значении. Графа.

тявкать (Х – человек)

ССРЛЯ: 2. Перен. Простореч. Браниться, кричать.

СРЯ: 2 Перен. Груб. прост. Ворчать, браниться.

В СРЯ это значение дано как оттенок единственного значения глагола *тявкать*.

Я крепко обругал веселых зрителей, это не обидело их, а кто-то примирительно заметил: – Чего *тявкаешь*? Тебя не помоями облили, а чистой водой. (М. Горкий, Зрители)* – Ты не *тявкай*, барбосик! – озорно крикнул он Гараське... – Я не не барбосик!.. – с обидой воскликнул Гараська... (Гладков, Лихая година.)*

Глагол *тявкать* непереходный. Употребление в контексте слов как собака, барбос, ще-

Слушайте, ако ще *се джафкате* с м е н е по такъв безцеремонен начин, готов съм да ви оставя! (Др. Асенов, Изпити, 46—47.)***

к о к и под. служит для подчеркивания связи переносного значения с прямым значением глагола.

Глаголы *джафкам* и *тявкать*, приобретая одинаковые переносные значения, переходят в разряд глаголов речи. Болгарский глагол *джафкам* в отличие от русского *тявкать* приобретает и переходность.

квакам

Отсутствие примеров в наличном языковом материале не дает основания утверждать с уверенностью, употребляется ли глагол квакам в переносном значении глагола речи или нет.

Этот вопрос на данном этапе остается открытым.

крякам (о лягушке) *БТР 1973*: (Х — человек)

2. Перен. Ссориться, ругаться, браниться, кричать. Стига си крякал!*

квакать (Х — человек)

ССРЛЯ: 2. Перен. Просторе́ч. Говорить пустое, ненужное Раз при мне д в е м о д н ы е д а м ы приехали в один дом и начали *квакать*: "Как это не стыдно!.. Как это не стыдно!" (Писем. В водовороте.)*

На базе переносного оттенка единственного номинативного значения, оттенка, являющегося языковой метафорой, глагол *квакать* можно отнести к лексико-семантической группе глаголов речи.

Анализируемый языковой материал не свидетельствует о переносном употреблении болгарского глагола *врякам* (о лягушке). Из трех болгарских соответствий русскому глаголу *квакать* — *квакам, врякам, крякам* — только в глаголе *крякам* зафиксировано в словарях переносное значение, вводящее этот глагол в группу глаголов речи. В эту группу входит и русский глагол *квакать*.

лая (Х — человек)

РСБКЕ: 2. Перен. Разг. Пренебр. Говорить с ожесточением против кого-либо; нападать на кого-либо, бранить кого-либо.

То си е моя работа за кой мъж говоря, чу ли, к у ч е т а к о в а, дето *лаеш* срещу светия отец, поганец, антихрист... (Ст. Загорчинов, Ивайло, Избр. произв. т. III, 1969, 147.)*** — Е, не е лесно да си държавен човек — подхвърли му тя зад гърба. — Я не *лай*, к у ч к о! — сряза я той от вратата. (Б.

лаять — (Х — человек)

ССРЛЯ: 2. Перех. Перен. Устар. и просторе́ч. Бранить, ругать кого-либо. — А об Федоре ты не толкуй: со двора сгоню, ежели ты е г о *лаять* станешь. (Левит. Степн. выселки.)* — А хуже других..., срамил он и *лаял* к н я з я В а с и л и я В а с и л ь е в и ч а. (А. Н. Толст. Петр I)*

2. Произносить, выкрикивать ругательства, брань. Отвечает Георгий угрюмо: "Из ума старик,

Несторов, Ариф и Рамзина, 1960, 126)***
Цяла сутрин т о й *лая* к о м у н и с т и т е и накрая обеща на Иван да го направи кмет, щом спечелят изборите. (Хр. Пелитев,Хапят ли охлювите, 1965, 57.)***

видно, выжил, Коли лаешь безумные речи". (Пушк. Песня о Георгии Черном)*
Глагол *лаять* в переносном значении становится переходным глаголом, управляя винительным падежом без предлога. Приобретая переносное значение, этот глагол присоединяется к лексико-семантической группе глаголов речи.

В переносном значении глагол *лая* выступает как непереходный и как переходный глагол. Глагол может иметь при себе адресата действия и косвенный объект (*лая* н я к о м у з а н е щ о) — Пак ли з а т о в а м и *лаеш* бе, к м е т е? Аз да не съм слуга на околийския. (Ем. Станев, Иван Кондарев, 1958, 7.)*** Связь метафорического значения болгарского глагола *лая* с прямым значением поддерживается употреблением при глаголе слов к у ч е, к у ч к а, х р ъ т к а и под., использованных по отношению к человеку. Переносные значения глаголов *лая* и *лаять* совпадают.

мукам (Х — человек)

РСБКЕ: 2. Перен. Издавать протяжные звуки, похожие на мычанье коровы. Х а д ж и Г е н ч о... *мукал* своето любимо х ъ х ъ-х ъ. (Каравелов)* — Ти не си ж е н а, а к р а в а, само знаеш *да мукаш*. (К. Петканов, Нямата, Омайно биле, 253.)*** Най-много харесвах "Карамел му" и мислено си изсмуквах десетина парчета Даже нощем съм *мукал* к а т о т е л е, вика татко. (Г. Краев, Сто кубика тревоги, 13.)*** Публиката слушаше със затаено гърло; сетне се разплака с глас. Всички *мукаха* к а т о с т а д о, което се връща вечер — разказва на своя образен език един съвременник. (С. Радев, Строителите на съвременна България, II, 73.)*** Болгарский глагол наблюдается и в сравнительных оборотах. Употребленные в контексте слова к р а в а, т е л е, с т а д о и подчеркивают связь переносного значения с прямым значением.

мыкнуть
мычать (Х — человек)

ССРЛЯ: 2. Неперех. Перен. Издавать нечленораздельные звуки, похожие на мычанье коровы. О н жалко *мычит*, разевает рот, показывает пальцем на изувеченный язык. Вся улица знает, что ему вырезали язык турки. (Федин, Перв. радости.)*

2. Перех. Разг. Невнятно, обычно тихо говорить, бормотать что-либо. (Х *мычит* У) В У-е реализуется валентность содержания глагола мычать. О н было *мычал* ч т о-т о, но я, разумеется, не перебивал его слишком... (Черныш. Дневник.)* Мне было неловко за него, я *мычал* в ответ ч т о-т о неопределенное: да мол, что-то такое помню. (Шефнер, Лесное чудо.)*

Муча (Х — человек)
Не зафиксировано в толковых словарях болгарского языка следующее переносное значение глагола *муча*: Издавать нечленораздельные звуки, похожие на мычанье коровы (о человеке). П о п Д и м и т ъ р вдигна ръце, размаха ги, мига, *муча* — преведе всичко. (К. Атанасов, Лятото на гарваните, С, 1984, 126.)**

Русскому глаголу мычать соответствуют два болгарских глагола — *мукам* и *муча*. Получая переносное значение, глаголы *мукам* и *муча* остаются глаголами звучания. Непереходный глагол *мычать*, приобретая переносное значение, также остается в пределах группы глаголов звучания. Будучи переходным в разговорной речи, глагол *мычать* получает оттенок второго значения (переносного) и употребляется в качестве глагола речи. ДП "невнятно", "тихо".

мъркам (Х — человек)

В толковых словарях болгарского языка не зафиксировано переносное значение глагола *мъркам*. Отсутствующее в русском глаголе значение "издавать глухие продолжительные звуки, то же что *мрънкам*, *мърморя*" в РСБКЕ дано как второе номинативное значение. Первое номинативное значение глагола *мъркам* мотивировано первым значением не отмеченного в словарях многозначного звукоподражания *мър-мър* — 1. О кошке и овце (о звуках удовлетворения). Не зафиксированный в словарях переносный оттенок первого номинативного значения глагола *мъркам* мотивирован или первым производным значением этого глагола, или переносным оттенком первого значения звукоподражания ("издавая звуки, выражать удовольствие, удовлетворение" — о человеке): — Предлагаме да не се брои партерът! — извика някаква красива м а ц к а с кожено палто, одрала може би цял вълк, за да м у *мърка* в кожуха. (М. Иванов, Трендафил ле-

мурлыкать (Х — человек)

ССРЛЯ: 2. Перен. Разг. Еле слышно, невнятно напевать или говорить мягким, вкрадчивым голосом. С е к р е т а р ш а *мурлыкала* обыкновенно; Борташевич чуточку успокоился. (В. Панова, Времена года, 1983, 266.)** Кажется о н спросонья *мурлыкал* про себя ч т о - т о из своих любимых опер... (В. Катаев, Алмазный мой венец, 1981, 158.)** Ж е н а, словно в мирные времена, беззаботно хлопатала у своих кастрюль, чугунков и в добавок еще *мурлыкала* под нос м о т и в привычной песни. (В. Солоухин, Не жди у моря погоды, 175.)**

ти, 1981, 9.)*** Второе номинативное значение глагола *мъркам* мотивировано вторым значением звукоподражания (о человеке - о звуках недовольства, неудовлетворения).

В переносном значении, будучи переходным и непереходным, глагол *мурлыкать* выступает как глагол звучания или как глагол речи, в то время как болгарский глагол *мъркам*, получая указанный переносный оттенок первого значения, остается в группе глаголов звучания. Налицо несовпадение переносного значения глагола *мурлыкать* и переносного оттенка первого номинативного значения глагола *мъркам*. Второму номинативному значению болгарского глагола *мъркам* — "то же что *мрънкам, мърморя*" — соответствует переносный оттенок однозначного глагола *мурчать*. *ССРЛЯ*: *мурчать*, чу, чишь, несов., неперех. Устар. и обл. *Урчать*, выражая неудовольствие. О животных. Медведь *мурчит*. 1. Кот начал рвать мясо зубами и лапами, а сам *мурчит*, будто сердится: — Мау! Мау!.. (А. Н. Толст. Кот и лиса.) 2. Перен. Говорить недовольным тоном, ворчать. — Ну, и пущай, — *мурчал* Григорий, прикусывая пушистый волосок усины. (Шолох. Тих. Дон.)

рева

В словарных статьях болгарских толковых словарей не зафиксировано переносного значения глагола *рева*. Значение "издавать сильный шум" дано в качестве четвертого номинативного значения этого глагола (РСБКЕ). В ъ л н и т е край брега *ревяха* толкова силно. (Н. Райнов, Избр. произв. Т. I, 1969, 378/**

реветь (Х — предмет неодушевленный)

ССРЛЯ: 1. Издавать рев. О животных. 2. Перен. Производить громкие, протяжные звуки. О ветре, буре, море и т.п. Погода стояла холодная и бурная. М о р е *ревело*, перебрасывая волны через каменный мол. (Нов. — Прибой, Цусима, I, 1.)* Переносным является оттенок первого значения глагола *реветь*, совпадающий с четвертым номинативным значением болгарского глагола *рева*. Налицо разные подходы составителей словарей к идентичным фактам родственных языков.

Кроме глагола *реветь* болгарскому глаголу *рева* семантически соответствуют и глаголы *рыкать* и *рявкать*.

ССРЛЯ: *рыкать/рыкнуть* 1. Издавать рык. 2 Перен. Издавать резкие, отрывистые звуки, напоминающие рык животных. Х — предмет неодушевленный (гром, сирена, экскаватор и т. п.). Тревожно свистали маневрирующие вслепую паровики, внезапно *рыкали* с и р е н ы. (Б. Полев. Горяч. цех, 1.)* Стало темно. Далеко где-то еще, молча, но грозно, сверкнула молния и спустя секунду снова *рыкнул* г р о м. (М. Горький, Дед Архип и Ленька.)* 2. Перен. Простореч. Говорить грубо и отрывисто. Х — человек. Ты н а м е н я не *рыкай*, я еще не твоя жена!

(Вирта, Хлеб наш насущный, 2.)* Непереходный глагол рыкать употребляется в переносном значении а) в качестве оттенка первого номинативного значения в сочетании с названиями предметов неодушевленных, оставаясь в этом случае глаголом звучания, б) как второе самостоятельное значение этого глагола с субъектом — лицо. Это переносное значение глагола, встречающееся в просторечии, — значение глагола речи. ДП "грубо", "отрывисто".

рявкать/рявкнуть (Х — человек). *ССРЛЯ*: 2. Перен. Простореч. Кричать, говорить, петь и т. п. громким, грубым голосом. — На башню как подымется Да *рявкнет* и а ш: "Здо-ро-во ли Жи-вешь, о-тец И-пат?" — Так стекла затрещат. (Некр. Кому на Руси... II. Пролог.)* Следовательно, глагол *рявкнуть* может вводить прямую речь. Как только Стесселъ вышел из коляски, поручик так *рявкнул* к о м а н д у "смирно", что испуганные лошади шарахнулись в сторону. (Степан. Порт-Артур, I, 7.)* Он услыхал, что о т е ц н е к р и ч и т, а *рявкает* каким-то ужасным голосом и что вообще происходит какой-то ужасный переполох. (Эртель, Гарденины, II, 8.)* В переносном значении глаголы *рявкать/рявкнуть* выступают как переходные и как непереходные, являясь членами двух групп: а) группы глаголов звучания и б) группы глаголов речи.

ръмжа (Х — человек)

РСБКЕ: 2. Перен. Выражать злобу, ненависть, неудовольствие. Злобу, ненависть, неудовольствие, однако, можно выражать, говоря раздражительным тоном,неотчетливо и негромко, или издавая сердитый ровный звук.

Х о р а т а се интересуваха от политическите събития, говореха за борбите на работниците, *ръмжаха* срещу властта на чорбаджиите. (Г. Карасл. Избр. съч. 1, 1956, 150.)** Разбирам те много добре. Всички *ръмжите* против сроковете. Ама няма как. (А. Карасимеонов, Двойна игра, 1982, 191.)**

На основании значительного числа примеров, взятых из произведений болгарских писателей, можно судить о довольно частом употреблении глагола *ръмжа* в функции лексикализованной метафоры и в составе сравнительных оборотов.

Русские соответствия болгарскому глаголу *ръмжа — рычать* и *ворчать* по данным толковых словарей русского языка в переносном значении не употребляются.

ССРЛЯ: *рычать* 2. Неперех. Разг. Кричать, говорить грубым, раздраженным голосом. — Соли подавай! Хлеба! — изредка и грозно *рычал* П а н т е л е й П р о к о ф ь е в и ч, обводя домашних сверкающими глазами. (Шолох. Тих. Дон, VII, 8.)* ДП "грубый голос".

ССРЛЯ: *ворчать* 2. Говоря раздражительным тоном, негромко и неотчетливо, выражать неудовольствие, досаду т. п.; брюзжать (о человеке). — Знаем и сами, чего орешь? — недовольно *ворчит* С е р г е й... (М. Горький, На плотах, I.)* ДП "негромко" и "неотчетливо".

X — Предмет неодушевленный (море, булевард, мотор, камионетка, камион, автобус, самолет, контрабас и др.). Тази сутрин на морския бряг, /знай, морето от пяна гъмжи,/ Знай, м о р е т о сърдито *ръмжи*,... (Ив. Пейчев, Есен на брега, Избр. стихотвор., 1970, 79.)***

В переносном значении глагол *ръмжа* выступает глаголом речи или глаголом звучания. Он употребляется для выражения негативного отношения к действительности. Самостоятельное переносное значение болгарского глагола *ръмжа* совпадает со вторым номинативным значением русских глаголов *рычать* и *ворчать*. Снова сталкиваемся с разными подходами составителей словарей к идентичным фактам родственных языков.

скимтя

РСБКЕ: 2. Разг. Хныкать. Б о л н о т о д е т е в съседната стая плака дълго, *скимтя* и най-сетне утихна. (Дим. Талев.)*

В толковых словарях болгарского языка не зафиксировано переносного значения этого глагола. Двузначный глагол *скимтя* обладает двумя номинативными значениями.

скулить (X — человек)

ССРЛЯ: 2. Перен. Простореч. Докучать кому-либо жалобами; плакаться. Никогда ни К о р ч а г и н, ни О с т р о в с к и й не жаловались на свою судьбу, не *скулили*. (Н. Островский, О товарищеской критике.)* В трудную пору войны не *скулит*, не хнычет, не хуже других работает на производстве. (Жестев, Тархановы)*

Непереходный глагол *скулить* в переносном значении употребляется в просторечии в качестве глагола речи с отрицательным эмоциональным оттенком, в то время как болгарский глагол *скимтя* во втором номинативном значении остается глаголом звучания, а также получает значение глагола речи ("плачем, тихим голосом добиваться чего-либо, настойчиво просить о чем-либо"). Переносное значение глагола *скулить* и второе номинативно-производное значение глагола *скимтя* не совпадают.

съскам (X — человек)

РСБКЕ: 2. Перен. Говорить сквозь зубы от ненависти, злобы и гнева. Минех ли край тях, събрани пред някоя порта обаче, веднага млъкваха, но щом отминех, чувах как *съскат* като у с о й н и ц и зад гърба ми. (Чудомир, т. 2. 1980, 347.)** Виж го ти, ... думаше той, разлютен, като *съскаше* от злоба срещу омразния Младен. (Влайков, Съч., III, 101.)*** Пере-

шипеть (X — человек)

ССРЛЯ: 4. Разг. Говорить сдавленным от злобы, раздражения и т. п. голосом. Три примуса шипели в кухонном чаду, и т р и в е д ь м ы *шипели* у примусов. (В. Панова, Времена года, 1983, 348.)** 2. Перен. Выражать недовольство, злобствовать (обычно *исподтишка*). *X — человек. Осталось немало людей, которые до сих пор не могут примириться с фактом революции. О н и шипят*

носное значение присоединяет глагол *съскам* к группе глаголов речи. Этот глагол часто встречается в сравнительных оборотах, а может вводить также и прямую речь: Двамата млади високо се засмиват, а третият, ... и м *съска* да замлъкнат (Н. Хайтов, Шумки от габър, 1966, 88.)**

и злобствуют втихомолку. (Нов. — Прибой, Ухабы, 3.)* Переносное значение глагола *шипеть* является оттенком употребляемого в разг. речи четвертого номинативного значения этого глагола.

Налицо совпадение переносного значения двузначного болгарского глагола *съскам* с четвертым номинативно-производным значением русского глагола *шипеть* и с переносным оттенком четвертого номинативного значения того же самого глагола. Снова наблюдаем разные подходы составителей словарей к идентичным фактам близкородственных языков.

цвиля (Х — человек)

В РСБКЕ не зафиксировано второе, переносное значение болгарского глагола *цвиля*, совпадающее с переносным значением русского глагола *ржать*: "Громко, несдержанно смеяться, хохотать." М л а д е ж и т е бяха потресени от чудовищните му способности, а после *цвилеха* от възторг. (Л. Дилов, Педагогическа машина, Моят странен приятел астрономът, 1971, 28.)*** Ако шефовете му се у с м и х в а т, той се к и к о т и, ако те с е с м е я т, той просто *цвили* от удоволствие, ако те ръкопляскат, той подскача и реве.**** Аз от телевизията не мога д а с е у с м и х н а, па ти ме караш да *цвиля*... (Иля Велчев, Тази смъртна любов, 1985, 50.)**

ржать (Х — человек)

ССРЛЯ: 2. Перен. Простореч. Громко, несдержанно смеяться, хохотать.... Ему очень понравились мои стихи, о н просил читать еще и еще, одобрительно *ржал*. (В. Катаев, Алмазный мой венец, 378.)** — Ну ладно вам *ржать*-то. Парень чуть оступился, а в ы обрадовались сразу. (Г. Марков, Сибирь, 1982, 226.)**

гоготать (Х — человек)

ССРЛЯ: 2. В простореч. Громко и грубо смеяться, хохотать. Т и м о х а вскочил, огляделся кругом, глуповато улыбнулся и, *гогоча* во все горло, припустился к часовне. (Шишков, Тайга, XXVII.)*

Что в ы тут *гогочете*, как ж е р е б ц ы в конюшне? (Гл. Успенский, Из дер. дневн., I, 6.)* Глагол *гоготать* не имеет переносного значения. Интересующее нас значение, свойственное просторечию, дано в ССРЛЯ и в СРЯ вторым номинативно-производным значением этого глагола.

Получая переносные значения, болгарский глагол *цвиля* и русский глагол *ржать* остаются членами группы глаголов звучания. Эти переносные значения совпадают.

църкам (Х — человек)

Не зафиксировано в толковых словарях болгарского языка переносное значение глагола *църкам*, встречающееся очень часто в разговорной речи: "Хныкать, плакать, выражая недовольство". — Какво искаш бе, майче, защо *църкаш*?**** — Стига си *църкал*!**** Поскольку это значение негативное, то можно найти прямую связь с основным значением глагола *църкам* (о мышах). В переносном значении глагол *църкам* является членом группы глаголов звучания.

пищать

ССРЛЯ: 2. Разг. Говорить писклявым (или тихим голосом). 2. Только несов. Перен. Плаксиво, надоедливо жаловаться на что-нибудь. После смерти Ленского О н е г и н отправляется путешествовать по России, везде хмурится и *пищит*. (Писарев, Пушкин и Белинский.)*

Переносное значение глагола *пищать* дано в ССРЛЯ как оттенок второго разговорного номинативно-производного значения этого глагола, присоединяющее глагол *пищать* к группе глаголов речи. В СРЯ этот переносный оттенок не отмечен. Налицо несовпадение переносных значений болгарского глагола *църкам* и русского глагола *пищать*.

Остальные болгарские глаголы этой тематической группы не употребляются в переносном значении. Об этом свидетельствуют наличные языковые данные. Единственно болгарский глагол *квикам*, рассматриваемый нами вне сопоставления с русским глаголом, обладает переносным значением. *Български етимологичен речник*, С., 1971: *квикам, квикна, квиквам* (о свинье, собаке или другом животном). Издавать крик кви-кви. Перен. О человеке. То же, что плача, хленча /плакать, хныкать/.

Дальше будут рассмотрены переносные значения некоторых русских глаголов вне сопоставления с болгарскими глаголами. Это просторечные, областные или устаревшие слова, не имеющие точных соответствий в болгарском языке.

бякать/бякнуть в простореч., и обл. Переносно. *Бякнуть* — сказать что-либо необдуманное, неуместное (ССРЛЯ).

мѐкать Простореч. 2. Перен. Говорить нечленораздельно, с остановками, с трудом подбирая слова и вставляя между ними звуки "мм", "ме"; бормотать (ССРЛЯ). Я довольно плохо рассказал об этом...и вообще "*мѐкал*", как потом объявила Кира. (Каверин, Два капитана.)* —... Не говорил, а *мѐкал*. Даже стыдно. (Медын. Пов. о юности.)*

мурчать Устар. и обл. 2. Перен. Говорить недовольным тоном; ворчать. — Ну и пущай, — *мурчал* Г р и г о р и й, прикусывая пушистый волосок усины. (Шолохов, Тих. Дон.)*

В то время как в болгарском глаголе *мъркам*, мотивированном

двузначным звукоподражанием *мър-мър* (1. о звуках удоволетворения; **2. о звуках недовольства, неудовлетворения) в рамках одной семемы развились два значения,** то в русском языке на базе этих двух значений звукоподражания *мур-мур* появились два глагола: *мурлыкать* (о звуках удовлетворения) и *мурчать* (о звуках неудовольствия).

ỳркать/ỳркнуть обл. 2. Перен. Ворчать, бормотать, бурчать. /Начальник/ *уркнул* ч т о-т о и м, они обернулись на вестового и крикнули короткое слово. (Федин, Города и годы.)*

Наличный языковой материал для анализа не свидетельствует об употреблении остальных русских глаголов этой тематической группы в переносном значении.

В заключение можно сказать следующее:

В обоих языках наблюдается общая тенденция глаголов рассматриваемой группы к возрастанию частотности переносных значений и метафорических употреблений. Переносные значения проанализированных глаголов в обоих языках — результат метафоризации по сходству звучания (по сходству производимого впечатления).

Как своими номинативно-производными, так и переносными значениями глаголы рассмотренной тематической группы тесно связаны с другими семантическими полями.

Переносное значение глагола речи приобретают следующие болгарские глаголы, получая вместе с тем и негативный оттенок этого значения: *блея, джавкам, крякам, лая, ръмжа, съскам.* Открытым на данном этапе остается вопрос, получают ли такое переносное значение глаголы *квакам* и *муча* ввиду отсутствия подтверждения этого среди наличного языкового материала. Переносное значение глагола речи (в отдельных случаях такой переносный оттенок номинативного значения), а вместе с тем и негативный оттенок получают следующие русские глаголы: *блеять, тявкать, квакать* (оттенок), *лаять, мычать* (оттенок второго переносного значения), *мурлыкать* (без негативного оттенка), *рыкать, рявкать, скулить, шипеть* (переносный оттенок четвертого номинативно-производного значения), *пищать* (оттенок второго номинативного значения), *бякнуть, мекать, мурчать, ỳркать/ ỳркнуть.* Номинативно-производное значение русских глаголов *рычать* и *ворчать* и болгарских *мъркам* и *скимтя* (последний глагол в этом значении может оставаться и в пределах группы глаголов звучания) также является значением глаголов речи. Указанные переносные значения служат для выражения чаще всего негативного, исключительно редко положительного (*мурлыкать*) отношения к говорению как акту речи. Переходя в группу глаголов речи, непереходные глаголы проанализированной тематической группы могут приобретать переходность, но в этом значении встречаются также и в качестве непереходных глаголов. Грамматическими показателями значения речи этих глаголов в болгарском языке служат прямой или косвенный объект, адресат действия (*лая* н а н я к о г о з а

н е щ о) и прямая речь; в русском языке — употребленные при глаголах формы винительного прямого и косвенного объекта, дательного адресата и прямая речь (*мычать* что-то, лаять безумные речи, *рычать* на кого-либо, *ùркнуть* что-то кому-либо). Получая переносное значение, болгарский глагол *блея* в отличие от русского глагола *блеять* переходит не только в группу глаголов речи, но и в группу глаголов зрительного восприятия и в группу глаголов движения.

Переносное значение или переносный оттенок значения приобретают следующие глаголы, оставаясь в пределах лексико-семантической группы глаголов звучания: в болгарском языке — *мукам, муча, мъркам* (оттенок первого значения), *ръмжа, цвиля, църкам, квикам;* в русском языке — *мычать, мурлыкать* (еле слышно, невнятно напевать), *реветь* (оттенок), *рыкать* (оттенок), *рявкать, ржать.*

Переносные значения проанализированных глаголов свойственны преимущественно просторечию и разговорной речи.

Результатом различного подхода составителей толковых словарей болгарского и русского языка к идентичному лексическому материалу можно объяснить совпадение номинативного значения некоторых болгарских глаголов с переносным значением их русских соответствий или наоборот (*рева* — четвертое номинативное и *реветь* — оттенок первого номинативного; *ръмжа* — перен. значение и *рычать* и *ворчать* — второе номинативное; *скимтя* — второе номинативное и *скулить* — второе переносное; *съскам* — второе переносное и *шипеть* — четвертое номинативное; *ржать* — второе переносное и *гоготать* — второе номинативное при отсутствии зафиксированного в толковых словарях болгарского языка переносного значения болгарского глагола *цвиля* — "громко, несдержанно смеяться, хохотать").

Полное совпадение переносных значений в болгарском и русском языках наблюдаем в следующих глаголах: *лая* и *лаять* (глаголы речи), *джафкам* и *тявкать* (глаголы речи) и в глаголах *цвиля* и *ржать* (глаголы звучания). В некоторых случаях наблюдается частичное совпадение переносных значении, т. е. одно переносное значение болгарского и русского глаголов совпадает, но у одного из глаголов дополнительно развивается одно или два других переносных значения, отсутствующих в соответствующем болгарском или русском глаголе (*блея* и *блеять* — у болгарского глагола больше переносных значений; *мукам* и *муча* и русский глагол *мычать*, являющийся не только глаголом звучания, но и глаголом речи).

Не совпадают переносное значение глагола *църкам*, не зафиксированное в толковых словарях болгарского языка, и переносный оттенок второго номинативно-производного значения русского глагола *пищать*. Не сопадают также переносный оттенок первого номинативного значения болгарского глагола *мъркам*, отсутствующий в словарях, и переносное значение глагола *мурлыкать*.

Переносное значение болгарских и русских производных глаголов проанализированной тематической группы мотивировано их /производных/ прямыми значениями.

Данные устной речи и примеры из текстов художественных произведений, подтвердившие частотность отдельных метафорических употреблений, служат основанием предложить некоторые коррекции в существующие кодификации — зафиксирование некоторых переносных значений или оттенков болгарских и русских глаголов: *муча* 2. Перен. Издавать нечленораздельные звуки, похожие на мычанье коровы. О человеке.

мъркам 1. II Издавать звуки удовлетворения. О человеке.

цвиля 2. Перен. Громко, несдержанно смеяться, хохотать.

църкам 2. Перен. Хныкать, плакать, выражая недовольство.

*блея*т*ь* 2. Перен. Разг. Говорить голосом, напоминающим блеяние овцы, блеющим голосом.

Семантический и сопоставительный анализ прямых и переносных значений производных глаголов, мотивированных звукоподражаниями, являющихся членами рассмотренной тематической группы глаголов звучания, подтвердил внутреннюю близость многозначности /семантической деривации/ к словообразованию.

Сходство переносных значений глаголов рассматриваемого типа вряд ли можно объяснить влиянием языков друг на друга. Это сходство еще раз подтверждает близкородственность болгарского и русского языков — у родственных языков одни и те же реалии. Отличие в сфере переносных значений, как и все различия, можно объяснить дальнейшим путем самостоятельного развития каждого из этих двух славянских языков.

Результаты исследования имеют выход в теорию изучения лексической семантики болгарских и русских глаголов и в практику преподавания русского языка в Болгарии.

БЕЛЕЖКИ

[1] Маринова, Й. Конструкции с пряка реч в съвременния български език. Автореферат на дисертация. В. Търново, 1975, с. 22; Райчева, М. Някои синтактични модели в руски език с глаголи за звучене, които назовават звуци, издавани от насекоми. – В: Юбилеен сборник. Т. 1. Езикознание, В. Търново, 1984, 293–294.

[2] Шелякин, М. П. Наблюдения над лексико-грамматическими особенностями глаголов звучания в русском языке. – Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1962, № 4; Тихонов, А. Н. О глаголах звучания в русском языке. – В: Краткие сообщения по русскому языку и литературе. Ч. 2. Самарканд, 1967.

[3] Карунц, Р. Г. Глаголы звучания как база русского словообразования. – В: Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. 2. Ташкент, 1980, 251–253.

[4] Сидорова, Н. П. Системная организация лексико-семантической группы глаголов звучания и их взаимосвязи с другими глагольными группами (на материале русского языка). Автореферат диссертации. М., 1978.

[5] Карунц, Р. Г. Семантическая структура глаголов звучания в современном русском языке. Автореферат диссертации. М., 1975; Васильев, Л. М. Семантика глаголов звучания в современном русском языке. – В: Системные отношения в лексике и методы их изучения. Уфа, 1977, 3–20.

[6] Райчева, М. О лексико-синтаксических связях глаголов звучания, обозначающих издаваемые насекомыми звуки. – Болгарская русистика, 1984, № 3, 39–47; Николова, Л. Русские глаголы со значением "издавать звук" и их перевод с одного языка на другой. – Болгарская руссистика, 1984, № 5, 63–71.

[7] Георгиев, С. Морфология на съвременния български език. В: Георгиев, С. Избрани лекции по семантика и образуване на имената и глагола. В. Търново, 1985, с. 130.

[8] Новиков, Л. А. Семантика русского языка. М., 1982, с. 189.

[9] Плотников, Б. А. Основы семасиологии. Минск, 1984, с. 97.

[10] Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, с. 18.

[11] Иванова-Мирчева, Д. Преносно значение на думата и преносимост на значението. Изв. Инст. бълг. ез, 1959, № 6, с 11.

[12] Косовский, Б. И. Учение о слове и словарном составе языка. – В: Общее языкознание. Минск, 1974, с. 47.

[13] Маслов, Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975, с. 128.

[14] Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977, с. 85.

[15] Там же, с. 84.

[16] Иванова-Мирчева, Д. Указ. соч., с. 6.

[17] Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова. – Вопросы языкознания, 1953, № 5, с. 12.

[18] Там же.

[19] Кодухов, В. И. Введение в языкознание, М., 1979, с. 197.

[20] Иванова-Мирчева, Д. Указ. соч., с. 8.

[21] Шмелев, Д. Н. Введение – В: Способы номинации в современном русском языке. М., 1982, с. 25.

[22] Иванова-Мирчева, Д. Указ соч., с. 10.

[23] Сазонова, И. К. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 201.

[24] Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 231.

[25] Гинзбург, Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксонимия и метонимия. М., 1985, с. 49.

[26] Головин, Б. Н. Введение в языкознание, М., 1973, с. 82.

[27] Арутюнова, Н. Д. Русский язык. Энциклопедия с. 140.

[28] Головин, Б. Н. Указ. соч., с. 82.

[29] Иванова-Мирчева, Д., Указ. соч., с. 33.

[30] Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965, с. 104.

[31] Арутюнова, Н. Д. Указ. соч., с. 140.

[32] Иванова-Мирчева, Д. Указ. соч., с. 25, 28.

[33] Ефимов, А. И. Стилистика русского языка. М., 1969, с. 184.

[34] Маслов, Ю. С. Указ. соч., с. 126.

[35] Реформатский, А. А. Введение в языкознание. М., 1955, с. 50.

[36] Андрейчин, Л. и др. Съвременен български език. С., 1956, с. 31.

[37] Иванова-Мирчева, Д. Указ. соч., с. 34.

[38] Ефимов, А. И. Указ. соч., с. 112.

[39] Арутюнова, Н. Д. Указ. соч., с. 141.

[40] Стойков, С. Български език. С., 1955; с. 508.

[41] Одной звездочкой (*) – будем обозначать примеры, взятые из словарей, двумя звездочками (**) – примеры из текстов художественных произведений, тремя звездочками (***) – примеры из картотеки Ин-та Болг. языка, четырьмя звездочками (****) – примеры из устной речи.

[42] Встречающиеся в словаре "Етимологичен и правописен речник на българския книжовен език" акад. С. Младенова глаголы *мѐча*, *мѝкам*, *мѝцам* даны без стилистической пометы, так как характеристика слова с точки зрения его стилистического употребления не входит в задачи этимологического словаря. Глагол *мѐча* встречается и в материалах картотеки Ин-та болг. языка.

[43] Глагол *хахарижа*, употребляемый для обозначения звуков, издаваемых лошадью, и встречающийся в материалах картотеки Ин-та болг. языка, отсутствует в использованных нами словарях, поэтому трудно определить сферу его стилистического употребления.

[44] Среди исследуемого языкового материала отсутствуют примеры на употребление глаголов несов. вида *хоркать* и *цвыркать* в указанном значении, поэтому они здесь не приводятся.

[45] В СРЯ глаголы *мекать/мекнуть* даны как разговорные.

[46] Напр. болгарский глагол *врещя* и русский *верещать*. В Болгарско-русском словаре проф. С. Б. Бернштейна нейтральному болгарскому глаголу врещя, который в РСБКЯ отмечен как двузначный, с основным значением: "О козе – издавать резкий, перерывистый голос" и с вторым номинативным значением: "О ребенке – плакать голосом, подобным крику козы", приводится соответствием однозначный (ССРЛЯ), просторечный глагол *верещать* (о поросенке, ребенке). Налицо здесь и стилистические несоответствия.

[47] Новиков, Л. А. Указ соч., с. 168.

[48] Вътов, В. Лексическа и фонетико-семантическа характеристика на звукоподражателните думи в българския език. Автореферат на дисертация. В. Търново, 1977, с. 1–21.

[49] Ермакова, О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. – В: Ермакова, О. П. Русский язык. М., 1984, с. 55–56.

[50] Х – субъект действия звучания.

[51] Карунц, Р. Г. Бесприставочные глаголы, обозначающие звуки, издаваемые животными. – Труды Самарк. ун-та им. А. Навои. Новая серия. Вып. 265, Исследования по русскому языку и славянскому языкознанию, 1975, № 6, с. 115.

ПРЕНОСНИ ЗНАЧЕНИЯ НА ЕДНА ТЕМАТИЧНА ГРУПА ГЛАГОЛИ ЗА ЗВУЧЕНЕ В БЪЛГАРСКИ И РУСКИ ЕЗИК

Резюме

Предмет на изследване в настоящата работа са безприставъчните глаголи, характеризиращи звуците, издавани от животни (в тесния смисъл на думата). В изследването се поставя задачата чрез семантичен и съпоставителен анализ на преносните значения, появили се у глаголите от посочената тематична група, да бъдат открити сходствата и различията между българските и руските глаголи и да се даде класификация на тези значения. Решаването на тези задачи в областта на теорията хвърля светлина върху връзката между многозначността (семантичната деривация) и словообразуването, обогатява теорията на съпоставителното изучаване на езиците и теорията на обучението, освен това ще изиграе важна роля в преводаческата практика при превода от български и руски език, а също така и в процеса на обучението на българите на руски език и на руснаците на български.

В двата езика при глаголите от разглежданата група се наблюдава обща тенденция към увеличаване на честотността на преносните значения и метафоричната употреба. Преносните значения на анализираните глаголи от двата езика са резултат на метафоризация по сходство на звученето. Придобивайки преносни значения, една част от тези глаголи остават в рамките на групата на глаголите за звучене, друга част преминават в групата на глаголите на речта. Сходството на преносните значения тук едва ли би могло да се обясни с взаимно влияние на езиците, по-скоро това се дължи на тяхната близост, тъй като родствените езици имат едни и същи реалии. Разликата в сферата на преносните значения може да се обясни с по-нататъшния път на самостоятелно развитие на всеки от тези два славянски езика.

FIGURATIVE MEANINGS OF VERBS OF SOUNDS IN BULGARIAN AND IN RUSSIAN

Summary

The present paper examines the verbs without prefixes which signify noises made by animals. It aims at establishing the similarities and differences between those Bulgarian and Russian verbs by means of semantic and contrastive analyses of their figurative meanings as well as classifying those meanings.

The results of this study elucidate the relation between plurality of meaning and word formation. They can be of importance to the theory and practice of translation, the methods of teaching Russian to Bulgarians and Bulgarian to Russians.

In both languages the verbs under discussion are frequently used figuratively and metaphorically. Their figurative meanings originated in metaphorization due to similarities of sounding.

The similar development of figurative meanings in both languages is due to the fact that Russian and Bulgarian are kindred languages.

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
"СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
Том 23, кн. 2 ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ 1992

TRAVAUX DE L'UNIVERSITÉ "ST. ST. CYRILLE ET MÉTHODE"
DE V. TIRNOVO
Tome 23, livre 2 FACULTÉ PHILOLOGIQUE 1992

СТРУКТУРА И СИНТАГМАТИКА ПОСТОЯННЫХ СРАВНЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА НА "МАТЕРИАЛАХ ДЛЯ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА XI–XIV ВВ." И. И. СЕРЕЗНЕВСКОГО

СВЕТЛОЗАР ВЛАЙКОВ

STRUCTURE AND SYNTAGMATICS OF THE OLD RUSSIAN CLICHESIMILES IN I. I. STREZNEVSKI'S "MATERIALS FOR A DICTIONARY OF OLD RUSSIAN: XI–XIV CC."

SVETLOZAR VLAIKOV

Велико Търново, 1992

Сравнение — это одно из самых употребительных художественно-изобразительных средств в литературе. Им пользуются писатели разных эпох и литературных направлений. Использовали его в своем творчестве (притом довольно широко) и древнерусские авторы. Сравни у Епифания Премудрого: "... сьй убо преподобный отець нашь провосиалъ есть въ странѣ Русстѣй, и яко, свѣтило пресвѣтлое възсиа посреди тмы и мрака, и яко цвѣт прекрасный посреди тръниа и влъчець, и яко звѣзда незаходимаа, и яко луча, тайно сиающи блистающе, и яко кринъ въ юдолии мирьскых и яко кадило благоуханно, яко яблоко добровонное, яко шипок благоуханный, яко злато посреди брьниа, яко сребро раждежено, и искушено, и очищенно седморицею, яко камень честный, и яко бисеръ многоцѣнный, и яко измарагдъ и самфиръ пресвѣтлый, и яко финикс процвѣте, и яко кипарис при водахь, яко кедръ иже в Ливанѣ, яко маслина плодовита, яко араматы благоуханиа, и яко миро излианное, яко садъ благоцвѣтущь, и ако виноград плодоносенъ, и яко гроздъ многоплоденъ, и яко оград заключенъ, и ако вратоград затворен, и яко сладкый запечатлѣнный источникъ, яко съсуд избранъ, яко алавастръ мира многоцѣннаго, и ако град нерушим и яко стѣна неподвижима, и яко забрала тврьда, и ако сынъ крѣпокъ и вѣренъ, и ако основание церковное, яко столпъ непоколѣбимь, яко вѣнець пресвѣтлый, яко корабль, исплъненъ богатства духовнаго, яко земный аггелъ, яко небесный человекъ." (Житие Сергия Радонежского[1]).

Сравнением интересуются не только писатели, литературоведы, но и лингвисты. В синхронном плане в болгарской и советской языковедческой литературе ему уделено довольно большое место, хотя и на некоторые вопросы все еще не даны полные и точные ответы[2]. В диахронии, однако, эта проблема не так широко разработана[3].В древнерусском языке существовало несколько типов сравнительных конструкций (со сравнительным союзом *яко*, творительный сравнения, сравнительные придаточные предложения) и они подробно описаны в работах Н. А. Широковой и М. Ф. Палевской[4]. В своих исследованиях они ставят себе другие цели и поэтому не затрагивают вопроса о сравнительных конструкциях как предмет фразеологии. Речь идет о сравнениях типа современных *как заяц, как часы — аки агньць, яко кедръ в Ливанѣ*. Именно они являются предметом нашего исследования. В науке их называют по-разному "традиционными", "постоянными", "компаративными фразеологизмами". Мы принимаем как рабочий термин "постоянные". На наш взгляд, он точнее всех остальных указывает на специфику их

структуры, состава и употребления в речи.

Поскольку постоянные сравнения являются вопросом фразеологии[5], мы должны отметить, что в нашей работе будем придерживаться широкого понимания фразеологии в науке, включая и постановку М. М. Копыленко. В своем "Исследовании в области славянской фразеологии древнейшей поры" (Автореферат докторской диссертации, Л., 1967) он определяет фразеологию как лексико-семантическую сочетаемость слов (с. 6—8). Нам кажется, что такой подход самый правильный ввиду специфики исследуемого материала. Во-первых, это ранний период развития русского литературного языка, в который его фразеологический фонд, хотя и находился уже на сравнительно высоком уровне под влиянием древнеболгарских и византийских переводов, все еще продолжает формироваться. Такой факт предполагает существование сложных и разнообразных процессов на этом языковом уровне, в отличие от состояния фразеологии современного литературного языка, где эти процессы в бо́льшей или меньшей степени уже завершены, и относительно точнее мы можем отнести данное языковое явление к составу фразеологии. Во-вторых, сама синтагматика этих сравнений требует такого подхода[6]. Кроме того, нам кажется, что замыкаясь в рамках узкого понимания фразеологии[7], вне нашего поля зрения окажутся немало устойчивых единиц данного типа и, следовательно, такой подход не дает точного представления о тех богатых фразеологических ресурсах, которыми обладал древнерусский литературный язык той поры.

Основным материалом настоящего исследования послужил словарь И. И. Срезневского "Материалы для словаря древнерусского языка XI—XIV вв." Это один из богатейших лексикографических трудов по древнерусскому языку. Создан он на базе свыше 2700 памятников. Такое большое собрание древнерусских текстов в словаре делает его ценным источником лингвистических исследований. В целях более точного выяснения сути некоторых явлений, связанных с характером древнерусских постоянных сравнений, проводятся параллели с материалом древнеболгарского и современного русского языков.

Настоящая работа ставит себе целью: 1) доказать существование постоянных сравнений в древнерусском языке и 2) более подробно рассмотреть их структуру и синтагматику.

Основанием для выделения такой фразеологической категории еще на древнерусской почве нам послужили следующие факты.

1. Постоянными мы будем считать сравнения, встречающиеся больше, чем два раза в разных контекстах, в разных по типу и по времени памятниках, составленных или написанных различными авторами или писцами.

Проблема установления постоянности сравненний тесно связана с вопросом о контексте. Известно, что он все еще остается спорным в лингвистической науке. Учитывая этот факт, а также и специфику ис-

следованного материала, под "контекстом" в нашей работе мы понимаем то же, что и Е. Н. Смольянинова: "В качестве контекста для словосочетания мы рассматриваем предложение и сверхфразовое единство (сложное целое)"[8], так как постоянные сравнения не что иное, как словосочетания.

Что касается типов древнерусского литературного языка, то мы имеем в виду мнение, принимаемое в вузовских учебниках, что в данный период существовали три типа языка[9].

Мы приводим эти факты, потому что сразу производит впечатление, что одни и те же сравнения встречаются как в произведениях (переводных и оригинальных) книжно-славянского типа, так в произведениях народно-литературного и даже (хотя и очень редко) делового типов[10]. Сравни: Оклеветавають вы *яко зълодѣя*. Панд. Ант. XI в. л. 262 (I, 1002[11]), *Яко* нѣкоего *зълодѣя* ведущи съвязана. Нест. Жит. Феод. 3. (I, 1002); Князя повесили вы..., *яко злодѣя*. Новг. I л. 6722 г. (I, 1002); ...тотъ *яко злодѣи* маетъ каранъ быти. Жал. гр. 1388 г. (II, 657). Это доказывает, что они имели свое место в письменной (а при таком широком употреблении в ней, может быть, и в устной) речи древнерусского человека и воспроизводились в ней в готовом виде независимо от характера памятника. Здесь нужно уточнить, что в текстах книжно-славянского типа постоянные сравнения иногда расширялись, но это происходило за счет синтагматики, а их структура оставалась постоянной, так как образ был один и тот же.

Фреквентность употребления постоянных сравнений в памятниках разных типов и жанров, естественно, не одинакова — чаще всего, например, они встречаются в житиях, а очень редко в текстах делового типа.

2. Постоянными являются сравнения, обладающие метафорическим значением. Это значение определяется, во-первых, невозможностью поменять места компонентов сравнения, не изменяя его смысла (Например: нельзя сказать *снѣгъ бѣль яко одѣние; агньць яко праведникъ непорочьнъ* и т. д.) И, во-вторых, тем что предмет, служащий опорой при сравнивании, является обобщенным носителем тех качеств, признаков, которые переносятся на другой предмет (Например: в сравнении *яко мати* имеется в виду не конкретное лицо, а обобщенный образ, символ любви и заботы.) Эти факты, по мнению А. Г. Назаряна[12], являются доказательством того, что сравнения образны, а образность, метафоричность — это один из основных признаков фразеологизма вообще и постоянного сравнения тоже.

3. С уверенностью можем принять как постоянные сравнения, которые заимствованы из Библии (например: *акы агньць, яко мльнии, аки солнце, яко снѣгъ*), так как они употреблялись в готовом виде, были трафаретными. Как известно, библейская символика оказала сильное влияние на развитие поэтики древнерусской литературы (в рамках вли-

яния религии вообще на светскую жизнь этой эпохи). Его результатом является и употребление таких сравнений в оригинальных произведениях древнерусских авторов[13].

Бо̀льшая часть этих сравнений встречается в произведениях древнеболгарских авторов и вообще в древнеболгарских письменных памятниках. Еще Ц. Вранска отмечает это, исследуя стиль патриарха Евфимия, хотя и не делает вывода, что это постоянные сравнения: "... повечето от Евтимиевите сравнения са подобни на тези в Светото писание и в съчиненията на светите отци, като някои представят дори цитати от псалми и други подобни. Затова съвсем не е чудно, ако подобни сравнения се намират и у много от предходниците на Евтимий, особено у авторите на жития и похвални слова"[14].

Доказательством такого вывода является и факт, что такие сравнения существуют как постоянные, также и в литературе других народов, принявших христианство как религию (сравни: во французском языке: *doux comme un agneau — кроткий как ягненок; travailler comme un boeuf — работать как вол; tomber comme la foudre — упасть как молния; dur comme un caillou — твердый как камень; brave comme un lion — смелый как лев и др.*)[15]

Учитывая все эти факты, вряд ли можно согласиться с мнением, что "по своему происхождению устойчивые единицы данной категории (постоянные сравнения — дополн. наше) восходят к исконно русским сравнениям из разговорно-бытовой речи" и "что исключения единичны"[16]. Как раз наоборот — мы могли бы наметить такой примерный путь передвижения постоянных сравнений: Библия — церковно-религиозная литература — произведения народно-литературного типа языка и отсюда, может быть, — древнерусская разговорная речь. А если расширим это предположение, имея в виду фонетическую оформленность и лексический состав постоянных сравнений, можно допустить, что в древнерусский литературный язык они в своем большинстве заимствованы из древнеболгарского[17].

Нельзя, конечно, исключать и возможность параллельного возникновения таких же постоянных сравнений и в живой восточнославянской речи. Но имея в виду факты, которые дает нам материал словаря И. И. Срезневского (а именно: что древнерусская разговорная речь и точнее ее фразеологические ресурсы очень слабо представлены в письменных памятниках, а также и то, что первенствующую роль играла церковнославянская фразеология[18]), мы можем утверждать именно такой путь для большинства сравнений данного типа[19].

4. В двух случаях насчет постоянности употребления мы положились на филологическое чутье древнерусского автора, так как эти сравнения в других памятниках не зафиксированы и частотностью не обладают. Речь идет о сравнениях *бѣда аки в Роднь* . Пов. вр. л. 6488 г. и *по-*

гибоша аки обрѣ . Пов. вр. л. введ. Оба они вводятся в повествование словами "И есть притъча и до сего дне...", являющимися доказательством того, что он умел отличать устойчивое от неустойчивого именно на базе постоянности употребления словосочетания в одном и том же виде. Одно из значений слова *притъча* — пословица, поговорка[20], т. е. то, что рассказывается, воспроизводится в готовом виде.

Конечно, говоря о возникновении и о пути передвижения постоянных сравнений, нельзя решать этот вопрос однозначно, потому что комплекс явлений довольно сложен и многообразен. Приведенные выше два примера доказывают, что сравнения могут идти и обратным путем, а именно: древнерусская разговорная речь — письменность (но только ее народно-литературный тип[21]). Тем более, что доказательством такого направления передвижения являются и экстралингвистические факторы. Когда в основе возникновения устойчивого сочетания стоит какое-нибудь событие из истории народа, оно сначала фиксируется и бытует в устной, разговорной речи и отсюда переходит в письменную. Но все-таки это единичные случаи и это вполне понятно, так как разговорная речь на данном этапе была далеко от литературного языка и не оказывала существенного влияния на его развите.

Итак, основные критерии для выделения постоянных сравнений в древнерусском языке, на наш взгляд: а) частотность; б) образность; в) трафаретность, каноничность. Не во всех случаях, однако, можно применить все эти три критерия в одинаковой мере. Эта оговорка касается больше всего метафоричности. Нельзя определять все постоянные сравнения литературного языка данного периода как окончательно оформившиеся фразелогизмы. Некоторые из них начали фразеологизироваться (начали, потому что на данном этапе они обладают в меньшей степени метафоричностью), сравни: *яко отьца, аки мати* (чьтити — "чтить"). Другие уже закончили в той или иной мере этот процесс, т. е. имеют более ярко выраженное переносное, образное значение, сравни: *ищезнути яко дымъ, акы звѣрь* (напасти), *яко мертви* (лежати), *възбнутися* ("проснуться") *яко отъ сна* и др. Но все-таки сравнения первого типа тоже имеют опорное слово, которое является не конкретным предметом, а обобщенным носителем качеств, признаков, использующихся при сравнивании. Почти все заимствованы из Библии, т. е. каноничны, трафаретны и обладают частотностью. Имея в виду все это, а также и оговорку, что в нашей работе будем придерживаться широкого понимания фразеологии, то мы включаем и эти сравнения в состав постоянных.

Мы привели все эти факты в целях того, чтобы разграничить постоянные сравнения от многочисленных авторских, окказиональных, потому что сравнение как художественно-изобразительное средство очень часто встречается в характеристике образа и вообще в произведениях древнерусской переводной и оригинальной литературы. Употребление сравнений зависит не только от содержания, характера памятни-

ка, но и от стиля, от художественного вкуса, от творческих возможностей автора. Поэтому в одних текстах встречаются больше постоянных сравнений, чем в других. Например, в переводах торжественных слов византийского богослова Григория Назианзина их очень мало за счет его индивидуально-авторских. Много сравнений есть и в "Молении" Даниила Заточника, но не все постоянны, у него тоже много окказиональных, сравни: "имею бо *сердце аки лице безъ очию*... и расыпася животъ мои *аки Ханаонскыи царь* буестию; и покрыи мя нищета *аки Чермное море фараона*" и др.

Более подробно остановимся на структуре и синтагматике постоянных сравнений.

По вопросу о границах структуры в исследованиях постоянных сравнений в синхронном плане нет единого мнения. Одни авторы (В. И. Орлова, Н. Н. Судоплатова)[22] говорят об одночленных и двучленных структурах, сравни: *как часы, как рукой сняло*. Другие (В. Кювлиева, Э. Кучерова, А. Г. Назарян)[23] — только о двучленной. Языковые факты, однако, доказывают, что решение этого вопроса нельзя ограничивать только этими двумя мнениями, так как существуют постоянные сравнения и с трехчленной структурой, состоящие из трех обязательных компонентов, сравни: *дождь льет как из ведра* (сравни еще болг. *очи черни като маслини*)[24].

Минимальная по составу сравнительная конструкция — одночленная — состоит из сравнительного союза (напр. *акы*) и слова, чьи признаки, качества, свойства при сравнивании переносятся на другой предмет (напр. *бъчела*) — *акы бъчела*. А. Г. Назарян называет это опорное слово конструкции "эталоном"[25].

Двучленная сравнительная конструкция состоит из сравнительного союза (напр. *яко*), эталона (напр. *дымъ*) и связывающего компонента, т. е. слово, осуществляющее связь между двумя сравниваемыми предметами (напр. *ищезнути*) — *яко дымъ ищезнути*.

Трехчленная структура включает в себя указанные уже компоненты плюс субъект сравнения (напр. *небо поставити яко комара* "свод").

Древнерусские же постоянные сравнения в зависимости от обязательности этих компонентов можем объединить в три группы:

А. Постоянные сравнения с одночленной структурой — обязателен только эталон. Напр. *яко рѣка, яко пианъ, ако орѣль* и т. п.

Б. Постоянные сравнения с двучленной структурой — обязательны эталон и связывающий компонент (глагол, прилагательное, существительное). Напр. *погибоша аки обръ , бѣль яко снѣгъ, гласъ аки труба* и т. п.

В. Постоянные сравнения с трехчленной структурой — обязательны эталон, связывающий компонент и субъект. Напр. *поставити небо комара* и т. п.[26]

Внутри этих трех групп выделяются следующие структурные типы:

1. **Союз + сущ.** — *яко пътица, яко рѣка, яко человѣкъ* и т. п.

2. **Глагол + союз + сущ.** — *ищезнути яко дымъ, процвѣсти яко цвѣтъ* и т. п.

3. **Союз + сущ. + прилаг.** — *яко агня незълобиво, аки дивие звѣрие, яко монисты златы* и т. п.

4. **Союз + субстантив. прилаг.** — *яко мьртва, яко живъ* и т. п.

5. **Глагол + союз + предлог + сущ.** — *възбнути яко отъ сна, видѣти акы въ зрьцалѣ* и т. п.

6. **Союз + сущ. + предлог + сущ.** — *яко срьна отъ тенета* (как серна от сети), *яко кедръ въ Ливанѣ* и т. п.

7. **Прилаг. + союз + сущ.** — *бѣлъ яко снѣгъ* и т. п.

8. **Глагол + сущ. + союз + сущ.** — *поставити небо яко комара* и т. п.

9. **Сущ. + союз + предлог + сущ.** — *бѣда аки въ Роднѣ* и т. п.

10. **Сущ. + союз + сущ.** — *гласъ аки труба* и т. п.

11. **Союз + притяжат. местоим. + сущ.** — *яко своя уды* (части тела) и т. п.

Самая большая по составу группа А. (одночленные постоянные сравнения), в нее входят структурные типы 1. Союз + сущ., 3. Союз + сущ. + прилаг., 4. Союз + субстантив. прилаг., 6. Союз + сущ. + предлог + сущ., 11. Союз + притяжат. местоим. + сущ. К группе Б. (двучленные постоянные сравнения) можем отнести структурные типы 2. Глагол + союз + сущ., 5. Глагол + союз + предлог + сущ., 7. Прилаг. + союз + сущ., 9. Сущ. + союз + предлог + сущ., 10. Сущ. + союз + сущ. В группу В. (трехчленные постоянные сравнения) входит структурный тип 8. Глагол + сущ. + союз + сущ. Как видно из этой классификации, за исключением сравнительного союза, не все три компонента (эталон, связывающий компонент, субъект) являются обязательными для каждого сравнения в отдельности. Такое большое разнообразие в структуре делает данную фразеологическую категорию очень богатой. Этот факт еще раз свидетельствует о широких фразеологических ресурсах древнерусского литературного языка, формировавшихся под влиянием переводов с болгарских и византийских книг.

Отдельно отметим сравнительную конструкцию типа **союз + Тв. п. существительного**, так как она является особенностью в системе постоянных сравнений древнерусского языка. Н. А. Широкова, рассматривая сравнительные конструкции, выраженные творительным падежом, пишет: "И в языке XVIII в. и в современном языке наблюдаются случаи соединения признаков обеих конструкций (творительный сравнения и конструкции с *как* — дополн. наше) — в виде творительного имени с союзом *как*"[27]. В работе В. И. Орловой вообще не отмечаются конструкции такого типа для современных компаративов русского языка[28]. Материал, который мы исследовали, показывает, что такие конструкции встречаются как в древнеболгарском (сравни у патриарха Евфимия:

...добродѣтелми *якоже красными цвѣты* въсѣхъ обьоуховае), так и в древнерусском языке XI—XIV вв., сравни: Задѣся правдою *ѣко щытом*. Ис. IX. 17. (Упыр.), (II, 911); Веригами обложенъ *яко монисты златы*. Мин. 1097. 142 (II, 173); Помысли о оубогыхъ како лежать ныня дъждевьными каплями *яко стрѣлами пронажаеми*. Сбор. 1076 г., л. 42 (II, 1549). Эти сравнения встречаются и в других памятниках — так например *яко щытомь* — в Мин. 1096 г. (окт./51) (II, 530); Ип. л. 6769 г. (II, 822), *яко монисты златы* — в Стихир. XII в. л. 160 (II, 173); Служб. Кир. Фил. (II, 173); *яко стрѣлами пронизати* (в этом сравнении глагол тоже постоянен) — в Слове Дан. Зат. (I, 754); Александрии; Псалт. толк. XII в. пс. XXXVII. 3. толк. (II, 447), — обладают метафоричностью, являются библеизмами — значит они постоянны. А постоянность их употребления доказывает, что данная конструкция существовала вполне самостоятельно в языке этого периода.

Итак, в структуру древнерусских постоянных сравнений входят: сравнительный союз, эталон, связывающий компонент и субъект сравнения.

В качестве сравнительного союза используются *яко, ꙗко, ꙗкоже, ѣко, ако, акы, аки, окы, якы* по своему происхождению древнеболгарские[29]. Чаще всего употребльются союзы ꙗко, акы, аки, единично встречаются союзы *ѣко,окы, якы*.

В качестве эталона используются преимущественно имена существительные и очень редко субстантивированные прилагательные в краткой форме (нами отмечены только три случая — *яко пианъ, яко живъ, яко мертвъ* — даже последнее сравнение имеет параллельное такое с существительными *мертвець, навъ*-мертвец, в качестве эталона). Существительные, выполняющие роль эталона, можем расклассифицировать в следующие тематические группы:

1. Человек — *зълодѣи, отьць, рабъ* и т. п. 2. Животный мир — *орьлъ, львь, волъ* и т. п. 3. Растительный мир — *виноградъ, цвѣтъ, кедръ* и т. п. 4. Неживая природа — *вода, свѣтъ, звѣзда* и т. п. 5. Предметы быта — *гоуба, зьрцало, сѣть* и т. п. 6. Оружие — *щитъ, копие, стрьла* и т. п. 7. Одежда — *риза, багряница* и т. п. 8. Музыкальные инструменты — *арганъ, труба* и т. п. 9. Другие — *сънь, съкровище, столъ* и т. п.

Производит впечатление различие в эталонах древнерусских постоянных сравнений и постоянных сравнений современного русского языка[30] — например, не употребляются уже сравнения *яко зълодѣи, яко комара, яко источьникъ, яко кадило, яко кръмьчи* (кормчий), *яко монисты златы* и др. Это, конечно, связано с экстралингвистическим фактором — древнерусский человек использовал для сравнивания предметы, явления, которые его окружали, сопутствовали в ежедневном быте, деятельности, которые были близки к его образу мышления. Например, наличие группы 6. (оружие) является доказательством вывода Д. С. Лиха-

чева, что оружие и военное дело вообще, занимало большое место в жизни древнерусского человека[31].

Нужно отметить, что своей многочисленностью выделяются группы 1. (человек), 2. (животный мир), 3. (растительный мир), 6. (оружие), а также и то, что все существительные, выступающие в качестве эталона, конкретны. Из этого можно сделать вывод, что перенос признаков, качеств, свойств от одного предмета на другой идет по направлению от конкретного к абстрактному.

В качестве связывающего компонента используются преимущественно глаголы, очень редко прилагательные и в одном только примере существительное. Прилагательные, которые встречаются (обычно в постпозиции) в структурном типе 3. (союз + сущ. + прилаг.), являются определениями к эталону и не изменяют структуры сравнения (в данном случае одночленной).

Субъектом сравнения могут быть существительные одушевленные (обычно человек) и неодушевленные (сравни: *стрѣлы* аки дождь, небо яко комара), конкретные (*мечи* блещащася акы вода, *крестъ* курится акы дымъ) или абстрактные (сравни: *Хвѣ блгть* ...ако вода морьскаа покры ея, *доброта* оувядаеть... и яко дымъ ищазаетъ).

Говоря о структуре постоянных сравнений, мы должны обязательно отметить ее вариантность, так как это свойство фразеологизмов вообще — "одно из самых характерных ... этой части словарного запаса"[32], а также и потому, что это связано с вопросом какая из двух языковых стихий — древнеболгарская или древнерусская — сказалась на формировании большей части этой фразеологической разновидности языка данной поры. Варьированию подвергаются союз, эталон и связывающий компонент (глагол). Оно проявляется почти на всех уровнях языка — в фонетике, словообразовании, лексике и морфологии.

В сравнительном союзе намечаются варианты орфографические (сравни: ꙗко, яко, ѣко; акы-аки), фонетические (сравни: ꙗко-ако; акы-окы), словообразовательные (сравни: ꙗко-акы)[33].

Эталон варьирует на уровне орфографии (сравни: звѣрие — звѣри — звѣрье — звѣріе), фонетики (сравни: млънии — мълънии — молъния — молонья — молнии; пътица — птица), лексики (сравни: рѣка-повонь; врачь-балиа; аспида-змия) и морфологическом (сравни: злодѣи-зълодѣя-злодѣю).

Вариантность связывающего компонента (глагола) проявляется в орфографии (сравни: просвѣтятся — просвѣтѧтьсѧ), фонетике (сравни: процвѣлъ еси — прочвѣлъ еси; восияла есть — въсиалъ есть), словообразовании (сравни: въщъбъчю — пощебъчю; низають — произающе), лексике (сравни: възбнути — въспрянути; пояше — въщъбъчю; ревы — рикноувъ).

Так как характерные черты и различия древнеболгарского и древнерусского языков проявляются лучше всего в фонетике, то мы проводи-

ли свои наблюдения над вариантами на этом языковом уровне. Факты показывают преимущественное и последовательное употребление древнеболгарских форм в случаях, где автор имел возможность выбирать — сравни: злато вм. золото в сравнении *яко злато*, свѣща вм. свѣча в сравнении *яко свѣща*, агньць вм. агньцъ в сравнении *акы агньць непорочьнь*, врагъ вм. ворог в сравнении *аки врагъ*, главня вм. головня в сравнении *яко главня*, дрьво вм. дерѣво в сравнении *яко дрьво* и др. Это доказывает еще раз сильное влияние кирилло-мефодиевских переводов и вообще древнеболгарской литературы на развитие древнерусской письменности в целом и в частности на применение в ней разных художественно-изобразительных средств, одним из которых являются и постоянные сравнения.

Специфические черты намечаются не только в структуре древнерусских постоянных сравнений, но и в их синтагматике. Отношения сочетаемости рассматриваются нами в свете понимания Ф. де Сосюра: "С одной стороны слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно. Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи. Такие сочетания, имеющие протяженность, можно назвать "синтагмами". Таким образом, синтагма всегда состоит минимум из двух следующих друг за другом единиц... Член синтагмы получает значимость лишь в меру своего противопоставления либо тому, что за ним следует, или же тому и другому вместе"[34].

В начале работы было отмечено, что будем придерживаться и понимания М. М. Копыленко о границах фразеологии, потому что сама синтагматика древнерусских постоянных сравнений требует этого. Делая эту оговорку мы имели в виду следующую особенность данного типа фразеологизмов. Глаголы или прилагательные, с которыми сочетается эталон, семантически ограничены, они находятся в тесной зависимости от семантики эталона. Другими словами, с ним могут сочетаться только глаголы и прилагательные, передающие те характерные признаки, качества и свойства эталона, которые используются при сравнивании. Например, в сравнении *яко агньць* признак эталона "жертва" передается глаголами, объединяемыми семой "смерть" — распяти, оубити, възнести: яко ягня на дрѣвѣ Хā распяша. Мин. Пут. XI в. (I, 6); "Егда же оубиша дѣтя мое... яко агньцю заколеноу. Пис. Влад. Мон. 1096 г. (II, 1605); Възнесенъ бы ако агньць. Мин. мар. XI в. (I, 12), признак "кротость" — глаголами семантической группы "пассивное действие" — молчати, трьпяти: Сты̄и же Гльбъ молчаше акы агня незлобиво. Нест. Бор. Гл. 25. Стихир. Новг. до 1163 г. (I, 6); Безьлобивыи же Гъ̄ яко агня незьлобиво вьсе трьпяаше. Панд. Ант. 44 (I, 68). В сравнении *аки голуба* свойство этого предмета промокать отражено глаголами одной семантической группы — внимати, почьрпати, наиматися: Она же ... сто-

яше аки губа напаяема внимающи оученья. Пов. вр. л. 6463 г. (I, 606); Яко гоуба воды почьрпе. Мин. Празд. XII в. 77 (I, 606); Наимется тѣло хмелю акы губа воды. Дуб. сб. XVI в. 323 (II, 354). В сравнении *акы рѣка* глаголы, передающие признак эталона "движение" — излиятися, потекоша, исходити, възидет, — так же можем объединить в одну семантическую группу: Яко рѣка велика излияся. Мин. 1096 г. (сент./83) (I, 1061), ... источници потекоша воды, акы рѣка силна. Новг. I л. 6927 г. (по Ак. сп.) (I, 1152), Бжтвьное писанье яко рѣка исходить исъ породы. Ио. екз. Бог. 153 (II, 931); ...и възидет яко повонь погыбель ея. Ам. VIII. 8 (Упыр. 28) (II, 1002).

Такая зависимость в синтагматике постоянных сравнений обусловлена обязательностью семантической связи в целях максимальной информационной и логической точности при сочетаемости отдельных слов в языке вообще[35].

Синтагматика древнерусских постоянных сравнений очень богата и разнообразна. Они могут сочетаться с глаголами, причастиями, прилагательными, существительными и со словосочетаниями.

1. Глаголы могут быть в разных временах, лицах и числах, сравни: ...источници *потекоша* воды акы рѣка силна. Новг. I л. 6927 г. (по Ак. сп.) (I, 1152) — аорист III л. мн. ч.; Жри Бм̃ъ да не акы злодѣи *оумъреши*. Жит. Кондр. XI в. (I, 890) — буд. простое II л. ед. ч.; ...*живяху* в лѣсѣ яко же всякии звѣрь. Пов. вр. л. введ. (II, 617) — имперфект III л. мн. ч.; ...яко же мьртвъ *не дѣлаю*. Кир. Тур. 46 (I, 785) — наст. вр. I л. ед. ч.

Употребляются приставочные и бесприставочные формы глагола, сравни: Ту жь нынѣ кости ихъ *бѣлѣются* аки снѣгъ при граднои стѣнѣ. Стеф. Новг. п. 1347 г. (I, 220) — Аще суть грѣси ваши яко оброщени яко снѣгъ *обѣлю* я. Ефр. Сир. XIII в. (Ис. I. 18) (II, 548).

Встречаются как невозвратные формы глагола, сравни: Яко ластовица *поляше* гудущи. Жит. Андр. Юр. XXIV. 91. (I, 611); ...приходящая къ нему *напиташе* и *напаяше* акы м̃ти дѣти своя. Пов. вр. л. 6605 г. (II, 118), так и возвратные глаголы с частицей -ся, связанной с глаголом, обычно в постпозиции, сравни: Наимется тѣло хмелю акы губа воды. Дуб. сб. XVI в. 323 (II, 354);

Встрепехнушесь аки дивие звьрие. Никон. л. VIII. 94. (I, 424); Да *спсешися*...и яко пти/ца/ ис клепца. Панд. Ант. XI в. л. 226 (I, 1219); Яко рѣка велика *излияся*. Мин. 1096 г. (сент./83) (I, 1061). Очень редко частица -ся находится и в препозиции, сравни: Небо яко камара *ся оутвердило есть*. Жит. Андр. Юр. XIII. 239 (I, 1184), или в постпозиции, но отдельно от глагола, ср.: *Устремиль* бо *ся* бяше на поганыя яко и левъ... Ип. л. 6710 г. (II, 64).

Глаголы используются в прямом и переносном значении, сравни: Стыи же Глѣбъ *молчаше* акы агня незлобиво. Нест. Бор. Гл. 25. (I, 6);

...*идяху* стрѣлы акы дождь. Пов. вр. л. 6605 г. (I, 482); Он же *лежаше* акы мр҃твъ... Иак. Бор. Гл. 130 (I, 1226) — прямое значение; Надежа яко дымъ *ищезаеть*. Пал. XIV в. Поуч. о смрт. (II, 276); Яко чвѣтъ искрьнь и таинъ *прочвьлъ еси* к домоу Б҃а нашего. Мин. 1096 г. (сент./л. 19) (II, 1605) — переносное значение.

Они могут быть антонимами, если передают противоположные по значению признаки эталона, сравни:

Да отпадеть же яко цвѣтъ масличиа. Иов. XV. 33. Библ. 1499 г. (Бусл. 171) (II, 113) — "исчезнуть" — Яко цвѣтъ въ постьничьскыихъ оѳлозѣхъ *процвьлъ еси*. Мин. 1097 г. 118 (II, 792) — "появиться"; Ту во гробѣ Господни есть три кресты велики: единъ аки свѣща *горитъ*... Арс. Селун. 76 (I, 827) — признак "свет" — Очеса ихъ яко свѣща *потухлы*. Мер. правед. XIV в. Енох. 38 (II, 1301) — признак "отсутствие света".

Или синонимами, если передают один признак, сравни: Яко ластовица *пояше* гудущи. Жит. Андр. Юр. XXIV. 91 (I, 611). Яко ластовица тако *вьщьбьчю* Ис. XXXVIII. 14 по сп. XV в. (I, 12); Яко рѣка велика *излияся*. Мин. 1096 г. (сент./83) (I, 1061). ...источници *потекоша* воды акы рѣка силна. Новг. I. л. 6927 г. (по Ак. сп.) (I,1152).

Чаще всего, однако, глаголы, сочетающиеся со сравнениями, относятся к разным семантическим группам, так как передают разные признаки эталона, сравни: Ефремь яко птица *залеть*. Ос. IX. 14 (Упыр.) (I, 925). *Да спсешися*... и яко пти/ца/ ис клепца. Панд. Ант. XI в. л. 226 (I, 1219).

2. Широко сочетаются постоянные сравнения и с причастиями действительного и страдательного залога настоящего и прошедшего времени[36].

а) с причастиями действительного залога наст. времени — *Идуще рикающе* акы звѣрие дивии поглотити хотяще правѣдьнаго. Нест. Бор. Гл. 20 (I, 662). *Идущу* же камению со забралъ яко дожду силну...Ип. л. 6737 г. (I, 861). ...видѣвъше *лежаща* и на земли яко мр҃тва суща... Нест. Бор. Гл. 47 (II, 545).

б) с причастиями действительного залога прошедшего времени — *Въздрювъ* яко волъ. Жит. Влас. Мин. Чет. февр. 118 (I, 370). *Обнажѣвъ* яко птица крилома... Панд. Ант. по сп. XVI в. (II, 565). ...и тѣло увянувшю яко цвѣту нову *процветшю*... Пис. Влад. Мон. 1096 г. (II, 1605).

в) с причастиями страдательного залога настоящего времени — Оу пование нечт҆ваго...яко дымъ вѣтромъ *расходимъ*... Пчел. И. Публ. б. л. 131 (II, 1498). ...яко стрѣламн *пронажаеми*. Сбор. 1076 г. л. 42 (II, 1549).

г) с причастиями страдательного залога прошедшего времени — ...тотъ яко злодѣи маетъ *каранъ* быти. Жал. гр. 1388 г. (II, 657). *Опьшенъ* от крылоу акы птиця. Сбор. 1076 г. л. 78 (II, 702). Веригами *обложенъ* яко монисты златы. Мин. 1097 г. 142 (II, 173).

Преимущественно признаки реализуются действительными причастиями настоящего времени, при том в их древнеболгарском варианте с

суффиксами -ущ, -ющ, -ащ, -ящ. Очень редко используются страдательные причастия настоящего времени.

Как глаголы, так и причастия могут вступать в антонимические отношения, если передают противоположные признаки эталона, сравни: Да *сѣсѣнъ* будеши...и акы птица от пругла. Златостр. сл. 23 (II, 1612) — Да не *уловленъ* будеть яко птица въ дьяволѣ пруглѣ. Стеф. еп. поуч. стриг. ок. 1386 г. (II, 1612), или в синонимические, если реализуют один признак, сравни: Быхъ мыслию яко орелъ *паряй* по воздуху. Сл. Дан. Зат. (I, 354). Яко орьлъ высоцѣ *летая* преславьно въстече... Стихир. XII в. 72(II, 711).

3. Признаки эталона постоянных сравнений передаются и именами прилагательными. Они могут быть в краткой (преимущественно) или в полной форме, сравни:

Язычнаа ж плот есть *кыпра* аки гоуба. Ио. екз. Шест./В. (I, 1418). *Борзъ* же бѣ яко звѣрь. Ип. л. 6756 г. (I, 966). Бѣ же одѣние его *бѣло* яко снѣгъ. Мф. XXVIII. 4. Остр. ев. (I, 718); *Кротъкыа* якост голоуби. Панд. Ант. XI в. л. 250 (I, 546).

Преимущественно используются прилагательные в единственном числе и очень редко во множественном, сравни: Въ зимоу лозие *нагo*...яко мьртвьць... Жит. Нифонт. XIII в. 146 (II,375). Явися звѣзда *подолговато* яко копие. Георг. Ам. (Увар./10) (II, 1059); *Кротъкыа якост голоуби. Панд. Ант. XI в. л. 250 (I, 546).*

Представлены все три рода, сравни: *Борзъ* же бѣ яко звѣрь. Ип. л. 6756 г. (I, 966). *Красен* яко же дуга бѣаше. Жит. Андр. Юр. VII. 37 (I, 741); Бѣ бо и тѣлъмь *крѣпъка* и *сильна* яко же и моужь... Нест. Жит. Феод. 2 (II, 349); *Многосвѣтьно* яко сл҃нце. Мин. 1096 г. (сент./139) (II, 210).

Для реализации признаков используются, хотя и не так часто, и сложные прилагательные, ср.: Яко сѣть есть *многоплетена* зълобьная къзнь. Панд. Ант. XI в. л. 90 (I, 1001).

Все имена прилагательные находятся в положительной степени, нет ни одного примера с прилагательным в сравнительной или превосходной степени. Это, на наш взгляд, связано с тем, что постоянное сравнение содержит в себе проявление признака предмета в более высокой степени (сема "magna"), а также и потому, что в своем большинстве это относительные прилагательные, не образующие сравнительной и превосходной степени.

4. Реализация признаков проводится и словосочетаниями. В качестве таких могут выступать:

а) словосочетания, состоящие из страдательного причастия прошедшего времени и вспомогательного глагола "быти" в личной форме — Яко чл҃вѣкъ в гробь *положенъ* бы҃. Илар. Зак. Благ. (Сбор. 1414 г. 43) (II, 1132). Да *сѣсѣнъ будеши*...и акы птица от пругла. Златостр. сл. 23 (II; 1612). и т. п.

б) словосочетания из возвратного глагола настоящего времени, предлога *на* и существительного в Вин. п. — Акы агня непорочно *приносеся на жертву* Бѣ. Пов. вр. л. 6523 г. (II, 410). Въздрътъ яко волъ *на заколение ведеться*. Панд. Ант. XI в. (I, 353).

в) словосочетания из переходного глагола и существительного в Вин. п. — *Поощроу* яко молънию *мечь* мои. Втз. XXXII. 41. по сп. XIV в. (II, 1188). ...акы въ зрьцалѣ *образы полагають*. Изб. 1073 г. 120 (I, 1363). *Обьостриша* яко копие *языки* своя. Иак. посл. Дм. п. 1078 г. (II, 535) и т. п.

г) словосочетания из глагола в форме аориста и действительного причастия настоящего времени с одним предикативным центром — Акы злодѣя *пьхающе* за ворот *выгнаша*... Новг. I л. 6736 г. (II, 109). Яко ластовица *пояще гудущи*. Жит. Андр. Юр. XXIV. 91 (I, 611) и т. п.

д) словосочетания из двух причастий с одним предикативным центром — Яко нѣкоего зълодѣя *ведоущи съвязана*. Нест. Жит. Феод. 3. (I, 1002). *Идуще рикающе* акы звѣрие дивии..Нест. Бор. Гл. 20 (I, 662) и т. п.

е) словосочетания из причастия от синтаксически недостаточного глагола и существительного с предлогом — ...яко и навь *из гроба исходящи*... Ио. Екз. Бог. 419 (II, 272). Яко главня *истръжена изъ огня*. Захар. III. 2. Амос. IV. 11 (Упыр.) (I, 515) или без предлога — *Обнажьвъ* яко птица *крылома* роугоу будет. Панд. Ант. по сп. XVI в. (II, 565). Якы главнѣ въ пепелъ *сѣмя* огнѣ *храня*. Манас. 5755 (I, 515) и т. п.

ж) словосочетание, состоящее из глагола и прилагательного — Угри же *лежахуть пьяни* яко мертви. Ип. л. 6659 г. (II, 232).

з) словосочетание, состоящее из существительного с предлогом и вспомогательного глагола *быти* — За скотское его плотосластие и жестовыие яко волъ *под игомъ* неприязнином *будеть*. Упыр. 338 (I, 863).

и) словосочетание из предлога и существительного — Тогда придоша множество кровопроливець крестияньскихъ *без числа* аки прузи. Суздл. 6745 г. (по Ак. сп.) (II, 1613).

Бóльшую сочетаемость обнаруживают группы а. (словосочет-я, сост. из страд. прич. прошед. вр. и вспомог. гл-ла "быти"), в. (сл/сочетания из возвр. гл-ла наст. вр., предлога *на* и сущ. В. п.), е. (сл/соч. из прич. от синтакс. недостаточного гл-ла и сущ. с предлогом). Единичными примерами являются группы ж. (сл/соч., состоящие из гл-ла и прилаг.), з. (сл/соч., сост. из сущ. с предлогом и вспомог. гл-ла "быти"), и. (сл/соч. из предлога и сущ.). Реализация признаков эталона словосочетаниями типа г. (из гл-ла в форме аориста и действ. прич. наст. вр. с одним предикативным центром), д. (из двух причастий с одним предикативным центром) обусловлена синтаксической ролью причастия в древнерусском предложении. Оно могло выражать именную часть сказуемого и (в отличие от современного русского языка) служить второстепенным сказуемым[37] ввиду, как уже было сказано, усиления его предикативного аспекта.

Чаще всего признаки эталона передаются глаголами и причастиями и реже словосочетаниями и прилагательными. А только один раз существительным (*гласъ аки труба* — в Псков. I л. 6775 г. (I, 963); Жит. Ал. Невск.). Такое преимущественное употребление глаголов и причастий, на наш взгляд, сваязано с тем, что в большинстве случаев субъектом сравнения является человек и он характеризуется своими действиями, поступками. А они точнее всего передаются указанными частями речи, обладающими бóльшей предикативностью.

Конечно, такое разделение слов, сочетающихся с постоянными сравнениями, на группы совсем не означает, что признаки передаются только глаголами или только прилагательными. Один и тот же признак может реализоваться как глаголом, так и причастием, прилагательным или словосочетанием, сравни: *Просвьться* лице его яко слн̃це. Мф. XVII, 2. Остр. ев. (II, 30). *Многосвѣтьно* яко слн̃це. Мин. 1096 г. (сент./139) (II, 210) — признак передается глаголом и прилагательным; Бѣ же одѣние его *бѣло* яко снѣгъ. Мф. XXVIII. 4. Остр. ев. (I, 218). Бѣста акы снѣгъ *бѣлѣющася*. Нест. Бор. Гл. 34 (I, 220). Ту жь нынѣ кости ихъ *бѣлѣются* аки снѣгъ при градноі стѣнѣ . Стеф. Новг. 1347 г. (I, 220) — признак передается прилагательным, причастием и глаголом.

Говоря о сочетаемости, мы должны отметить и связь между субъектом и эталоном, так как синтагматика постоянных сравнений — это не только реализация признаков эталона связывающим компонентом, но и взаимоотношения субъект — эталон[38].

Эти взаимоотношения могут иметь грамматический аспект — связь по категории "одушевленность/неодушевленность". Намечаются следующие случаи.

1. Эталон (одушевл. предм.) — субъект (одушевл. предм.) — *Се (убийцы)* нападоша акы *звѣрье* дивии около шатра и насунуша и копьи. Пов. вр. л. 6523 г. (I, 662).

2. Эталон (неодушевл. предм.) — субъект (неодушевл. предм.) — ...*пламень* тъ являшеся томоу яко *доуга* стоя... Нест. Жит. Феод. 23 (I, 741).

3. Эталон (неодушевл. предм.) — субъект (одушевл. предм.) — (Борис и Глеб) Свѣтящеся акы двѣ звѣздѣ свѣтлѣ по средѣ темныхъ. Нест. Бор. Гл. 8 (I, 14).

В большинстве случаев существует соответствие между эталоном и субъектом по данной грамматической категории. Но есть и случаи, хотя их очень мало, где такого соответствия нет — см. пункт 3. Интересно отметить, что нет ни одного примера, где эталон одушевленный предмет, характеризовал бы субъект — неодушевленный предмет. Этот факт, на наш взгляд, в большинстве случаев связан именно с указанным направлением перенесения признаков при сравнивании двух предметов — от конкретного к абстрактному.

Другой аспект взаимоотношений — это соотнесенность сопоставляемых предметов по тематическим группам.

Материал показывает, что, как правило, субъект и эталон относятся к разным тематическим группам, сравни: "человек" — "животное" в сравнениях *яко агньць, яко волъ, яко орьлъ* и др.; "оружие" — "неживая природа" в сравнениях мечи, копие *яко вода* блещащася, стрѣлы *яко дождь* и др. Исключения от этого правила единичны, сравни: "человек" — "человек" в сравнениях: *Князя* повесили вы...яко *злодѣя, Володимеръ*...напиташе и напаяше акы *мр҃тви* дѣти своя. То, что сопоставляемые предметы относятся к разным тематическим группам, является уже доказательством метафоричности, переносности их значений. А, имея в виду то, что сказано о критериях выделения постоянных сравнений в начале работы и мнение А. Г. Назаряна по этому вопросу[39], и их фразеологизации.

Интересная связь между субъектом и эталоном наблюдается и в логическом аспекте. Она может проявляться в уподоблении по форме, обычно в случаях, где и субъект, и эталон являются неодушевленными предметами, сравни: *небо* яко *комара* поставити, *звѣзда* подолговато яко *копие*. В большинстве случаев указанные компоненты сравнения находятся в отношениях сопоставления между собой, сравни: *(человек)* аки *агньць* незлобивъ, *глась* аки *труба* (силен). Но они могут вступать и в отношения противопоставления между собой в примерах типа *акы дивии звѣрие* — не как человек (суб.), а как зверь (этал.), *яко птица* — не как человек, а как птица и т. п. Но такие отношения наблюдаются только в определенных случаях. Почему? Во всех этих примерах субъектом сравнения является человек. А человек или обладает этими признаками, качествами, свойствами, которые являются общими с эталоном в меньшей степени, или вообще не обладает ими. Поэтому и получается такое логическое противопоставление, сравни: 1) человек не может реветь так сильно, как это делает лев, поэтому — *яко львь рыкати*; 2) человек вообще не может лететь, а орел может (притом очень высоко) — поэтому и сравнение *яко орьль летети*.

Что касается взаимоотношений между субъектами сравнения и признаками, характеризующими их, то можно выделить следующие случаи:

1. Субъекты одной тематической группы характеризуются одним признаком, сравни: ...идяху *стрѣлы* акы дождь. Пов. вр. л. 6605 г. (I, 482). Идущу же *камѥнию* со забралъ яко дожду силну. Ип. л. 6737 г. (I, 861).

Субъекты принадлежат к тематической группе "оружие", для их характеристики используется признак "движение".

2. Субъекты одной тематической группы характеризуются несколькими признаками, сравни: Мшица оустрѣмиша и възлетѣша въсльпе (вскочи) яко пругъ *помощникъ* твои ... Наум. III. 16, 17 (II, 214). Тогда

придоша множество *кровопроливець* крестияньскихъ без числа аки прузи. Суздл. л. 6745 г. (по Ак. сп.) (II, 1613).

Субъекты относятся к тематической группе "человек" и характеризуются двумя признаками — "движение" и "количество".

3. Две тематические группы субъектов — два признака, сравни: *Высокомыслие* яко прахъ сътреся. Муч. Вад. 2. Мин. чет. апр. 187 (I, 451). *(Житие члвчко)* акы пара и пепелъ и прахъ. Пал. XIV в. Поуч. о смир. (II, 879). Тъгда съдробишася въкоупъ *глина железо*... и быша акы прахъ... Иппол. Антихр. 19 (Дан. II. 35) (I, 748). ...камыкъ оукроутися отъ горы бездроукъи и порази *образы* и сътвори и акы прахъ. Изб. 1073 г. 163 (II, 540).

Субъекты сравнения первых двух примеров можем объединить в тематическую группу "человек". Они характеризуются признаком "кратковременность существования". Субъекты в других примерах можно отнести к тематической группе "быт". Они уподобляются эталону по признаку "форма".

4. Несколько тематических групп субъектов характеризуются несколькими признаками, не соответствующими этим группам, т.е. один и тот же признак может характеризовать субъекты двух и больше разных тематических групп, сравни: Бѣ же зрак его (ангела) яко мълънии. Мф. XXVIII. 3. Остр. ев. (I, 998). Субъект (ангел) относится к тематической группе "бог, религия", а его характеризует признак "свет". Лице его яко моланья... Паис. сб. Варф. 147 (I, 1119). Субъект принадлежит к тематической группе "человек" — признак "свет". Яко посвѣтяше молонья блещащеться оружье... Пов. вр. л. 6533 г. (II, 1232). Субъект тематической группы "оружие" — признак "свет". Поощроу яко молънию мечь мои. Втз. XXXII. 41. по сп. XIV в. (II, 1188). Субъект той же тематической группы — "оружие" — признак "форма". Как видно, признак "свет" характеризует субъекты разных тематических групп — "бог, религия", "человек", "оружие".

5. Несколько тематических групп субъектов — один признак, сравни: *Лице* его просвѣтися якы свѣтъ... Новг. I л. 6818 г. (I, 663). ...и изыдетъ яко свѣтъ *спасение* мое. Илар. Зак. Благ. (II, 1377). И *ризы* его акы свѣтъ... Гр. Наз. XI в. 325 (II, 227) — субъекты: лице, спасение, ризы — признак "блеск, сияние".

Производит впечатление, что в отличие от современного языка, где при сравнивании обычно берется один признак эталона (сравни: *как заяц* — трусливый, *как смоль* — черный и др.), то в древнерусских постоянных сравнениях очень часто используются два и больше признаков — см. группы 2. (один субъект — несколько признаков), 3. (две тематические группы субъектов — два признака), 4. (несколько тематических групп субъектов — несколько признаков). Этот факт, на наш взгляд, определяет, обуславливает ту богатую и разнообразную сочетаемость, которую имеют рассматриваемы фразеологические едини-

ницы — для реализации нескольких признаков эталона используются несколько и различных связывающих компонентов. А все это со своей стороны дает ответ на вопрос, почему древнерусские постоянные сравнения в своем большинстве имеют одночленную структуру (т. е. состоят преимущественно из союза и существительного). Структура находится в тесной зависимости от синтагматики — чем синтагматика богаче и разнообразнее, тем структура ограниченнее и наоборот. Может быть, этот факт типичен для такого начального периода в оформлении и употреблении постоянных сравнений. Далее утрачиваются некоторые признаки эталона, а в связи с этим сужается и круг глаголов, прилагательных, причастий, словосочетаний, реализующих их, пока останется один признак, характеризуемый одним из указанных связывающих компонентов. Ответ на вопрос, что именно является причиной утраты этих признаков, не входит в цели нашей работы, и мы на этом не будем останавливаться. Можно только предполагать, что признак, который остается в сравнении или объединяет в себя остальные, или они просто отмирают, потому что не характеризуют так сильно, так ярко эталон, не так существенны для него. Например, в древнерусском сравнении *яко млъния* использовались три признака: 1) "свет, блеск" — светитися яко млъния, 2) "движение" — яко млъни обрищущи (устремляться), 3) "форма" — поострю мечь яко молнию. В современном языке остался только один из этих трех признаков — "движение". А, может быть, такой процесс связан и с развитием семантики слова или с экстралингвистическим фактором.

В упомянутых примерах, где один или несколько субъектов характеризуются несколькими признаками, намечаются интересные взаимоотношения и между самими признаками. Например, они могут принадлежать к одной тематической группе: Видѣвъ же сѧ̑го свѣтящася яко молнии. Нест. Бор. Гл. 28 (II, 203) — признак "свет", Яко и млъни обрищущи. Гр. Наз. XI в. 276 (II, 546) — признак "движение", Поощроу яко молънию мечь мои. Втз. XXXII. 41. по сп. XIV в. (II, 1188) — признак "форма". Все эти три признака можем объединить в тематическую группу "физическая характеристика предмета".

Признаки могут быть антонимичными: Да отпадеть же яко цвѣть масличиа. Иов, XV. 33. Библ. 1499 г. (Бусл. 171/II, 113) — "исчезнуть" — Яко чвѣтъ искрьнь и таинъ прочвьлъ еси къ домоу Бо̑ нашего. Мин. 1096 г. (сент./л. 19) (II, 1605) — "появиться" или могут характеризовать субъект своим отсутствием: Вид ихъ яко свѣща огнены... Наум. II. 4. (II, 215) — признак "свет", Очеса ихъ яко свѣща потухлы. Мер. Правед. XIV. Енох. 38 (II, 1301) — признак "отсутствие света".

Суть самого процесса сравнивания, как известно, состоит в том, что признаки, качества, свойства одного предмета (как мы уже указали — обычно конкретного) переносятся на другой с целью обогатить его характеристику, воздействовать более сильно, образно на читателя или

слушателя. Древнерусские же постоянные сравнения не делают исключения от этого правила, но они могут выполнять в некоторых случаях и иную функцию, которая является как бы производной от их основной. Речь идет о том, что иногда посредством сравнения умышленно подчеркиваются, усиливаются некоторые признаки, качества, свойства субъекта в целях выделить его среди остальных ему подобных. Таковы постоянные сравнения, в которых субъектом является человек и употребляющиеся при характеристике его образа, сравни: (Борис и Глеб) Свѣтящеся акы двѣ звѣздѣ свѣтлѣ по средѣ темныхъ. Нест. Бор. Гл. 8. (I, 14); Си (Ольга) в невѣрныхъ чл҃вцхъ свѣтящеся аки бисеръ в калѣ. Пов. вр. л. 6477 г. (I, 89) и т. п. Обычно сравнения такого типа встречаются в житиях святых или в контекстах, в которых рассказывается о них, что связано с творческим замыслом автора создать идеализированный образ, отделить его от других обыкновенных людей, наделать его совершеннейшими качествами по сравнению с остальными, возвысить его над всем, что связано с этим земным миром.

Итак, проведенный анализ дает нам право утверждать, что:

1. В древнерусском литературном языке XI—XIV вв. существовали такие сравнения, которые употреблялись, воспроизводились в готовом виде, т. е. они являлись фактом языка, не речи. И, поскольку они были устойчивыми, постоянными, а не авторскими, окказиональными, то мы относим их к фразеологическому фонду языка, который мы понимаем в его широком аспекте.

2. Имея в виду ряд экстралингвистических и собственно лингвистических факторов, оказавших влияние на развитие древнерусской литературы (resp. на развитие древнерусского литературного языка), можно сказать, что в своем подавляющем большинстве эти постоянные сравнения вошли в древнерусскую литературу из древнеболгарских переводов и оригинальных произведений (resp. в древнерусский литературный язык из древнеболгарского).

3. Древнерусские постоянные сравнения имели одно-, двух-, и трехчленную структуру. Самая употребительная — одночленная структура.

4. Особенностью системы этих сравнений являлась конструкция яко + Тв.п.сущ., существовавшая самостоятельно еще в этот период развития языка.

5. При сравнивании использовался не только один признак, качество, свойство эталона, а два и больше.

6. Ввиду специфики древнерусского синтаксиса, постоянные сравнения древнерусского языка могли сочетаться как с глаголами, прилагательными, причастиями, так и со словосочетаниями определенных типов.

7. Древнерусские постоянные сравнения сочетались только с определенными глаголами, прилагательными и словосочетаниями, семантически связанными с признаками их эталона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
2. Вранска, Ц. Стилни похвати на патриарх Евтимий. С., 1942.
3. Генадиева-Мутафчиева, З. Към въпроса за фразеологичните съчетания в българския език. – Изв. Инст. бълг. ез., 1959, № 6.
4. Гочев, Г., Влайков, С. Фразеологизмы компаративного типа в русском и болгарском языках. В: Материалы IV международного симпозиума МАПРЯЛ. В. Търново, 1984.
5. Дограмаджиева, Е. Съюзните сравнителни конструкции в старобългарски. – Изв. Инст. бълг. ез., № 22, 1973 г.
6. Еленски, Й. Историческая лексикология русского языка. В. Тырново, 1980.
7. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983.
8. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.
9. Копыленко, М. М. Исследование в области славянской фразеологии древнейшей поры. Автореферат докторской диссертации. Л., 1967.
10. Кювлиева, В. Традиционните сравнения в българския език. – В: Българското словно богатсво. С., 1982.
11. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
12. Лебедева, Л. А. Постоянные сравнения русского языка. Краснодар, 1975.
13. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.
14. Лихачев, Д. С. Слово о полку Игореве. М., 1976.
15. Ломтев, Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
16. Львов, А. С. Исследование Похвалы великому князю Святославу и царю Симеону. – В: История русского языка. М., 1982.
17. Мальшакова, Н. Т. Сравнительные обороты с союзом "как". – Русский язык в школе, 1953, № 6.
18. Молдован, А. М. "Слово о законе и благодати" Илариона. Киев, 1984.
19. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология. М., 1980.
20. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка. М., 1976.
21. Назарян, А. Г. Образные сравнения французского языка – фразеологизмы. М., 1965.
22. Новиков, Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
23. Орлова, В. И. Фразеологические обороты со сравнительными союзами. – Русский язык в школе, 1966, № 3.
24. Смольянинова, Е. Н. Словосочетание и контекст. – В: Языковые единицы и контекст. Л., 1973.
25. Сосюр, Ф. де, Труды по языкознанию. М., 1977.
26. Станева, Х. Към характеристиката на сравнителните конструкции с "като". – Трудове на ВПИ "Кирил и Методий", 6, 1968/69.
27. Судоплатова, Н. Н. Устойчивые компаративные сочетания и компаративная фразеология. – В: Современная русская лексикография. Л., 1979.

28. Федоров, А. И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969.
29. Филкова, П. История русского литературного языка (XI – XVIII вв.). С., 1973.
30. Филкова, П. Църковнославянска фразеология в съветската художествена и обществено-публицистична литература. С., 1965.
31. Цонев, Б. История на българския език. Т. 1 – 3, С., 1984.
32. Черемисина, М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976.
33. Широкова, Н. А. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения. Киев, 1966.
34. Якубинский, Л. П. История древнерусского языка. М. 1953.
35. Kučerova, E. Semanticka analyza adjektivnych ustalenych slovnych spojeni sfrazeologizovanym komponentom (na ruskom a slovenskom materiali). – Slavica Slovaca, 17, 1982, No 1.

ИСТОЧНИКИ

1. Библия. СПб., 1888.
2. Выголексинский сборник. М., 1976.
3. Материалы для словаря древнерусского языка XI – XIV вв. СПб., 1893 – 1912.
4. Памятники литературы древней Руси XIV – сер. XV в. М., 1981.
5. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Л., 1985.

СЛОВАРИ

1. Български етимологичен речник. Т. 1 – 2, С., 1971 – 1979.
2. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1 – 10. М., 1975 – 1983.
3. Slovnik jazika staroslovenckého. T. 3. Praha, 1975.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: Памятникам литературы древней Руси XIV – сер. XV в. М., 1981, 418 – 420. Здесь и далее в работе орфография упрощена и слова даются в их современном написании, за исключением тех примеров, где различаются орфографические варианты.

[2] См. работы В. Кювлиевой, К. Ничевой, Х. Станевой, Л. И. Ройзензона, А. Г. Назаряна, В. И. Орловой, Э. Кучеровой и др.

[3] См. работы Э. Дограмаджиевой, Н. А. Широковой, и кандид. диссертацию М. Ф. Палевской.

[4] См. Широкова, Н. А. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения. Киев, 1966; Палевская, М. Ф. Сравнительные обороты и сравнительные придаточные предложения в древнерусском языке. Автореф. кандид. диссертации. М., 1954.

[5] См. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология. М., 1980, с. 96;

"Минимальными фразеологическими единицами" можно также назвать устойчивые сравнения типа *как снег* – "белый", *как заяц* – "трусливый"..."

[6] Об этом подробнее см. в часть "Синтагматика", с. 18.

[7] Фразеология в рамках так называемого "узкого понимания" рассматривается в работах В. В. Виноградова, С. И. Ожегова, С. И. Абакумова, Н. Н. Амосовой и др.

[8] С м о л ь я н и н о в а, Е. Н. Словосочетание и контекст. – В: Языковые единицы и контекст. Л., 1973, с. 125.

[9] См. Ф и л к о в а, П. История русского литературного языка (XI – XVIII вв.), С., 1973, с. 57.

[10] Наличие постоянных сравнений в деловых памятниках поддерживает распространенное мнение, что все-таки этот тип языка обладал известной литературностью. См. Ф и л к о в а, П. Указ. соч., с. 80.

[11] Здесь и далее при цитировании примеров из словаря И. И. Срезневского даются только том (римскими цифрами) и страница (арабскими).

[12] См. Н а з а р я н, А. Г. Фразеология современного французского языка. М., 1976, 203 – 204.

[13] См. также такой вывод Д. С. Лихачева: "Средневековые сравнения, как мы уже говорили, "идеологичны". Они тесно связаны с господствующей идеологией своего времени, и этим объясняется их традиционность, их малая изменяемость, каноничность и трафаретность". Л и х а ч е в, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971, с. 198.

[14] В р а н с к а, Ц. Стилни похвати на патриарх Евтимий. С., 1942, с. 56.

[15] См. Н а з а р я н, А. Г. Образные сравнения французского языка – фразеологизмы. М., 1965, с. 13, 29, 31, 36, 99.

[16] См. О р л о в а, В. И. Фразеологические обороты со сравнительными союзами. – Р. яз. в школе, 1966, № 3, с. 89.

[17] См. также такой вывод А. С. Львова о роли церковно-религиозной литературы в развитии древнерусского литературного языка: "Что касается русского литературного языка, то в нем *сот, соты*, по-видимому, церковнославянизм, потому что в словаре И. И. Срезневского все примеры, иллюстрирующие употребление слова *сѣть*, из памятников церковно-славянской письменности или в цитатах из церковных книг." Л ь в о в, А. С. Исследование Похвалы великому князю Святославу и царю Симеону. – В: История русского языка. М., 1982, с. 181.

[18] Подобная ситуация существовала и в древноболгарском языке XII – XV вв.: "...писателите от среднобългарския период се държат повече о старобългарския писмен език, а само тук-там отстъпят на народната реч. Така че книжовната реч от XII до XV век е всъщност по-близу до старобългарски отколкото до живата народна реч." Ц о н е в, Б. История на българския език. Т. 2, С., 1984, с. 260.

[19] Подобное мнение о направлении передвижения некоторых библейских выражений имеется в работе П. Филковой: Църковно-славянска фразеология в съвременната художествена и обществено-публицистична литература, С., 1965, с. 21.

[20] См. С р е з н е в с к и й, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка XI – XIV вв. Т. 2., с. 1483; Slovnik jazika staroslovenckého Praha, Т. 3., 1975, с. 319.

[21] См. Ш и р о к о в а, Н. А. Указ. соч., с. 53.

[22] См. О р л о в а, В. И. Указ. соч., с. 84; С у д о п л а т о в а, Н. Н. Устойчивые компаративные сочетания и компаративная фразеология. – В: Современная русская лексикография. Л., 1979, 51 – 52.

[23] См. К ю в л и е в а, В. Традиционните сравнения в бълг. ез. – В: Бълг. словно богатство. С., 1982, с. 33; К у ч е р о в а, Э. Semanticka analyza adjectivnych ustalenich slovnich spojeni s frazeologizovanjm komponentom – Slavika Slovaka, 17, 1982, No 1; Н а з а р я н, А. Г. Указ. соч.

[24] См. Г о ч е в, Г., В л а й к о в, С. Фразеологизмы компаративного типа в русском и болгарском языках. – В: Материалы IV международного симпозиума МАПРЯЛ, В. Търново, 1984.

[25] См. Назарян, А. Г. Фразеология современного..., с. 207.

[26] И для трех типов конструкций сравн. союз обязателен.

[27] См. Широкова, Н. А. Указ. соч., с. 71.

[28] См. Орлова, В. И. Указ. соч., с. 84.

[29] См. Еленский, Й. Историческая лексикология русского языка. В. Търново, 1980, с. 73.

[30] Примерный список постоянных сравнений современного русского языка имеется в работе Л. А. Лебедевой: Постоянные сравнения русского языка. Краснодар, 1975.

[31] См. Лихачев, Д. С. Указ., соч., с. 199.

[32] См. Мокиенко, В. М. Указ., соч., с. 8.

[33] См. Дограмаджиева, Е. Съюзните сравнителни конструкции в старобългарски. Изв. Инст. бълг. ез., 1973, № 22, с. 33.

[34] См. Сосюр, Ф. де, Труды по языкознанию, М., 1977, с. 155.

[35] См. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974, 13–14, Новиков, Л. А. Семантика русского языка. М., 1982, 148–153.

[36] Такая широкая сочетаемость обусловлена характером древнерусского причастия. В данный период для него более типичен предикативный аспект, чем атрибутивный. См. Данков, В. Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола. М., 1981, 25–26.

[37] Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978, 90–118.

[38] Рассматриваются и те случаи, когда субъект необязателен для структуры постоянного сравнения.

[39] См. Назарян, А. Г. Фразеология..., с. 210: "...в большинстве этих единиц (компаративных – дополн. наше) сопоставляемые предметы относятся к разным тематическим группам."

СТРУКТУРА И СИНТАГМАТИКА ПОСТОЯННЫХ СРАВНЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА НА "МАТЕРИАЛАХ ДЛЯ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА XI–XIV вв." И.И.СРЕЗНЕВСКОГО

Резюме

В исследовании рассматриваются древнерусские сравнения типа современных *как заяц, как смоль* — *акы агньць, яко кѣдръ въ Ливань*, для которых в качестве рабочего принят термин "постоянные сравнения".

Основной источник — вышеупомянутый словарь И. И. Срезневского, а цель исследования: 1. доказать существование постоянных сравнений в древнерусском языке и 2. более подробно рассмотреть их структуру и синтагматику.

Условно работу можно разделить на три части. В первой выделяются критерии, на основании которых исследуемые сравнения могут считаться постоянными. На наш взгляд, это: 1. частотность, 2. образность и 3. трафаретность, каноничность.

Во второй части рассматривается структура древнерусских постоянных сравнений. Исследованный материал показывает, что в зависимости от обязательности компонентов она может быть: 1. одночленной — напр., *яко рѣка*, 2. двучленной — напр., *бѣлъ яко снѣгъ* и 3. тричленной — *поставити небо яко комара*. Со своей стороны эти три группы могут быть разделены на одиннадцать структурных типов: напр. *союз + существ.* — *яко пътица, глагол + союз + существ.* — *ищезнути яко дымъ* и т. д. Отдельно в этой части отмечаются сравнительные конструкции типа *союз + тв. п.*, которые, как видно на примерах, существовали еще в этот период развития русского литературного языка. Далее более подробно мы останавливаемся на вариантности отдельных компонентов структуры постоянных сравнений, так как она связана с вопросом о том, какая из двух языковых стихий — древнеболгарская или древнерусская — оказала влияние на формирование этой фразеологической категории. Исследованный материал дает нам право утверждать, что для большинства древнерусских постоянных сравнений — это древнеболгарский язык.

В третьей части рассматривается синтагматика этих сравнений. Здесь круг глаголов и прилагательных, с которыми сочетается эталон (опорное слово сравнения) семантически ограничен. Оказывается также, что в отличие от современного русского языка, где при сравнивании используется обычно один признак эталона, то в древнерусском очень часто используются два и больше признаков, напр. в сравнении *яко млънии* (с. 30).

В конце исследования, на основании проведенного анализа, сделанны выводы о наличии постоянных сравнений в древнерусском языке XI–XIV вв., об их языковой основе, о некоторых специфических явлениях в их структуре и синтагматике.

STRUKTURE AND SYNTAGMATICS OF THE OLD RUSSIAN CLICHESIMILES IN I. I. STREZNEVSKI'S "MATERIALS FOR A DICTIONARY OF OLD RUSSIAN: XI–XIV CC."

Summary

The study examines Old Russian similes of the type also found in Modern Russian: *как заяц, как смоль — акы агньць, яко кѣдръ въ Ливанѣ*, which we refer to in the present paper as "cliche-similes".

The principal source for this study has been the said dictionary by Streznevski and the goals of the research are: (1) to prove the existence of cliche-similes in Old Russian, and, (2) to elaborate on their structure and syntagmatics. The paper comprises three parts. The first one deals with the criteria used in establishing which similes can be considered "fixed" or "cliches". In our opinion these include: (1) rate of occurence; (2) potential imagery; (3) the degree to which they have become cliches.

The second part concentrates on the structure of the Old Russian cliche-similes. The investigated corpus shows that according to the fixedness of the components it can be: (1) one-member — e. g. *яко рѣка*, (2) two-member — e. g. *бѣль яко снѣгъ* and (3) three-member — *поставити небо яко комара*. These three groups can further be subdivided into eleven structure types: e. g. *conjunction + noun — яко пътица, verb + conjunction + noun — ищезнути яко дымъ* etc. Special attention is paid to simile patterns of the type: *conjunction + instrumental case*, which, as becomes clear from the examples, were still extant during this period of the development of the Russian literary language. Further on we examine the variability of the components making up cliche-similes, it being closely connected with the problem of which of the two waves of influence — whether the Old Bulgarian or the Old Russian — affected the formation of these phraseological units. The investigated corpus gives us reason to believe that for the majority of Old Russian cliche-similes this was Old Bulgarian.

The third part examines the syntagmatics of the similes. Some of the interesting peculiarities are the following: the range of the verbs and adjectives with which the key word combines is semantically restricted; we have also found that in contrast with Modern Russian, where only one feature of the key word is taken when constructing the simile, in Old Russian two or more features were used for this purpose., e. g. in the simile *яко мльнии* (p. 30).

The analysis of the data proves the existence of cliche-similes in the Old Russian of XI–XIV cc. The conclusions include the reasons for that as well as some specific features concerning their structure and syntagmatics.

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
"СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ
КНИГА 2 – ЕЗИКОЗНАНИЕ
ТОМ 23
1986

Отговорен редактор Лъчезар Георгиев
Технически редактор Мариян Кенаров
Коректор Стефка Бръчкова
Консултант Радослав Райчев

Българска, I издание
ISSN 0204–6369

Формат 60 × 90/16
Печатни коли 10,75
Тираж 250
Цена 25 лева

Дадена за набор юли 1992 г.
Излязла от печат декември 1992 г.
Университетско издателство "Св. св. Кирил и Методий"

Компютърен набор и страниране – КФ"Полиграф-принт" – Разград
Печат – печатница на университетското издателство

ISSN 0204 – 6369

Цена 25 лв.